

ЯН ТОМАШ ГРОСС

при участии ИРЕНА ГРУДЗИНЬСКОЙ-ГРОСС

ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

Благодарная Молдавия — братскому народу России

Программа книгоиздания

КАНТЕМИР

Инициаторы программы:

С. В. Марар, С. Е. Эрлих

Участники программы:

Университет Высшая антропологическая школа
(президент М. Е. Ткачук)

Международная федерация национального стиля единокорств «Воевод»
(президент Н. И. Паскару)

Международная федерация русскоязычных писателей
(председатель О. Е. Воловик)

Общественная благотворительная организация «Единодушие»
(президент М. Н. Иванов)

Союз коммерсантов «Est-Vest Moldova»
(председатель С. М. Цуркан)

Издания, вышедшие в рамках программы «Кантемир»

- 14 декабря 1825 года. Вып. VIII / Отв. ред. О. И. Киянская. 2010.
- Баевский В. С.* Роман одной жизни. 2007.
- Галицкий П. К.* «Этого забыть нельзя!». 2007.
- Галицкий П. К.* «Почти сто лет жизни...» Воспоминания пережившего сталинские репрессии. 2009.
- Ганелин Р. Ш.* «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели В. Н. Кашина. 2006.
- Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. 2-е изд. 2006.
- Гордин Я. А.* Дороги, которые мы выбираем, или Бег по кругу. 2006.
- Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел. К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рыльева. 2010.
- Дерачев В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбугас. 2007.
- Исмаил-Заде Д. И.* И. И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор. 2007.
- Кантемир Дмитрий.* Описание Молдавии. 2011.
- Киянская Г. М., Киянский И. А.* Воспоминания. 2007.
- Клейн Л. С.* Трудно быть Клейном. 2009.
- Латин В. В.* Полтава — российская слава: Россия в Северной войне 1700–1721 гг. 2009.
- Лотман Л. М.* Воспоминания. 2007.
- Нестор № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры / Отв. ред. В. И. Мусаев. 2007.
- Нестор № 11. Смена парадигм: современная русистика / Отв. ред. Б. Н. Миронов. 2007.
- Нестор № 12. Русская жизнь в мемуарах / Отв. ред. А. И. Купайгородская. 2008.
- Нестор № 13. Мир детства: семья, среда, школа / Отв. ред. Е. М. Балашов. 2009.
- Нестор № 14. Технология власти — 2 / Отв. ред. И. В. Лукоянов, С. Е. Эрлих. 2010.
- Печерин В. С.* Apologia pro vita mea: Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / Публ. и коммент. С. Л. Чернова. 2011.
- «Проклятый город Кишинев...» Потерянное поколение русских поэтов в Молдавии. 1970–1990. 2014.
- Русская семья “Dans la tourmente dechainée...” Письма О. А. Толстой-Воейковой 1927–1930 гг. / Публ. и коммент. В. Жобер. Изд. 2-е. 2009.
- Русское будущее: Сб. ст. / Ред.-сост. В. В. Штепа. 2008.
- Стурдза А. С.* Размышления об учении и духе православной церкви / Пер. с франц. Н. И. Епишкина. 2015.
- Фрумкин К. Г.* Сюжет в драматургии. От античности до 1960-х годов. 2014.
- Цвиркун В. И.* Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. 2010.
- Чернов С. Л.* Casus Владимира Печерина. 2016.
- Шульгин В. В.* Тени, которые проходят / Сост. Р. Г. Красюков. 2012.
- Щербатов А. Г.* Мои воспоминания / Под ред. О. И. Киянской. 2006.
- Эрлих С. Е.* Россия колдунов. 2006.
- Эрлих С. Е.* История мифа. Декабристская легенда Герцена. 2006.
- Анти-Эрлих. Pro-Moldova. 2006.
- Эрлих С. Е.* Метафора мятежа. 2009.
- Эрлих С. Е.* Бес утопии. 2012.
- Эрлих С. Е.* Утопия бесов. 2012.
- Эрлих С. Е.* Война мифов. 2016.

Jan Tomasz Gross
współpraca:
Irena Grudzińska-Gross

Ян Томаш Гросс
при участии
Ирены Грудзиньской-Гросс

ZŁOTE ŻNIWA ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

*Rzecz o tym, co się działo
na obrzeżach zagłady Żydów*

*О том, что происходило
вокруг истребления евреев*

Перевод с польского
Леонида Мосионжника

Wydawnictwo Znak
Kraków
2011

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 94
ББК 63.3
Г88

Перевод на русский язык был осуществлен при поддержке организации
«Никогда больше» (Nigdy Więcej).
Для контактов: Stow. "NIGDY WIĘCEJ", P. O. Box 6, 03-700 Warszawa 4.
facebook.com/respectdiversity

Книга была удостоена награды Ассоциации германских исследований (США)
«Sybil Halpern Milton Book Prize»
как лучшая книга на тему Холокоста, изданная в 2011 году

Редактор *Наталья Синяева-Панковская*

Гросс Я. Т., Грудзиньская-Гросс И.
Г88 Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев / Пер.
с польск. Л. Мосионжника. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 152 с.
ISBN 978-5-4469-1205-6

Импульсом к созданию данной книги послужила фотография, сделанная после войны на территории лагеря смерти Трешлинка, где местные жители занимались поисками драгоценностей, якобы оставшихся после уничтоженных в газовых камерах евреев. Именно на периферии Холокоста заметны гиены в человеческом облике. «Золотая жатва» — не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины. Она ставит серьезные моральные и исторические проблемы. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-4469-1205-6

© Jan Tomasz Gross, Irena Grudzińska-Gross, 2017
© Agencja Gazeta, фото, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ян Грабовский</i> . Предисловие к польскому изданию	8
Введение и благодарности	10
Что мы видим на снимке	12
О потребности называния	16
О том, что у «перехвата» еврейской собственности было много сторонников	19
Снимки и документация Холокоста?	25
Что происходило на земле лагерей смерти сразу после войны.	27
Попытка нормализации	34
Бережливость	35
Эксплуатация лагеря уничтожения окрестным населением во время войны	37
Захват еврейской собственности простыми людьми	46
Замечания об убийстве евреев местными жителями	49
Об убийствах евреев крестьянами Келецкого края	52
Познавательное значение «насыщенного описания»	59
Крупный план: сцена преступления	60
Конкретные люди	65
Почему периферия Холокоста столь важна	68
Кому эксплуатация евреев приносила выгоду	69
Что говорили люди о еврейской собственности и как это следует понимать	74
Об одной разновидности патриотической позиции	77
Охота на евреев	80
Опредмечивание евреев	85
«Вытапливание жира»	89
Укрывание евреев за плату	92
Крупный план, на котором большая часть укрывавшейся еврейской семьи пережила войну	95

Новые правила поведения.....	99
Мнения знающих суть дела	101
А что же католическая Церковь?	104
«Nuncrite lecteur, mon semblable, mon frère»	109
Заключение. История колечка с рубином из лагеря Козельско-Белжец	115
Четыре взгляда на «Золотую жатву»	
<i>Марк Вейцман.</i> «Золотая жатва»: уроки, извлеченные из фотографии	117
<i>Алексей Миллер.</i> Ян Гросс и память о Холокосте.....	129
<i>Рафал Панковский, Наталия Синяева-Панковская.</i> Для чего нам нужен Ян Томаш Гросс?	135
<i>Алексей Тулбуре.</i> Бессарабия: еще один случай «забытого» Холокоста	138

Золотой зуб, вырванный у трупа,
всегда будет кровоточить...

Казимеж Выка

Жизнь для видимости

Ян Грабовский

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЛЬСКОМУ ИЗДАНИЮ

«Золотая жатва» — это книга об алчности, о грабежах, об убийствах и о мучениях, которые перенесли евреи. Дело происходит как бы «вокруг Холокоста» — там, где еврейские жертвы, отчаянно искавшие спасения, сталкивались с местным населением. И вот тут доходило до страшных преступлений — тем более страшных, что чаще всего они оставались без разоблачения и наказания. Очевидно, что вина за Холокост лежит на Германии. Но правда и то, что — как верно пишут авторы — единственный путь спасения для евреев проходил через контакты с местным населением. И именно тут события протекали драматично, нередко страшно и губительно. Какую-то роль во всем этом, вероятно, сыграл предвоенный антисемитизм, но насколько стереотипы и идеология замешаны в сути описываемой трагедии, настолько же главным мотивом действий оказывается жажда грабежа. Именно на периферии Холокоста заметны гиены в человеческом облике, пожирающие живых и мертвых евреев. Ибо жажда грабежа простирается и за могилу: свидетельство тому — территории лагерей смерти в Белжеце и Трешлинке, тщательно перекопанные после войны сотнями сельчан, искавших среди останков жертв золотые зубы, драгоценности или колечки. «Золотая жатва» — не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины.

Как видно из текста, в какой-то момент после оккупации — трудно сказать, в какой именно, — наступил внезапный ценностный сдвиг там, где речь шла о евреях и обо всем еврейском. Это

Ян Грабовский, профессор истории Холокоста в Университете Оттавы, соучредитель Польского центра исследований Холокоста.

не был «точечный» процесс, касающийся каких-то конкретных «пораженных» районов или сел, но явление европейского масштаба: ведь убийства и грабежи происходили везде, где появлялись еврейские беженцы от нацизма. Просто-напросто в какой-то день или неделю, где-то летом или осенью 1942 г., внезапно стало ясно, что уже *всё можно*. Если воспользоваться химической метафорой, наступила своего рода «сублимация агрессии». Сублимация, т. е. возгонка из твердого прямо в газообразное состояние, минуя жидкое. Именно такая сублимация агрессии в отношении евреев происходила повсюду на территории оккупированной Польши. Предвоенная неприязнь к евреям, выталкивание их на границу общественной жизни или даже за эту границу — всё это внезапно перешло в физическое уничтожение или в согласие с ним. Преступления сопровождалось отсутствием чувства вины. Откуда бы взяться этому чувству, если в глазах столь многих евреи перестали быть людьми, а превратились в дичь, травимую с азартом и лютостью? Цитируемый в книге Здзислав Ключковский так писал в своем «Дневнике из лет оккупации ЗамоЙщины» о ликвидации гетто в Щебрешине: «Некоторые принимали личное участие в травле и выслеживании евреев. Указывали, где скрывались евреи, молодые люди гонялись даже за маленькими еврейскими детьми, которых [польские] полицейские убивали у всех на глазах». Станислав Жеминьский из Лукова записывал по свежим следам: «В Тшебишове какие-то гражданские стражники, местные крестьяне, патрулирующие ночью от бандитских нападений, получили приказ схватить всех местных евреев и доставить их в Луков. Евреев вытаскивали, хватили в полях и лугах. Еще гремели выстрелы, а наши гиены уже искали, что украсть из оставшегося от евреев».

Масштаб этого явления поразителен: в свидетельствах уцелевших евреев и в послевоенной архивной документации (еще недавно известной лишь узкой группе специалистов) обнаруживаются тысячи и тысячи жертв, погибших «на периферии Холокоста», выданных немцам или убитых местным населением. Те, кто хотели чем-то помочь евреям, бросали вызов не только оккупантам, но и всем согражданам, для которых «неарийское население» осталось за чертой сферы взаимных обязанностей. Речь идет не только о людях темных,

примитивных, легко поддающихся аргументам зла. Винцент Соболевский, врач из-под Сандомира, образованный человек, столп местного общества, 29 января 1943 г. записал в своем дневнике: «Поскольку Господь Иисус дал евреям почти две тысячи лет на исправление, но увидел, что они и дальше остались при своих бреднях, то послал на них кару. Как они пролили кровь Невинного, так теперь их друзья немцы, с которыми они столько зла рассеяли по свету, теперь убивают их. Божьи жернова мелют медленно, но верно».

«Золотая жатва» — это страшная книга, но до боли правдивая и нужная.

ВВЕДЕНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Фотография, послужившая толчком к написанию этой книги, впервые была опубликована в «Газете Выборчей» (*Gazeta Wyborcza*) — за 8 января 2008 г.¹ Она произвела на меня тогда

¹ Этот снимок впервые был показан широкой общественности вместе со статьей «Золотая лихорадка в Треблинке», которую написали журналисты Петр Глуховский и Мартин Ковальский (Большой Формат: Приложение к «Газете Выборчей». 2008. 8 января). Они сообщают, что обнаружили фотографию в одной из халуп в Вольке, местности около Треблинки, и что она была сделана после акции, в которой войско задерживало крестьян, перекапывающих территорию лагеря в поисках золота и драгоценностей. Задержанных крестьян называли «копателями». Сейчас снимок находится в Музее борьбы и мученичества в Треблинке. По другой правдоподобной версии, люди, изображенные на фотографии, согнаны для приведения в порядок ранее раскопанных могил. Однако трудно игнорировать информацию журналистов «Газете Выборчей», согласно которой, владелец снимка однозначно назвал изображенных на снимке «копателями, схваченными милицией». Известно также, что приведением в порядок территории Треблинки власти не занимались до 1958 г. (а снимок, без сомнения, относится ко второй половине 1940-х гг.), но даже тогда милиция и люди, занятые наведением порядка, охотно включались в поиски золота. Что касается интерпретаций, связывающих фотографию с другими обстоятельствами, например, с эксгумацией могил красноармейцев — как пытаются утверждать Михал Маевский и Павел Решка, авторы статьи «Загадка старого снимка» (Речь Посполитая. 2011. 22–23 января; в приложении «Плюс-Минус» от того же дня статья тех же авторов «Тайна старой фотографии»), — то они не подкреплены никакими вещественными доказательствами.

огромное впечатление, и я не понимал, почему она совершенно не вызвала читательских откликов. Она принадлежала одному из жителей Волки-Округлик — местности, находящейся около Треблинки, и изображает окрестное население вокруг черепов и костей, вырытых на поле, оставленном лагерем. Когда затем, годом позже, я получил предложение от Oxford University Press написать небольшую книжку для серии, запланированной этим издательством, — эссе об одном из снимков, относящихся к той сфере, которой занимается автор, — я сразу подумал об этой фотографии. Работая над книгой, я много разговаривал на эту тему с Иреной Грудзиньской-Гросс, и мы решили, что Ирена запишет свои соображения, а книгу мы выпустим вдвоем. Опирался я также на оригиналы документов, которые стали мне доступны через профессора Яна Грабовского. Мы уже опубликовали совместно два сборника документов по теме Второй мировой войны, так что наше сотрудничество было долгим. Таково происхождение «Золотой жатвы».

Что касается содержания книги, хотелось бы только отметить во введении, что читатель, интересующийся проблематикой Холокоста, не найдет в ней много новых фактов. Основные источники, на которые опирается книга, уже были опубликованы на польском языке. Я прибавил к ним материалы, обнаруженные в архивах Института Яд ва-Шем, Еврейского исторического института и Музея в Майданеке. В тексте использованы несколько фрагментов, опубликованных пару лет назад в «Страхе»¹. Кроме того, с момента в 2005 г. когда в Варшаве начал издаваться знаменитый ежегодник «Холокост. Исследования и материалы» (*Zagłada Żydów. Studia i Materiały*) и книги авторов, связанные с этим изданием, а также с Центром исследований Холокоста Института философии и социологии Польской Академии наук, объем сведений о судьбе евреев Польши в годы оккупации значительно расширился, и в новом каноне больше нет никаких табуированных тем. Всё же я надеюсь, что

¹ Gross J. T. Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków: Znak, 2008. (Гросс Я. Т. Страх. Антисемитизм в Польше сразу после войны. История морального упадка. Краков: Знам, 2008).

если не для историков Холокоста, то для широкой общественности книга окажется интересной.

По обычаю, хотел бы вместе с моим соавтором поблагодарить друзей и университетских коллег за указания, поправки, помощь в сборе материалов, языковую правку и поощрения в написании этой книги по-польски и по-английски: Анну Биконт, Терезу Богущкую, Габриэля Этмекцоглу, Романа и Галину Фридман, Яна Грабовского, Роберта Кувалка, Марцелла Лозинского, Скотта Мойерса, Джонатана Шелла, Алину Скибинскую, Иоанну Шенстну, Иоанну Токарскую-Бакир, Войцеха Вольнского, а также Мацея Габлянковского, редактора издательства «Знак», который подготовил эту книгу к печати.

Принстон — Нью-Йорк, 1 ноября 2010 г.

Что мы видим на снимке

На первый взгляд, картина на фотографии кажется хорошо знакомой: крестьяне во время жатвы отдыхают от работы. Орудия на плечах или поставленные на торец служат им опорой, а перед группой, запечатленной на снимке, лежат сложенные на землю плоды.

У многих из нас такие снимки остаются в альбомах после летних каникул, проведенных в деревне у близких или дальних родственников; другие привезли их из харцерского (пионерского) лагеря в глубокой провинции, где они помогали на сенокосе. Каждый год летом на первых страницах газет в коммунистических странах такими снимками отмечались успехи коллективного хозяйства. Более или менее художественно выполненные варианты таких сцен можно было увидеть в музеях и картинных галереях.

И однако, несмотря на буколическую картину (группа мужчин и женщин, занятых разговорами на лоне природы), фотография вызывает тревогу. Не только потому, что она нерезкая или что рядом с гражданскими лицами стоят люди в форме. То, что мы видим, — знакомое, и вместе с тем какое-то чужое. Если бы, например, вместо хвойных деревьев на заднем плане были пальмы, можно было бы подумать, на худой конец, что снимок сделан в пустыне. А когда

под конец мы видим, что плоды, сложенные у ног сфотографированной группы, — ни более ни менее как человеческие черепа и кости — мы чувствуем себя еще более растерянными. Кто эти женщины и мужчины на снимке и чем они занимаются? Откуда это фото?

Сделанный вскоре после окончания Второй мировой войны, в середине XX в., снимок представляет групповую сцену где-то в центре Европы. На фотографии рядом с группой мазовецких крестьян увекочечен холм из праха 800 тыс. евреев, убитых в газовых камерах или сожженных в Трешлинке с июля 1942 по октябрь 1943 г. Европейцы, которых мы видим на снимке, по-видимому, занимались раскапыванием человеческих останков в поисках золота и драгоценностей, которые проглядели нацистские убийцы: это кропотливое занятие, так как, по рассказам палачей, они скрупулезно заглядывали еврейским трупам во все отверстия тела и вырывали золотые зубы.

Зрелище, кажущееся таким мирным, касается двух центральных тем Холокоста: массового убийства евреев и сопутствующего

© Agencja Gazeta, Музей борьбы и мученичества в Трешлинке (отдел регионального музея в Седльце)

грабежа еврейского имущества. Что оба явления были между собой неразрывно связаны — об этом достаточно свидетельствуют разговоры в *anus mundi*, в газовой камере Освенцима, между заключенным Филиппом Мюллером, для которого это был первый день работы по обработке и уничтожению трупов, и эсэсовским надзирателем.

После того как транспорт словацких евреев весной 1942 г. был отправлен в газовую камеру, заключенные из зондеркоманды, обслуживавшей крематорий, получили приказ снять одежду с убитых.

Передо мной лежал труп женщины. Весь дрожа, трясущимися руками я начал снимать с нее чулки. Впервые в жизни я прикасался к покойнику. Тело было еще теплым. Чулок, который я стягивал с ноги, порвался. [Эсэсовец] Штарк, наблюдавший за этим, ударил меня с криком: «Что ты творишь, смотри, что делаешь, эти вещи еще можно использовать»¹.

Первый комендант лагеря смерти в Собиборе, а позже в Треблинке, Франц Штангль, на вопрос американской журналистки Гиты Серень: «Как вы в то время думали, что было причиной уничтожения евреев?» — ответил: «Хотели забрать их деньги. Понимаете ли вы, какие фантастические суммы входили в игру?» Ведь прибыльность всего предприятия не была безразлична для тех, кто его осуществлял. Глава СС и полиции в Люблине Одило Глобочник, руководивший операцией «Рейнхард» (секретное название в честь убитого чешскими подпольщиками обер-полицмейстера Рейнхарда Гейндриха, именем которого была названа инициатива по истреблению всех евреев в Генерал-губернаторстве²), вызвал Штангля в середине августа 1942 г. и дал ему следующую инструкцию: «Поедешь в Треблинку. Мы туда отправили уже сто тысяч евреев, а еще не получили ни вещей никаких, ни денег. Хочу знать, в чем дело...»³

¹ Müller F. Eyewitness Auschwitz. Three Years in the Gas Chambers / tłum. z niem. I. R. Dee, S. Flatauer Chicago: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1999. P. 12.

² То есть Варшавское генерал-губернаторство — часть Польши, не включенная непосредственно в состав Германии после сентября 1939 г. — Прим. перев.

³ Цит. по: Sereny G. Into That Darkness. From Mercy Killing to Mass Murder. New York — St. Louis — San Francisco: McGraw Hill Book Company, 1974. P. 101, 133.

Штангль очень хорошо справился с поручением, и вскоре из Треблинки начали уходить транспорты с вещами убитых евреев. Кроме бижутерии, драгоценностей и денег в разных валютах, из лагеря было отправлено «всего более тысячи вагонов, груженных вещами убитых. Экспедиционная отправка вагонов происходила на станции Треблинка после того, как армейские уполномоченные получали от эсэсовцев сопроводительные листы»¹.

Эти вагоны должны были отправлять польские железнодорожники, удостоверившись, что их содержимое соответствует описи. Поэтому сведения Франтишека Зомбецкого, дежурного по движению на станции Треблинка, чрезвычайно детальны:

В вагоны были погружены мужские пальто, связанные по несколько штук, отдельные мужские костюмы, пиджаки, белье, отдельно детская одежда и дамские костюмы, платья, блузки, свитера старые и новые, шляпы, шапки, отдельно мужские сапоги с голенищами, полусапожки мужские, дамские и детские. Белье мужское, дамское, детское, отдельно — использованное и новое, даже подушки и конверты для младенцев. <...> В сумки сложены карандаши, авторучки и очки; трости и зонтики связаны в отдельные пачки. Целые сумки также наполнялись катушками ниток всех сортов и цветов. Отдельно связали куски кожи для обуви, твердой кожи для подметок, материалы для одежды, портфели. В картонные коробки упаковали приборы для бритья, бритвы, ножики, машинки для стрижки, зеркальца, даже кастрюли всякого рода, тазы, столярные инструменты, пилы, рубанки, молотки, в общем — всё то, что могла привезти в лагерь толпа в несколько сот тысяч людей <...>. В вагонах высылалась также масса волос после стрижки женщин. Груз этих вагонов определялся как военная пересылка: *Gut der Waffen SS*. Вагоны направлялись в Германию, а иногда на адрес «трудового лагеря СС» в Люблине².

Именно там находилась штаб-квартира Глобочника и штаб операции «Рейнхард».

Сам Глобочник относился к своей роли стража награбленного еврейского имущества, как лис — к охране курятника. Пост шефа

¹ *Zqbecki F.* Wspomnienia dawne i nowe. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1977. S. 73.

² *Ibid.* S. 72.

полиции в люблинском округе Генерал-губернаторства был для него вторым шансом на карьеру в нацистской иерархии, после того как его выгнали из штата венского гаулейтера... за коррупцию. Молниеносное разграбление венских евреев сразу же после аншлюса Австрии было первой мастерски проведенной акцией «аризации», т. е. захвата еврейского имущества, в которой показал свои способности Адольф Эйхман, а первым помощником его был — как видим, чуть-чуть излишне в собственных интересах — Глобчник. Пару лет спустя оба войдут в число виднейших исполнителей «окончательного решения еврейского вопроса». Генрих Гиммлер, шеф полиции и СС в Третьем Рейхе, питал к Глобчнику особую слабость. «Дорогой Глобус, — писал он, допуская уменьшительное обращение в официальной переписке, — получил твое письмо от 4 ноября 1943 г. с рапортом о завершении операции “Рейнхард”...»¹

О ПОТРЕБНОСТИ НАЗЫВАНИЯ

Целью этой операции, как мы уже говорили, было уничтожение всех евреев в Генерал-губернаторстве. Как назвать такой замысел? Мы принадлежим к поколению, не видевшему Холокоста собственными глазами, и можем получить знание о нем (притом никогда не окончательное) лишь посредством слов. Но трудно найти такие слова. У погибших голоса нет, а те, что выжили, самим своим свидетельством заключены в молчание. Зрелище насилия, жертвами которого они были в концлагерях, во время попыток скрыться, голода, пыток, разрушало человеческий контакт с реальным миром. Их свидетельство в немалой мере невыразительно, так как боль и физическое насилие разрушают язык, отбрасывая человека в доязыковое состояние².

Но травма — состояние после боли — остается и требует выражения. Ибо то, что с т р а ш н о, страшит до тех пор, пока у него нет

¹ Blatt T. Sobibor. The Forgotten Revolt. A Survivor's Report. Issacuah WA, H.E.P., 1998. P. 92.

² Scarry E. The Body in Pain. The Making and Unmaking of the World. Oxford: Oxford University Press, 1985.

настоящего названия. Когда оно получает имя, то отдаляется от нас, уплывает, перестает быть нашим кровным делом, не точит нас так, как точило до наречения имени, потому что вновь обретает контакт с реальностью.

То, что нацисты сделали с евреями, было неопишимо, — писал Теодор Адорно в *Minima Moralia*, — но все-таки должно найти выражение, если жертв, которых и так слишком много, не хотят отдать проклятию забвения. В английском языке используется понятие «геноцид»¹. Но по определению, записанному в Международной декларации прав человека, невыразимое осталось — во имя протеста — ополовиненным. Повышения до ранга понятия удостоена лишь возможность: институт, находящийся под запретом, отвергаемый, оспариваемый².

Адорно здесь говорит о потребности и последствиях названия в публичном, институциональном языке: преступление требует своего параграфа, хоть этот параграф никак не делает его «нормой». Пауль Целан также часто требовал названия, говоря, что название заново определяет случившееся. В публичном — не институциональном — языке, в статьях и рассуждениях историков, в дискуссиях публицистов страшные вещи обозначаются эвфемизмами, которые, если повторить вслед за Иоанной Токарской-Бакир, исполняют роль уникальных понятий.

В частной жизни мы тоже не можем вот так просто говорить о народоубийстве. Когда мы сталкиваемся с описаниями истреблений из давнего или недавнего прошлого, а тем более из современности, первая наша реакция — отторжение. Память хранит сведения об этих событиях в каких-нибудь дальних закутках, а на первый план выходит другая история — история человеческого героизма и солидарности. Вести о Холокосте напоминают нам

¹ Этот термин — «геноцид» — был создан польским юристом еврейского происхождения Рафалом Лемкиным (1900–1959), потерявшим в годы войны большую часть своей семьи. Его стараниями Генеральная ассамблея ООН приняла в декабре 1948 г. Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений геноцида.

² *Adorno T. W. Minima Moralia. Refleksje z poharatanego życia / Tłum. M. Łukasiewicz. Kraków: Wyd. Literackie, 1999. S. 303.*

не только о смерти, но и о людском зверстве. А зверство окружено многими кругами запретов. Это одна из причин, из-за которых постоянно всплывает тема невыразимости Холокоста: речь о нем — никогда не прямая, но всегда как-нибудь не так сформулированная. Эта тема так горяча, что одно прикосновение к ней уже обжигает.

На первый взгляд, снимок из Треблинки не касается того, о чем мы сейчас говорим. Как уже упоминалось, сцена похожа на иконографию жатвы: окончание работ, еще не праздник урожая, но уже отдых. Белые платки на головах женщин, белые рубашки мужчин, солнечный свет, земля словно вспахана. Но это только на первый взгляд.

Хороший снимок, по словам Сюзан Зонтаг, обладает силой максимы, цитаты или пословицы¹. Он схватывает реальность и предъявляет ее нам. В этом смысле снимок из Треблинки нехорош, так как его значение нелегко понять. Его нужно разгадывать и интерпретировать. Главное — кости и черепа — хоть и на первом плане, но как бы скрыто, неясно. Непонятны и скрытые мысли, чувства людей, собравшихся вокруг этих костей. Мы не знаем, кто был автор этого кадра и с какой целью он снимал. Судя по качеству снимка, он не был профессиональным фотографом — что, впрочем, прибавляет снимку подлинности: мы видим в нем документ. Судя по мундирам и видам оружия, это сороковые годы. От закрытия лагеря смерти прошло уже довольно много времени: черепа и кости чистые.

Ситуация на снимке наполовину официальна: крестьян (вероятно, это жители окрестностей Треблинки) окружают вооруженные солдаты или милиционеры, но между обеими группами не видно напряжения или конфликта. Люди в форме стоят близко к гражданским, хотя и не смешиваются с ними. Люди заняты тем, что позируют, меняются местами с соседями, заканчивают какой-то разговор. Не видно напряжения и в их отношении к черепам и костям, аккуратно разложенным перед сидящими. Никто на них не смотрит. Что-то происходит в центре группы: больше людей глядит в ту сторону, чем на фотографа. Может быть, там еще не были готовы, еще не организовались («подвинься?»). Каждым своим жестом

¹ Sontag S. Regarding the Pain of Others. New York: FSG, 2003. P. 22.

(и словом) они подтверждают нормальность своего положения: расстановка, разговор. Эту сцену должен был сопровождать немалый гвалт (и кладбищенский запах). Вот, собрались после рабочего дня, после успешных трудов, расселись для фотографии. Достаточно спокойны. Устали.

Вопреки нынешним обычаям, никто не улыбается в объектив. Все серьезные, недоверчивые. Наверняка до сих пор их нечасто снимали; может быть, их беспокоит, что будет дальше с этой фотографией? Может быть, это улика их присутствия на месте осквернения кладбища? Однако они естественным образом встали в полукруг, как на традиционных групповых снимках — например, после сборов. Эти крестьяне из ближней округи, скорее всего, были пойманы с поличным при перекапывании земли в поисках еврейского золота и драгоценностей, либо их пригнали, чтобы выровнять грунт после тех, кто копал раньше. Если представить себе эту фотографию опубликованной в коммунистической прессе, подпись гласила бы: «После работы».

О том, что у «ПЕРЕХВАТА» ЕВРЕЙСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ БЫЛО МНОГО СТОРОННИКОВ

Явление, о котором напоминает наш снимок, — грабеж еврейского имущества — начинается в Европе, оккупированной нацистами, задолго до уничтожения евреев. В целом связь евреев с деньгами, с золотом — это, наряду с образом еврея-богоубийцы, самое частое антисемитское клише. У обоих признаков есть общий «троп» — еврея-кровопийцы. В переносном смысле это также «еврей-эксплуатор», как и «еврей — ритуальный убийца» невинных христианских младенцев. Помимо разных вариантов темы еврейских заговоров — например, что евреи кому-то «всадили нож в спину» или превратились в рассадник большевизма, — антисемитская пропаганда издавна использовала штамп «еврейского экономического засилья» (как и захвата правительств, которые, по представлениям антисемитов, были осаждены евреями), чтобы освободиться от еврейской «неволи»¹.

¹ Питательной средой для теории заговоров уже больше ста лет назад стали «Протоколы сионских мудрецов» — сфабрикованная царской охранкой

Грабеж еврейского имущества затронул германских, чешских и австрийских евреев, подвергшихся так называемой «аризации» еще до того, как Гитлер развязал войну. Как пишет историк об этом аспекте политики национал-социалистов, «это был один из крупнейших трансфертов собственности в наше время»¹.

Экспроприация происходила двумя путями: с помощью юридических актов об изъятии собственности евреев (аризация в прямом значении слова) и через манипуляцию зарплатами, налогами и курсами обмена валют в контексте политики вынужденной эмиграции, объектом которой было еврейское население в Третьем Рейхе. Одним из самых последовательных бюрократов в этой сфере стал Адольф Эйхман. И именно с помощью опыта, полученного в этой сфере, позже была организована чрезвычайно эффективная система отправки евреев в лагеря смерти.

Правила, целью которых было ограбление эмигрантов, ужесточались со временем. К примеру, те, кто решил эмигрировать еще до начала войны (для многих евреев сигналом к выезду стала «Хрустальная ночь» в ноябре 1938 г.), могли забрать с собой лишь очень небольшую часть — всего лишь несколько процентов — имущества, накопленного поколениями предков.

Из этого извлекали выгоду не только конкретные лица, к которым переходил титул собственника, но и административный аппарат НСДАП, для которого аризация создала, помимо всего прочего, возможность материально обеспечить верных товарищей по партии. Пользуясь выпавшим случаем, гауляйтеры позаботились о состоянии партийной кассы и лояльности широкого круга чиновников, банкиров и юристов, которым поручалось посредничество в соблюдении формальностей. По наблюдению историка экономики, наблюдавшего это явление в Гамбурге, «хотя национал-социалистское государство получало большую часть выгоды от процесса “аризации”, но никакой другой аспект антиеврейской политики

фальшивка о том, как евреи пытаются овладеть миром. См., напр.: *Segel B. W. A Lie and a Libel. The History of the Protocols of the Elders of Zion.* Lincoln—London: University of Nebraska Press, 1995.

¹ *Bajohr F. The Beneficiaries of “Aryanization”. Hamburg as a Case Study // Yad Vashem Studies. 1998. N 26. P. 173.*

нацистов не привлекал столько людей, которые вдобавок получали от этого личную выгоду». Это можно сказать и обо всем пространстве оккупированной Европы¹.

Аспект «аризации», связанный непосредственно с темой нашего снимка, — конфискация благородных металлов, которыми располагали евреи. На эту тему была издана целая серия распоряжений, и в итоге в марте 1939 г. был объявлен принудительный выкуп через государственные конторы всего золота, серебра и платины, находившихся во владении евреев². Оценка сдаваемых вещей была еще одним поводом обратиться к евреям.

Помимо того, что благородные металлы использовались как средство платежа для зарубежных закупок (немецкие марки в то время не принимались), они были необходимы и как сырье в некоторых важных секторах военной промышленности. В течение всей войны немцы не испытывали недостатка в этих материалах. Почти всё золото Рейхсбанка происходило из запасов награбленного, хранившихся в государственных банках оккупированных стран. «Только» около 15% запасов происходило от грабежа частных лиц или фирм³.

Ценности, изъятые у жертв, отправленных в концлагеря во время войны, доставил в Рейхсбанк «гауптштурмфюрер СС Бруно Мельмер в 76 транспортных средствах начиная с августа 1942 и до конца 1944 года. В них входили ценные предметы, а также зубопротезный материал, отнятый у депортированных или снятый с трупов убитых». Документация этих операций далеко не полна, но можно установить, что Рейхсбанк, регулируя свои отношения со швейцарскими кредиторами, использовал для этого и золото из транспортов Мельмера⁴.

¹ Ibid. P. 201.

² В Германии евреям было разрешено оставить себе только обручальные кольца, одни серебряные часы, зубные протезы из благородных металлов и два комплекта уже использованных столовых приборов — по одному ножу, вилке, суповой ложке и десертной ложечке на одну персону. См.: *Hayes P. From Cooperation to Complicity. Degussa in the Third Reich.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 159.

³ Ibid. P. 169, 175, 188.

⁴ Ibid. P. 181, 183.

Но так называемое «золото Мельмера» — это лишь часть ценностей, награбленных у евреев. 6 августа 1941 г. немецкие власти наложили контрибуцию в размере полумиллиона марок на всех евреев, принудив их таким образом внести в Литовский Банк 2400 предметов из драгоценных металлов общим весом 10 449 кг. Например, в июле 1942 г., «еще прежде чем Мельмер начал свою деятельность, СС рапортовало из Варшавы Генриху Гиммлеру, что уже две тонны золота, добытого в городе и окрестностях, были отправлены в Люблин [где, как мы помним, находился главный штаб операции “Рейнхард” под руководством Глобочника. — Я. Г.], и что еще 629 килограммов собрано»¹. В этом отношении Варшава и Вильнюс никак не были исключением.

Ценности, награбленные в лагерях смерти, были запятнаны в прямом и переносном смысле. Практикантка на заводе по литью благородных металлов в Рейникендорфе много лет спустя вспоминала присылаемые в переплавку зубные коронки и мосты, иногда даже с зубами, оправленными в металл. «<...> Особенно угнетало то, что всё там выглядело, словно только что выломанное из челюсти. Зубы, иногда даже со следами крови и кусочками десен...»² В придачу к тому, что «еврейское золото» было в каком-то кошмарном симбиозе со смертью, добавим, что предприятие, обладавшее правительственной концессией в Третьем Рейхе на переплавку, обработку и вывоз за границу так называемых «еврейских металлов», — «Дегусса» — владело также патентом на производство «прусской кислоты», или «Циклона Б», использовавшегося для уничтожения почти миллиона евреев в газовых камерах Освенцима.

Навязчивые антисемитские бредни Гитлера не сводились только к стремлению захватить еврейскую собственность, хотя, надо признать, он и этим не брезговал. Вот один из примеров. Когда один из артистов, которому Гитлер оказывал протекцию, весной 1942 г.

¹ *McQueen M.* The Conversion of Looted Jewish Assets to Run the German War Machine // *Holocaust and Genocide Studies*. 2004. Wiosna. P. 30; *Hayes P.* From Cooperation... P. 193.

² *Fielder E., Merz O.* Zeugen des Grauens. Teil 2: Der SS-Buchhalter Melmer // *Television ARD. Report*. 1998. 12.10. Цит. по: *Hayes P.* From Cooperation... P. 193.

был поставлен во главе Мюнхенской оперы, начальник канцелярии НСДАП Мартин Борман направил бургомистру этого города письмо: «Сегодня я проинформировал фюрера о письме, которое получил от директора Крауса. Фюрер хотел бы, чтобы вы еще раз выяснили, не осталось ли каких-нибудь еще еврейских имуществ, которые пригодились бы для новых работников баварской национальной филармонии»¹. В свою очередь Альфред Розенберг, который в качестве главы «Операционного штаба Розенберга» (Einsatzstab Rosenberg) надзирал за разграблением еврейской собственности в оккупированной Европе, писал Гитлеру в апреле 1943 г.:

Мой фюрер, вместе с пожеланием счастья ко дню рождения позволю себе прислать альбом со снимками некоторых самых ценных картин из бесхозного еврейского имущества, которое охраняют мои команды в оккупированных западных странах. Этот альбом поможет вам в какой-то мере представить себе необычайную ценность и количество произведений искусства, добытых моим учреждением во Франции и отосланных в целости и сохранности в Рейх².

Однако идеологическая версия нацистского антисемитизма была поднята до наивысшей ступени взгляда на историю как на цепь заговоров и презрения к эксплуататорам, корни которого уходят в социал-дарвинизм. А когда нормы, обеспечивавшие равноправие, были разрушены, то практика государственных учреждений, созданных для дискриминации, постепенного ограбления и вытеснения евреев со своих позиций открыла путь социального продвижения и материальной выгоды для остального населения. Таким путем государственный антисемитизм становится автономным — в форме разнообразных шансов для улучшения бытовых условий всех, кто не еврей.

Этот опыт выглядит неодинаковым для Третьего Рейха и для оккупированных либо зависимых от Германии стран. По-своему

¹ Friedländer S. Czas eksterminacji. Nazistowskie Niemcy i Żydzi, 1939–1945 / Tłum. S. Kupisz, K. Masłowski, A. M. Nowak. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2010. S. 439.

² Ibid. S. 551.

обстояло дело в Польше, по-своему — во Франции, Венгрии или Греции, но местные общества с удовлетворением воспринимали общие признаки механизма «перехвата» (*przewłaszczenie*)¹ и перераспределения еврейской собственности в пользу арийцев.

В странах оккупированной Европы мы имеем дело, с одной стороны, с эксплуатацией и притеснением захваченной страны в целом, а с другой — с различиями во внутренней политике, со всеобщей и полной дискриминацией евреев, плодами которой пользовалась в большей или меньшей мере остальная часть общества — «широкие слои» или «большая часть», по выражению Яна Карского². В Германии, пишет Саул Фридлендер, «в течение двенадцати лет существования Третьего Рейха основой антиеврейской кампании был грабеж еврейского имущества. Это был самый легко понятный и легко приемлемый элемент, лучше будет — оправданный, если нужно, с помощью простейших идеологических аргументов»³.

Ведь европейское общественное мнение готово было согласиться с дискриминацией евреев. Не говоря уже о самой гитлеровской Германии, например, во Франции половина политических формирований перед войной выдвигала антисемитские лозунги. В предвоенной Польше, Румынии или Венгрии политический антисемитизм был распространен еще больше. А если дополнить эту картину антисемитизмом христианских костелов и церквей, вспомнить об их огромном общественном авторитете, то трудно удивляться, что устранение евреев из экономической жизни воспринималось как элитами, так и широкой общественностью во всей Европе с удовлетворением.

¹ Профессор Ян Грабовский — автор этого удачного неологизма.

² «Решение немцами еврейского вопроса — могу это утверждать с полной ответственностью за свои слова, — писал Ян Карский, — было важным и весьма опасным оружием немцев для морального умиротворения широких слоев польского общества. <...> ...Этот вопрос, однако, создает нечто вроде узкого мостика, на котором е д и н о д у ш н о [выделено автором. — Я. Г.] сходились немцы и немалая часть польского общества». Полный текст отчета Яна Карского, написанного во время курьерской миссии на рубеже 1939 и 1940 гг., читатель может найти в журнале «Говорят Века» (*Mówią Wieki*) от ноября 1992 г. или в «Новейших Делах» (*Dzieje Najnowsze*. 1989. N 2. S. 179–200).

³ *Friedländer S. Czas eksterminacji*. S. 567.

Завоевать положение в обществе и благосостояние собственными усилиями — очень трудно и долго. Гораздо легче просто отнять добро, уже накопленное другими — под прикрытием закона, оправдывающего такие действия.

СНИМКИ И ДОКУМЕНТАЦИЯ ХОЛОКОСТА?

О фотографии обычно говорят, что как аргумент она стоит тысяч слов. В то же время сведения, которые она нам дает, совершенно уникальны: она фиксирует долю секунды между открытием и закрытием заслонки объектива. Что же в таком случае позволяет оценить единичное событие как способ заглянуть в суть дела? Поступая так, становимся ли мы жертвами иллюзии или совершаем злоупотребление? Ведь попросту, когда мы смотрим на снимок — например Гитлера, принимающего парад членов партии на съезде в Нюрнберге, — мы понимаем, что получаем *общее* знание о природе национал-социализма; и то же происходит, когда мы видим фотографию раздетых догола людей, которых расстреливают эсэсовцы.

В основе такого познавательного механизма лежат уже ранее полученные сведения о мире, подсказывающие, что единичная ситуация коренится в широком потоке событий и что эти события подчиняются какому-либо порядку. Жизненный опыт убеждает, что всё происходящее обычно имеет какой-либо смысл и что общественная жизнь, о которой идет речь, не есть цепь случайных и независимых друг от друга событий, вроде серии счастливых лотерейных билетов, вынутых подряд из шапки. Между тем, что случилось чуть раньше, и тем, что следовало за ним, существует некая связь. А потому, кроме единичного события, служащего исходным пунктом рассуждений историка, только некоторые события могли произойти на интересующем нас участке пространства и времени, а другие — скорее всего, нет.

Перед лицом единичного факта мы всегда можем спросить: ну и что с того? Конкретное событие — только исходная точка, с которой начинается выстраивание знания об общих вещах. Но вернемся к одному особому аспекту отношений между общим знанием и единичным фактом. Вот доля секунды, один снимок, единственное

свидетельство, и оно обладает ошеломляющей разоблачительной силой, позволяющей в мгновение ока перевернуть установившуюся версию событий — на том самом основании, на котором одно свидетельство, один противоположный пример в естественных науках принуждает отказаться от господствовавшей до того теории или доказанного индуктивного утверждения.

Когда мы пишем о Холокосте, нужно обратить особое внимание на сложность отношений между конкретными фактами и общим знанием, так как мы больше, чем другие исследователи современности, пользуемся личными документами — данными об индивидуальных судьбах: снимками, дневниками, письмами, записями и свидетельствами перед судом или перед учреждениями, занимавшимися после войны увековечением памяти об эпохе. Поскольку различные организации во время оккупации камуфлировали свою деятельность и заматали следы своих деяний, нет полноценной институциональной документации многих существенных событий того времени. Немцы хотели сделать Холокост бесследным. В таком случае возникает вопрос, на который нужно найти убедительный ответ: как трактовать эпизодические свидетельства, касающиеся лишь некоторых событий, чтобы понять то, что произошло в целом? Каким образом информацию о судьбах конкретных людей превратить в знание об эпохе?

Столкнувшись с такими проблемами, гуманисты разработали методологию критики источников. Но поскольку события, о которых заходит речь в теме Холокоста, по своей природе экстремальны, документация времен войны, оккупации и массовых преступлений отрывочна и нередко скомпонована злонамеренно, поэтому выяснение так называемой исторической правды об «эпохе печей» требует особого усилия. Взвешивать эмпирический материал или род данных, которыми мы располагаем, описывать оккупационную действительность с помощью чаще всего используемых инструментов группировки данных — например процентов (скажем, какой процент крестьян помогал ищущим спасения евреям), приводить конкретные цифровые данные (например, сколько евреев было убито крестьянами в Подлясье) или выводить средние цифры (например, какова была стоимость еврейского имущества, захваченного

соседями-поляками, в расчете на одного жителя) — в принципе невозможно или не имеет большого смысла. Чтобы понять общие черты случившегося, нам придется использовать более рафинированные способы аргументации, включая метод «плотного описания», используемый в антропологии¹.

Однако как тип источников, дошедших до нас, так и чуждость коллективного опыта, к которой были принуждены евреи (это было невообразимо, это нельзя было ни описать, ни объяснить тем, кто этого не видел сам — единодушно отмечают летописцы Холокоста), подсказывают аналогии из познавательной сферы антрополога, наблюдающего экзотические обычаи дальних племен, пользующегося для этого удачной встречей с информатором, с которым можно друга друга понять. Время и опыт Холокоста — это тоже своего рода другой мир (хотя аналогия, как всегда, хромает и несправедлива даже для людоедов), мир, из которого до нас доносятся лишь единичные голоса свидетелей — тех, что выжили.

ЧТО ПРОИСХОДИЛО НА ЗЕМЛЕ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ СРАЗУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Но вернемся к нашему снимку. Первое сообщение об освобожденной территории лагеря уничтожения в Треблинке представила польско-советская комиссия по расследованию преступлений, совершённых в концлагере Майданек, уже 15 сентября 1944 г. В том же месяце великий российский писатель Василий Гроссман, в качестве военного корреспондента сопровождавший фронтovou отдел Красной Армии, опубликовал репортаж о посещении лагеря с подробным описанием функционирования этого центрального очага Холокоста².

¹ Метод «плотного описания» (thick description; варианты перевода: «густое описание», «описание с нажимом») предложил американский культурный антрополог Клиффорд Гирц. — *Прим. перев.*

² Польская версия этого репортажа увидела свет в брошюре: *Grosman W.* (так на титульном листе). *Piekło Treblinki: reportaż literacki.* Katowice: Literatura Polska, b. d.

Участники польско-советской комиссии «в отчете постановили собрать и сохранить документы, которые находятся на этой территории, раскопать общие могилы с целью раскрытия тайн совершенных там немецких преступлений»¹. Но в последующие годы для этого не было сделано совершенно ничего, за исключением того, что в 1947 г. вокруг территории лагеря был поставлен забор (sic!). Позже время от времени раздавались призывы обеспечить порядок на этой территории, но они также оставались без последствий. Увековечение лагерей смерти — Трешлинка, Белжеца, Собибора и Хелмно — произошло лишь в шестидесятых годах прошлого века. Немаловажно было, что в Германии как раз в это время начались процессы над лагерными охранниками, и польские власти боялись быть скомпрометированными, если бы немецкий суд потребовал осмотра мест преступления².

Одним из самых первых свидетельств о том, что происходило в Трешлинке сразу после войны, мы обязаны Михалу Калембасяку и Каролю Огородовичу, которые прибыли на территорию лагеря 13 сентября 1945 г. и отметили, среди прочего, следующее:

По прибытии на место мы убедились, что на месте, где находился лагерь, оказалось изрытое поле, перекопанное окрестным населением. Поле было так изрыто, что в некоторых местах были ямы до 10 м глубины, в которых виднелись человеческие останки — берцовые кости, челюсти и т. п. <...> Нынешнее состояние Трешлинка [так в оригинале. — Я. Г.] представляет большое поле, кое-где с зарослями деревьев. Все находившиеся там бараки сожжены или разграблены начисто окрестным населением. Мы застали только остатки. О большом числе убитых тут людей свидетельствует факт, что выкопанные ямы десятиметровой глубины переполнены человеческими костями. <...>

¹ *Rusiniak M.* Treblinka — Eldorado Podlasia? // *Kwartalnik Historii Żydów*. 2006. N 2. S. 206.

² Добавим к этому, что ни в Хелмно, ни в Собиборе, ни в Белжеце на выставленных памятных надписях не упоминалось, что жертвами массовых убийств в этих лагерях были евреи. См.: *Kuwalek R.* Concentration and Death Camps as Places of Commemoration — реферат выступления на конференции: *The Aftermath of the Holocaust. Poland 1944–2010*. Институт Яд ва-Шем, Иерусалим, 03–06.10.2010.

Под каждым деревцом были дыры, выкопанные искателями золота и бриллиантов. Запах трупов и газа так ударил нам в голову, что у нас с коллегой началась рвота и жуткое царапанье в горле.

Продвигаясь дальше по территории, мы застали людей, которые копались в ямах, разрывая землю. На наш вопрос: «Что вы тут делаете?» — они ничего не ответили. На расстоянии от высшей точки (около 300 м), где раньше находился крематорий, мы заметили группу людей с лопатами, которые рылись в земле. Увидев нас, они начали убежать. <...> Чрезвычайно удивляет, что место, освященное мученической смертью миллионов невинных людей, до сих пор не было защищено от грабежа и алчности окрестной деревенщины. <...> На раскопке этой территории — каких-нибудь двух квадратных километров — должны были работать тысячи людей, потому что объем вырытых ям колоссален. <...>

Нужно упомянуть, что на территории, где находится Треблинка, господствуют чудовищные отношения. Население, обогатившееся золотом, вырытым из могил, занимается грабежом и ночными нападениями на соседей. Мы пережили огромный страх, когда в одной халупе, в нескольких сотнях метров от той, где мы ночевали, женщину жгли огнем, добываясь таким способом, чтобы она выдала место, куда спрятала золото и ценности¹.

Похожее свидетельство о посещении Треблинки в ноябре 1945 г. оставила Рахела Ауэрбах, направленная туда Главной комиссией по расследованию немецких преступлений. Она написала небольшую книжку о своих впечатлениях, а главу о деятельности «копателей» озаглавила «Польское Колорадо (вероятно, должно было стоять “Эльдорадо”), или Золотая лихорадка в Треблинке»². Юзеф Кермиш, дважды посетивший Треблинку, также писал об окрестном населении, которое «целыми толпами копало песчаный грунт»³. Он упоминал также «советских мародеров», которые жгли на территории лагеря взрывчатые вещества, «бомбы из аэродрома Церанув»,

¹ Яд ва-Шем. Колл. 033. Отчет № 730.

² Репортаж Рахелы Ауэрбах о поездке в Треблинку раньше всего вышел в “*Dos Naje Leben*”, № 52, а затем в виде отдельной брошюры: *Af di felder fun Treblinke. Reportaž. Centrale Jidisze Historisze Komisje* (Центральная еврейская историческая комиссия), т. 33. Łódź–Warszawa–Kraków, 1947. Благодарим Наталью Алексюн за перевод этой публикации с языка идиш.

³ *Kermisz J. W Treblince po raz drugi / Żydowski Instytut Historyczny* (далее ЖИИ). *Centralna Żydowska Komisja Historyczna*. N 280/XX. S. 56–72.

создавая таким образом «ямы огромной глубины <...>. В этих ямах было полно человеческих черепов, костей и еще не преданных земле останков».

Доминик Кухарек, копатель из Треблинки, — которому было предъявлено обвинение в валютном преступлении, так как он продал в Варшаве бриллиант, найденный в Треблинке, и купил золотые монеты, — в свое оправдание заявил, что «все» из его села ходили копать, а «о том, что поиск золота и драгоценностей на территории б[ывшего] лагеря в Треблинке запрещен, я не знал, потому что советские солдаты тоже ходили с нами и искали. Те места, где рассчитывали найти ценности, даже взрывали подрывными средствами»¹.

Добавим, что копателей, по свидетельству очевидцев, было иногда по несколько сот человек, поэтому их деятельность придавала территории лагеря (размером со спортивный стадион) вид муравейника. Местное население продолжало раскопки непрерывно в течение десятков лет. «Первые работы по упорядочению и инвентаризации на территории лагеря начались весной 1958 года, — пишет современная исследовательница этого вопроса Мартина Русиняк, — и во время предварительного упорядочения бывало и так, что работники вместе с милицией присоединялись к искателям»².

Сообщения из Белжеца очень похожи, за исключением того, что раскопки на территории лагеря (который, как и Треблинка, был запахан немцами, засеян люпином и для завершения камуфляжа кое-где обсажен молодыми деревьями) начались еще во время оккупации³. Когда немцы об этом узнали, они угнали местных жителей

¹ Государственный архив в Седльце. Акт по делу Доминика Кухарека. Окружной суд в Седльце, уголовный отдел. Дело 580. По данным Мартины Русиняк, это был единственный случай судебного преследования лиц, перекапывавших территорию лагеря в Треблинке.

² *Rusiniak-Karwat M.* Sąsiedzi byłego ośrodka masowej zagłady Treblinka II. Реферат на семинаре ŻIH, архив ŻIH.

³ Белжец был первым лагерем смерти, который закрыли и запахали: в июле 1943 г. оттуда выехала последняя партия евреев, приводившая территорию в порядок. Их отвезли в Собибор, где не позволили выйти из вагонов и перебили на платформе.

и поставили стражника, следившего, чтобы следы их кровавой деятельности никогда уже больше не появлялись на поверхности земли¹. Но как только стражник сбежал от наступающей Красной Армии, местное население вернулось к прерванным поискам.

В отчете об осмотре территории комиссией, посетившей Белжец 10 октября 1945 г., среди прочего, читаем:

Согласно информации сопровождающих нас представителей Министерства обороны с поста Белжец, описанное раскапывание территории лагеря осуществлялось окрестным населением, искавшим золото и бриллианты, оставшиеся от убитых евреев. На раскопанной площади лежат различные разрозненные человеческие кости: черепа, позвонки, ребра, берцовые кости, челюсти, каучуковые зубные протезы, волосы — в основном женские, часто заплетенные в косы; кроме того, куски сгнивших человеческих тел, как то: руки, нижние конечности маленьких детей. Сверх того, на всем вышеописанном поле лежат массы пепла от сожженных останков, а также остатки сожженных человеческих костей. Из глубоко разрытых ям доносится трупная вонь. Всё это говорит о том, что территория лагеря вдоль северной и восточной границы представляет собой одну общую могилу убитых в лагере людей.

Заслужанный через неделю после посещения комиссии заместитель коменданта поста Министерства обороны в Белжеце Мечислав Недужак разъяснил следователю, что «местная милиция после бегства немцев из Белжеца пыталась помешать раскапыванию территории лагеря, но это очень трудно: стоит прогнать одну партию, как тут же является другая»².

Комиссия очень добросовестно выполнила свое задание и помимо заслушивания нескольких десятков свидетелей произвела осмотр территории. «Кладбище лагеря смерти» было раскопано в девяти местах, чтобы добраться до дна могил, в одном случае на 10 м вглубь. «Во время раскапывания всех ям установлено, что территория лагерного кладбища ранее уже была перекопана»,

¹ Протокол допроса Евгениуша Гоха, каменщика из Белжеца, от 14.10.1945; также протокол допроса Марии Даниэль из Белжеца от 16.10.1945. Akta śledztwa w sprawie zbrodni popełnionych w obozie zagłady w Bielżcu. Archiwum Państwowego Muzeum na Majdanku (далее АРММ). Sygn. XIX-1284.

² Доклад комиссии от 10.10.1945 и протокол допроса Мечислава Недужака от 17.10.1945. Akta śledztwa....

а также что «в настоящее время территория лагеря полностью раскопана окрестным населением, разыскивающим ценности»¹.

Копатели в основном работали поодиночке, не раскрывая своих планов друг перед другом, так как удачливый добытчик мог легко стать жертвой нападения других искателей (вспомним, что писали Калембасяк и Огородовчик о «чудовищных отношениях» в окрестностях Треблинки). В Белжеце и Треблинке забирали домой вырытые черепа, чтобы уже там, без свидетелей, «спокойно их обыскать»².

Бывали и накладки, мешавшие некоторым работать, были более и менее золотосные участки кладбища. Так называемый «банкир Белжеца», владелец местного кирпичного завода, например, имел команду «ныряльщиков в выгребную яму» – копателей, работавших в окрестностях отхожего места, откуда доставали исключительно богатую добычу. Скорее всего, евреи, лишившиеся надежды и понимавшие, что их ждет, последним жестом протеста бросали туда ценности, вместо того чтобы, как было приказано, отдавать их своим палачам³. В выгребной яме наткнулись также на маленькие

¹ Protokół rozkopania cmentarzyska obozu śmierci w Bełżcu, 12.X.1945; Sprawozdanie z wyników dochodzenia w sprawie Obozu Śmierci w Bełżcu// Akta śledztwa....

² *Czerwiakowska E.* Głos z otchłani // Karta. 2009. N 59. S. 103. На тему Белжеца информация от Агнешки Грудзьнской, переводчицы интервью с жителями окрестностей Белжеца во время съемок документального фильма «Белжец» Гийома Московича, Франция, 2005, 100 мин.

³ Информация от директора музея в Белжеце Роберта Кувалки. Во время археологических работ в Белжеце, проведенных в 1997–1999 гг., была найдена табличка, находившаяся, вероятно, в бараке, где евреев сортировали для отправки в газовые камеры («для купания и ингаляций»). Помимо прочего, там была написана следующая фраза: «Деньги, ценные вещи и документы до сдачи в окошко следует держать при себе и не выпускать их из рук». Другой находкой археологов было 300 фрагментов бетонных кружков диаметром 6 см и толщиной 1 см с выбитыми в них пятизначными числами. Их назначение неясно, но можно предположить, что их выдавали в качестве померков в обмен на депозит, поддерживая тем самым заблуждение, что после «купания» его можно будет взять назад. Кружки эти были настолько массивны, что после уничтожения транспорта евреев их можно было легко собрать, очистить и использовать при убийстве следующей группы жертв. См.: Bełżec. The Nazi Camp for Jews in the

скелеты, как можно предположить, утопленных там еврейских детей. Об эксплуатации же окрестным населением праха миллиона евреев, убитых в Освенциме, бывший работник Государственного музея Освенцим-Бжезинка пишет на интернет-форуме: «Эта сделка была основана на том, что под покровом ночи кули с прахом грузили на какое-нибудь транспортное средство, а потом промывали их в Висле. Да! Именно так, как делалось иногда во время золотой лихорадки на Диком Западе. <...> Не секрет, что все Плавы, Харменже и половина Бжезинки вымощены еврейским золотом. Еще долго после войны каждый день приезжали целые караваны с «урожаем» на «промывку», притом из очень отдаленных деревень»¹.

В журнале лесного отдела, действовавшего в Подлясе через год после окончания войны, мы находим упоминание о «контрибуции» с населения, перекапывавшего прах евреев, убитых в Треблинке². Таким путем остатки «еврейского золота», не попавшие в казну Рейха, через посредничество копателей укрепляли после войны бюджет антикоммунистического подполья. Грабеж еврейского имущества был существенным элементом циркуляции благ, составной частью структур социально-экономической жизни на этих землях, а тем самым — общественным явлением, а не отклонением от нормы у группы аморальных типов³.

Light of Archeological Sources. Excavations 1997–1999. Warsaw–Washington: The Council for the Protection of Memory of Combat and Martyrdom and the United States Holocaust Memorial Museum, 2000. P. 12, 57–58.

¹ Запись на форуме «Waszym Zdaniem» Onet.pl и на блоге: krzysiafish-przemyslenia.blog.onet.pl/2,ID419078860,index.html (дата обращения: 17.01.2011).

² NSZ na Podlasiu w walce z systemem komunistycznym w latach 1944–1952 / Red. M. Bechta, L. Żebrowski. Siedlce: Związek Żołnierzy NSZ, 1998. S. 201.

³ В интернете находим следующий отрывок из хроники отдела 6-й Виленской бригады АК, переданный Гжегожем Вонсовским: «2.II.1946. Приближаемся к знаменитой Треблинке. По сообщениям населения, постоянное раскапывание и ограбление трупов дошло до последних границ озверения. Вырывают зубы и целые челюсти, отрезают руки, ноги, головы, чтобы добыть крупицу золота. Профанация, а власти не предпринимают [ничего — приписка. — Г. В.] для охраны этого единственного в своем роде кладбища, на котором покоятся больше трех миллионов [цифра завышена. — Г. В.] евреев, поляков, цыган, русских и других национальностей. 3–4.II.1946. Хмельник. Мы в 3 км от «лагеря

ПОПЫТКА НОРМАЛИЗАЦИИ

На нашем снимке, как он ни таинственен и как ни требует пояснений, можно заметить некоторые «эвфемизмы»: ситуация с т р а ш н о напоминает нечто мирное, нечто такое, что, если понять, а не оттолкнуть от себя, может вызвать первобытный страх. Глаз зрителя задерживается прежде всего на людях и лишь затем обращается к черепам и костям; осознание, что лежит перед этими людьми, что это такое, наверняка займет некоторое время. Перед нами столкновение двух порядков. С одной стороны, живые и здоровые люди, энергия жизни и движения, с другой же — недвижные кости и черепа — по сути, уже предметы, вещи. В нашей культуре встреча этих двух рядов обычно происходит в ритуализованном порядке, в особых, четко обозначенных ситуациях, к которым вид на фотографии не принадлежит. Мертвое тело скрыто в гробу или накрыто саваном. С поверхности земли его прячут очень быстро, иначе его запах не дает нам жить. Кости, если их видно, в научных целях или для предостережения собраны в скелет (тем самым сохраняется хоть что-то от личности), а череп и скрещенные берцовые кости служат распространенным знаком, предостерегающим об опасности заражения или удара электрическим током.

В христианской символике череп и кости — это *memento mori*, символ, изображавшийся когда-то вместе с орудиями мучений Христа: гвоздями, молотком, клещами (здесь: лопаты, палки, оружие?). Череп и кости означают также Голгофу: череп у основания креста должен был принадлежать праотцу Адаму. Эти знаки-символы наверняка были известны людям, находящимся на снимке: они

смерти». Опрос, проведенный в «лагере», подтвердил сведения о профанации. Вечером 4.II.1946 едем в деревню Вулка-Окронглик для карательной экспедиции против искателей золота в Треблинке». В течение двух ночей (с 4 на 5 и с 5 на 6 февраля 1946 г.) 6-я Виленская бригада АК, насчитывавшая в то время несколько десятков человек, отправляла на территорию патрули, чтобы унять деморализованных соотечественников, занятых позорным промыслом осквернения останков жертв гитлеровского лагеря смерти в Треблинке ради поиска золота и других ценностей. Виновные, схваченные партизанами, были наказаны кнутами. См.: podziemiezbrojne.blox.pl/2011/01/6-Brygada-Wilenska-AK-a-Zlote-zniwa.html (дата обращения: 17.01.2010).

наверняка католики, потому что именно католики населяли окрестности Треблинки. Эти лица видели черепа и скрещенные кости в костеле. И поразительно, что черепа и опирающиеся на них скрещенные берцовые кости находятся в самом центре ряда человеческих костей, а кольцо людей стоит симметрично вокруг них, полукругом справа и слева от этого центра. На не столь любительской фотографии череп с костями стал бы фокусом снимка, а здесь фокус находится где-то на переднем плане.

Как попытку нормализовать эту страшную ситуацию, придать ей смысл можно истолковать укладку черепов и костей в порядок, чтобы они образовывали фигуру *memento mori*, чтобы они либо автоматически отпугивали, либо вписывались в религиозный (христианский) строй мира. Следует заметить предположительно отстраняющий жест лица или лиц (скорее всего, женщин), укладывавших в порядок кости и «христианизировавших» еврейские останки, потому что именно такой символический словарь был им доступен в отношении человеческих костей.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

«Со времен Гомера, — пишет Теодор Адорно, — языковой обычай связывает понятия добра и богатства». Это моральная идея, «которая прямо выводится из существования угнетателей». Христианство отрицает этот тезис, «но особая богословская премия за добровольную бедность говорит о том, как глубоко в общее мнение проникла идея моральности обладания»¹. Поэтому благо и добро — синонимы. Вещи, даже не столь ценные, — добро сами по себе, поскольку являются результатом труда, усилия. Их *добрая* сторона — то, что они полезны. В доме, в хозяйстве всё может пригодиться.

Мы много раз читали о том, как люди грабят жертв катастроф или тела солдат, оставшихся на поле битвы. Это был широко распространенный процесс во время Наполеоновских войн (Стендаль дал его знаменитое описание в четвертой главе «Пармской обители»),

¹ Adorno T. *Minima Moralia*. S. 219.

но также и во время Второй мировой войны, а может быть, и любых войн. В рассказе Стефана Жеромского «Раскуют нас вороны» польский крестьянин грабит останки участника Январского восстания 1863 г. и бросает его в придорожную яму вместе с его убитым конем, с которого сдирает шкуру. В книге о Гражданской войне в США историк Дрю Гилпин Фауст помещает иллюстрацию из тогдашней газеты, на которой солдаты Юга «обирают» убитых солдат Севера. «Солдаты, отчаянно нуждавшиеся [выделено нами. — Я. Г.] в верхней одежде, раздевали убитых, мало смущаясь этикетом или угрызениями совести, а злодеи и гиены в людском облике появлялись на поле битвы сразу по окончании столкновений. Солдаты Юга ограбили даже тела шестерых своих убитых генералов». Окрестное население забирало всё, что могло показаться полезным¹.

Подчеркивая потребности солдат, Д. Г. Фауст, похоже, хочет сказать, что мертвым имущество не нужно. Но всё же не без причины тех, кто грабит мертвые тела, называют гиенами, низводя их тем самым на уровень зверей. Впрочем, стоит упомянуть, что в любой общественной группе обычай требует уважения к умершим. Это признак не только высшей цивилизации, но и основополагающей человеческой солидарности. Тело — не вещь: оно сохраняет некоторые признаки человека, которому служило при жизни. Более того, многие религии, в том числе католическая, верят в телесное воскресение, а потому придают огромное значение тому, каким образом тело погребено.

Поэтому нельзя сказать, что разграбление треблинской «бездонной земли» (Василий Гроссман) вписывается в какой-нибудь стандарт поведения, который можно если и не оправдать, то объяснить бедностью, потребностями, какого-либо рода целями. Если согласиться с Зигмундом Бауманом, что Холокост был результатом «садоводческих» взглядов общества, т. е. таких, для которых некоторые люди суть сорняки, в таком случае их вытеснение либо полное

¹ *Faust D. G. This Republic of Suffering. Death and the American Civil War.* New York: Knopf, 2008. S. 74–75. Тела солдат Севера, погибших на территории Юга, тоже часто подвергались осквернению.

исключение из общества выглядит как деятельность, в своем роде рациональная и целенаправленная. Упорное, длящееся десятки лет разгребание, перебирание и упорядочение территории лагерей в таком случае есть действие по обработке сада. Эта деятельность — напомним: выкапывание трупов и костей в поисках драгоценностей — в таком случае будет абстрагирована от морального контекста. Это не могилы, а что-то вроде поля с остатками. «Смерть, истребление, разрушение личности есть также истребление и разрушение вещей, — писала Рахела Ауэрбах. — В картине истребления евреев истребление вещей занимает видное место. Трагедия и мытарства вещи сопровождает трагедию и мытарства людей»¹.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЛАГЕРЕЙ УНИЧТОЖЕНИЯ ОКРЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Богдан Войдовский был одним из немногих писателей, которые укоренили в польской литературе образ копания в поисках «еврейского золота». Однако его рассказ конца 50-х гг. под названием «Нагая земля», напоминающим слова Василия Гроссмана, показывает, как трудно было писателю назвать это явление. Действие рассказа происходит после войны и представляет выкапывание на территории лагеря в Трешлинке золота, скрытого в земле одним из местных крестьян. Читатель с трудом может представить себе обстоятельства, и самое ясное выражение того, о чем идет речь, — невнятные слова умственно отсталого пастуха, который подходит к копающим и говорит: «Жооолото копаааете пооосле жиидов?» По этой фразе видно, что нормальный, «полный» язык не имеет слов, которыми такую деятельность (такое нарушение моральных границ) можно прямо назвать².

¹ Auerbach R. Lament rzeczy martwych // *Przełom*. 1946. N 2. Цит. по: *Leociak J. Doświadczenia graniczne. Studia o dwudziestowiecznych formach reprezentacji*. Warszawa: Instytut Badań Literackich, 2009. S. 245.

² *Wojdowski B. Naga ziemia // Tenże. Wakacje Hioba*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1962. S. 180. См. также: *Tokarska-Bakir J. Skaz antysemityzmu // Teksty Drugie*. 2009. N 1–2 (115). S. 302–317.

Вторая мировая война оставила в языке специфические слова: шмальцовник¹, мародер, аусвайс. Практика рытья лагерных территорий в поисках ценностей специального названия не имеет. Слово «копатели» не передает ужаса этого занятия — выкапывания и обыска гниющих человеческих останков. Другой термин — «дантисты» — использовался в Варшаве для обозначения людей, ищущих золотые зубы в черепах на еврейском кладбище². Иногда можно встретить термин «канадари»³. Как известно, например, из рассказов Тадеуша Боровского, «Канадой» назывались работы по разгрузке транспортов, прибывавших в Освенцим и сортировке багажа убитых. Это термин из языка, получившего название *Lagersprache* (лагерный жаргон)⁴. Однако это выражение известно не всем, а его

¹ «Шмальцовать» (буквально «вытапливать жир») — шантажировать евреев доносом на них гитлеровским властям. См. об этом далее специальную главу. — *Прим. перев.*

² Владка Мид описывает в воспоминаниях, как непосредственно после войны пришла на еврейское кладбище в Варшаве, чтобы разыскать могилу своего отца. Кладбище было разорено, «с опрокинутыми надгробиями, оскверненными гробами и разбросанными вокруг черепами, человеческими черепами <...>. Хоть и знаешь, что это были следы упорной деятельности так называемых “дантистов” — поляков, искавших золотые зубы во рту еврейских трупов, — ощущалась какая-то странная вина, глубокое унижение, стыд, что и ты принадлежишь к породе, называемой родом человеческим». Цит. по: *Finder G., Cohen J. Memento Mori. Photographs from the Grave // Polin. Studies in Polish Jewry. 2008. T. 20. P. 57.*

³ В интервью для «Тыждника Повшехного» от 28 января 2009 г. Марек Куця говорил: «Еще в восьмидесятые годы на лагерной территории действовали так называемые канадари, которые перекапывали землю возле крематориев и мест, куда сбрасывали останки жертв, в поисках золота». Интервью состоялось после кражи знака, висевшего над входными воротами лагеря. Профессор Куця сказал, как бы объясняя соображения «канадарей»: «Но это были искатели сокровищ, которые разыскивали ценности и потом сбывали их на рынке. Но я не слышал о попытке кражи экспонатов из Музея».

⁴ См.: *Wesołowska D. Słowa z piekiel rodem. Lagerszpracha. Kraków: Oficyna Wydawnicza Impuls, 1996.* Поскольку узники приезжали, готовясь к переселению, они обычно брали с собой еду, ценности, деньги — всё то, что предусматривала подсказывала им взять с собой. Когда их высаживали (это тоже эвфемизм: следовало бы сказать — когда их вышвыривали из вагонов, когда у них отнимали имущество и одежду, сортировали и отправляли на смерть),

жгучая ирония плохо соотносится с сутью дела. Заключенные, работавшие на «Канаде», часто тоже были обречены на смерть. Их наслаждение добром убитых должно было быть мимолетным.

Окрестности лагерей уничтожения действительно, по словам Рахелы Ауэрбах, были «польским Эльдorado», но не только в связи с послевоенными поисками, но и в результате хозяйственной деятельности во время войны. Обитатели соседних с лагерями местностей во время войны заметно повысили свое материальное благосостояние в результате торговли между персоналом лагерей и местным населением, приводя тем самым к «моральному и экономическому перевороту»¹. О произошедших там переменах житель одного из имений неподалеку от Треблинки писал: «Соломенные крыши исчезли, сменившись жестью, и всё село напоминало Европу, перенесенную в этот захудалый уголок Подлясья»².

Что скрывается за этим замечанием наблюдательного крестьянина? Так вот, кроме созданной эсэсовцами небольшой obsługi Треблинки были там освобожденные советские военнопленные, в основном украинцы, приученные к своей новой роли в лагере для обучения в Травниках. Обычно их называли заимствованным из немецкого языка термином: вахманы, или «черные» (по цвету мундира). Эти молодые парни, которых там было около сотни, к которым немецкие коллеги относились с презрением и которые легко могли найти общий язык с жителями окрестных сел, стали желанными гостями в польских домах³. Главной причиной было то, что они располагали неограниченным количеством денег и ценностей.

работающий заключенный мог при такой оказии наесться, одеться, обогатиться. Это была деятельность по наведению порядка, отсюда и название *Aufräumungskommando*: немецкое *aufräumen* означает «прибирать, убирать за кем-либо».

¹ *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic Treblineki w czasie okupacji // *ŻIH*. 302/224. S. 29.

² *Górski J.* Na przełomie dziejów / Oprac. J. Grabowski. // *Zagłada Żydów*. 2006. T. 2. S. 286. Треблинка лежит на стыке Мазовши и Подлясья, на мазовецкой стороне «границы».

³ Две женщины, допрошенные следственной комиссией в Белжеце, показали, что вахманы регулярно приходили к ним домой на обеды. См. также: *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic Treblineki... S. 30. О том, что эсэсовцы

Охранники Трешлики торговали с местным населением, покупая водку, вкусную еду и сексуальные услуги. Денежное вливание, которое таким образом получили окрестности лагеря, были несравнимы ни с чем, происходившим до тех пор. Ведь это явление основывалось не на частичном перехвате имущества местных евреев, более или менее доведенных до нищеты своими соседями-католиками, как в других местах Польши. В Трешлике, Собиборе и Белжеце было убито более полутора миллионов людей, в том числе население нескольких больших городов. И деньги и ценности, которые масса евреев, обреченных на смерть, взяла с собой в последний путь, надеясь, что в последний момент еще можно будет подкупить судьбу, в немалой части перешли в руки местного населения. Как писал инженер Ежи Круликовский из Варшавы, направленный в этот район во время войны для строительства железнодорожного моста, «ручные часы продавались в то время дюжинами, так что местные крестьяне носили их в кошелках для яиц — в подарок новоприбывшим»¹.

Если вспомнить известный жанр фильмов — вестерны, — можно сказать, что местность приобрела черты «Дикого Запада», охваченного, по словам Рахелы Ауэрбах, «золотой лихорадкой». В селе появились «проститутки из ближнего города, даже из Варшавы, охочие до золотых монет, а водка и закуска были во всех хижинах»². В селах по соседству с лагерем украинцев во время увольнитель-

относились к вахманам как к «недочеловекам», наказывали их плетью, отбирали на ночь карабины, пишет в воспоминаниях, например, Мечислав Ходзько (ŻIH. 302/321). О бегстве украинских охранников с оружием и о том, что позже эсэсовцы не давали украинским стражникам автоматического оружия, пишет также Тойви Блаат, узник Собибора, который участвовал в восстании и сумел дожить до конца войны (*Blatt T. Sobibor // ŻIH. 302/321 S. 65, 71*). Добавим также, что «немцы в свободное от службы время, работая через день, имели много свободного времени. Они ходили по окрестностям, навешали крестьян» (*Ząbecki F. Wspomnienia dawne i nowe // ŻIH. 302/321 S. 51*).

¹ *Królikowski J. Wspomnienie z okolic Treblińki... // ŻIH. 302/321 S. 30.*

² *Chodźko M. // ŻIH, 302/321 S. 47.* О проститутках, с которыми имели дело украинские стражники в Собиборе сразу же после сооружения лагеря, пишет Блаат (*Blatt T. Sobibor // ŻIH. 302/321 S. 77*); в Трешлике проституция также совершалась на открытом воздухе в непосредственной близости от лагеря, как

ной от «трудов» сердечно принимали некоторые хозяева. Их дочери были, как об этом открыто говорилось, приятельницами этих убийц и охотно пользовались их щедротами¹.

При этом местное население не собиралось уступать приезжим в том, чтобы доставлять развлечение лагерным стражникам, поскольку вознаграждение за оказываемые услуги было астрономическим. Украинцы платили за еду и водку, «не считая денег», и лишь под конец функционирования Треблинки, в 1943 г., «продавали бриллианты на караты, а не на штуки»². Ценный местный информатор, уже цитировавшийся крестьянин-эндек, описывает господствовавшие отношения еще подробнее:

Недалеко от Треблинки лежит село Вулка-Окронглик. Хозяева из этого села посылали своих жен и дочерей к украинским стражникам, работавшим в лагере, и не скрывали возмущения, если эти женщины приносили слишком мало колечек и других ценностей, оставшихся после евреев и полученных в уплату за специфические услуги. Очевидно, что такая сделка в материальном плане была очень выгодна³.

При случае между ними также завязывались более близкие личные отношения. Мы знаем, например, что один из стражников в Белжеце женился на местной девушке.

Из воспоминаний Мечислава Ходзьки мы узнаём новую существенную подробность: «У вахманов были фотоаппараты, и они делали порнографические снимки, которые показывали при удобном случае»⁴. Таким образом, быть может, отчасти раскрывается «загадка» нашего снимка: так как неизвестно, кто и с какой целью его снимал, то можно спросить и о том, откуда взялся фотоаппарат в мазовецкой деревне сразу после войны. А теперь мы уже знаем: рядом с Треблинкой, во время войны и после нее, можно было найти буквально всё, в том числе и фотоаппараты. Остальное понятно.

рассказывал Франц Штангль в интервью с Гиттой Серень (*Sereny G. Into That Darkness* // ŻIH. 302/321. S. 157).

¹ Królikowski J. Wspomnienie z okolic Treblińki... // ŻIH. 302/321. S. 30.

² Ibid.

³ Górski J. Na przełomie dziejów // ŻIH. 302/321. S. 286–287.

⁴ Chodźko M. // ŻIH. 302/321. S. 47.

Околица процветала. «Притоны» украинцев в окрестных селах процветали всё больше. Вскоре комбинаторы из Варшавы начали завозить к ним любые деликатесы, какие можно было достать, и ценные довоенные спиртные напитки, а с весны 1943 г. — и все появлявшиеся в продаже ранние овощи»¹.

Жители Треблинки и окрестностей зарабатывали не только на мертвых евреях. Они занимались хозяйственной деятельностью с того момента, когда вагоны, полные привезенных на казнь людей, останавливались на станции. Огромные поезда с выселенными евреями (из Варшавы приходили составы, насчитывавшие до 60 вагонов) из-за ограниченной пропускной мощности газовых камер выпускали на территорию лагеря партиями. И операция по уничтожению одного транспорта, даже если всё шло как по маслу, занимала несколько часов. Всё это время вагоны, набитые евреями, стояли на станции. Бывало, что в Треблинку прибывало два или три поезда сразу, и те, что пришли в сумерках, задерживались на станции аж до утра².

Как вспоминает уже цитировавшийся инженер Юзеф Круликовский, по прибытии поезда к станции подходили жители соседних с Треблинкой сел.

Когда издалека я впервые увидел этих людей возле поезда, я думал, что крестьяне пришли из благородной щедрости, чтобы накормить и напоить запертых в вагонах и изжаждавшихся людей. Работники, которых я спросил, развеяли мое заблуждение, сказав, что это обычная торговля водой и продовольствием, притом по высоким ценам.

Как я потом узнал, именно так оно и было. Когда транспорт конвоировали не немцы, которые никого к нему не допускали, а любые другие категории немецких наемников [бывало, что конвоирами были гранатовые полицейские³. — Я. Г.], сбегались толпы с ведрами воды и бутылками самогона в кошелках. Вода была предназначена для продажи людям, запертым в вагонах, а самогон — на взятки конвоирам, которые за это соглашались пропустить в вагон.

¹ *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic Treblińki... // *ŻIH.* 302/321. S. 31.

² *Ząbecki F.* Wspomnienia dawne i nowe // *ŻIH.* 302/321. S. 47. Зомбецкий во время оккупации был дежурным по движению на станции Треблинка, и его воспоминания во многих подробностях совпадают с сообщениями инженера Круликовского.

³ Местная полиция в оккупированной Польше. — *Прим. перев.*

Когда самогона не было или конвоиры не брали такую взятку, девушки обнимали их за шею и осыпали поцелуями, чтобы только получить разрешение на вход в вагоны. Когда разрешение было получено, начиналась торговля с несчастными узниками, умиравшими от жажды и платившими по 100 злотых за кружку воды. Бывало и так, что купюру в сто злотых брали, а воду не давали. В это время конвоиры баловались самогоном, а потом начинали зверские «забавы» с несчастными людьми, о которых я уже писал¹.

Забавы, о которых писал Круликовский, заключались в том, что пьяные конвоиры предлагали евреям позволить им бежать за деньги, а потом стреляли в них. «Однако иногда конвоиры перебирали меру и так напивались, что не могли стрелять в бегущих прицельно, поэтому иногда узникам удавалось убежать»². Дежурный движения на станции Треблинка добавляет, что, когда «у конвоиров не хватало боеприпасов, [то] жандармы бросались за убежавшими и убивали их прикладами карабинов, штыками и даже железными ломami и вилами, отнятыми у крестьян в соседних хозяйствах»³. Пьяные конвоиры издевались таким образом особенно над пассажирами поездов, переживавших ночь на станции, так что для многих обреченных мучения перевозки кончались еще до порога газовой камеры: «В течение дня собирали трупы со станции на несколько вагонов-платформ и отвозили их в лагерь смерти»⁴. «После ликвидации восстания в Варшавском гетто, в мае 1943 г., — пишет Круликовский, — стрельба из кара-

¹ *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic Treblińki... // *ŻIH.* 302/321. S. 31–32.

² *Ibid.* S.32. «В конце сентября опасность из-за всё более учащавшейся стрельбы стала так велика, что нам пришлось принять меры к защите. Прежде всего я отослал в Варшаву жену, разделяющую мою судьбу в этих ужасных условиях. Она подвергалась опасности гораздо больше меня, так как постоянно находилась в доме, в сторону которого очень часто раздавались выстрелы со станции... Все работники, жившие в Треблинке (а нас было очень много, так как это село было ближе всех к месту строительства) перестали ходить на работу привычной дорогой, так как она шла мимо путей и станции. Мы ходили луговыми тропинками, делая крик, но избавляясь от необходимости падать на-земь каждый раз, как начиналась стрельба» (*Ibid.* S. 15). См. также: *Zqbecki F.* *Wspomnienia dawne i nowe* // *ŻIH.* 302/321. S. 47.

³ *Ibid.* S. 48.

⁴ *Ibid.* S. 47.

бинов после прибытия поездов была такой сильной, словно на путях происходили боевые действия»¹.

Из самой Варшавы в Трешлинку прибыло около сотни поездов с жертвами, обреченными на смерть. Всего же их прибыло примерно вдвое больше, так что доходы от — как бы это назвать — торговли (?), наряду с доходами содержателей притонов и «девочек», произвели революцию в местной экономике². Жительница Белжеца говорила после войны, что людям из ее мест во время оккупации трудно было соблюдать приличия³.

Хозяйственная эксплуатация мест массового уничтожения окрестным населением, разумеется, не была польской спецификой. Казимеж Сакович, живущий возле леса, где во время войны было убито 100 тысяч человек (в основном евреев, но среди жертв встречались и поляки), всего лишь через три дня после того, как литовцы начали расправу с вильнюсскими евреями, записал в «Дневнике, написанном в Понарах с 11 июля 1941 г. по 6 ноября 1943 г.»: «Торговля идет повсю. <...> С 14 июля раздеваются до белья, одеждой торгуют в массовом масштабе». Запись от 1–2 августа: «Для немцев 300 евреев — это 300 врагов человечества, для литовцев же это — 300 пар обуви, белья и т. п.». 22 августа Сакович отмечает: «Немцы забирают ценности, оставляя литовцам одежду и прочее»⁴.

¹ *Królikowski J.* Wspomnienie z okolic Treblińki... // *ŻIH.* 302/321. S. 15.

² Такой же хозяйственной деятельностью занимались железнодорожники. Об этом пишет, например, инженер Хенрик Брискер, бывший легионер и капитан Войска Польского, вывезенный во время восстания: «На высоте Таргувка поезд остановился, а грузовики Тоббенса привезли хлеб. Это была первая еда за 48 часов. Пользуясь остановкой, польские железнодорожники с разрешения конвоя приносили в чайниках воду и передавали ее в бутылках в руки, жадно выставленные из окошек, причем брали за пол-литра воды... 100 злотых. Еще до того как поезд трогался, у каждого «милосердного» путейца было в кармане несколько тысяч злотых. <...> Стоя у окна, я помогал передавать деньги и принимать воду» (*ŻIH.* 302/90). Ежи Пфедфер описывает подобные же транзакции на вокзале Люблина, на пути, по которому евреев перевозили в Майданек (*ŻIH.* 302/23).

³ Сообщения Роберта Кувалки.

⁴ *Sakowicz K.* Dziennik pisany w Ponarach od 11 lipca 1941 r. do 6 listopada 1943 g. Bydgoszcz: Towarzystwo Miłośników Wilna i Ziemi Wileńskiej, 1999. S. 46–48.

Дневник Саковича очень лаконичен, в основном записи занимают лишь несколько строк, и лишь иногда мы встречаемся в них с более развернутым описанием:

21/XI. С базы вышел шаулис с карабинерами, и на дороге (это был базарный день, пятница) начал продавать принесенную женскую одежду: несколько плащей, платьев, ботинки. Последнюю пару плащей — гранатовый и коричневый — он продал за 120 (сто двадцать) рублей и «в придачу» дал еще пару ботинок. Когда один из крестьян (Вацлав Такун из Старого Мендзыжеча) спросил, будет ли он еще продавать, шаулис ответил: пусть «подождет», пока он «выберет» еврейку по размеру. Такун с женой были поражены и, когда шаулис отошел, быстро уехали. Шаулис явился с одеждой, был зол, что этих «хамов» нет на месте, ведь он «трудился», раздевая еврейку из четвертого ряда, которая по росту была «падахдзящей» для крестьянки¹.

И так будет уже до самого конца:

7 октября, четверг, 1943 г. С утра по приезде торговля вещами вчерашних жертв. <...> Торговля идет шибко. <...> 11 октября, понедельник, 1943 г. Эти постоянные, почти ежедневные расстрелы привели к тому, что литовские торговцы вещами, во главе с браковщиком Куласкисом из Скорбуцян, уже постоянно — днем и ночью — на месте. Пьют целыми ночами. <...> 13.X — среда, 1943 г. Шаулисы чего-то ждут, так как будет партия. <...> Ждут и покупатели. Не привезли. Около 12 ч. в полдень грузовик...²

Сведения о торговле вокруг лагерей и транспортов проливают дополнительный свет на наш снимок. Крестьяне и крестьянки из окрестностей Треблинки — это не только копатели, занятые поисками золота на лагерной территории. Это опытные торговцы и торговки, родственники «подружек» вахманов, хозяева, готовившие для них вкусные обеды, хозяева — продавцы часов и колец, оставшихся от евреев. Скорее всего, они уже прибрахались, но кладбищенское поле постоянно соблазняет.

¹ Ibid. S. 58.

² Ibid. S. 119, 122, 124.

ЗАХВАТ ЕВРЕЙСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРОСТЫМИ ЛЮДЬМИ

С последствиями изъятия еврейского имущества мы сталкиваемся до сих пор. Наследники принадлежавших евреям произведений искусства, проданных во время так называемых «вынужденных транзакций» (т. е. только потому, что нацисты находились у власти), до сих пор ведут процессы о возвращении имущества, приобретенного таким путем. Их адвокаты ссылаются на то, что «вынужденные транзакции», как и «аризация», были формой грабежа, лишь прикрытой формами купли-продажи.

Разумеется, этот же аргумент относится не только к собственности на произведения искусства или роскошные виллы. Бедные евреи, продававшие за гроши постельное белье, мебель, предметы домашнего обихода или зимнюю одежду соседям-арийцам, тоже были ограблены, притом куда чувствительнее, чем их богатые товарищи по несчастью, потому что такая принудительная пауперизация сталкивала их за грань нищеты. Все, кто пользовались случаем поживиться еврейским имуществом за малую долю его подлинной цены, — независимо от того, были ли объектом этих вынужденных транзакций ценные объекты или нет, — принимали участие в грабеже европейского еврейства. Равным образом это относится и к правительствам полутора десятков европейских стран, и к нескольким сотням музеев, тысячам галерей и торговцев предметами искусства, паре десятков тысяч оборотистых дельцов и миллионам простых людей, которые таким путем приложили руку к ограблению своих еврейских соседей¹.

¹ Саул Фридлендер в первом томе исследований на тему евреев и нацистской Германии описывает сценку, весьма типичную для Германии того времени. На другое утро после «Хрустальной ночи» с 9 на 10 ноября 1938 г., когда власти инспирировали еврейские погромы по всей стране (название «Хрустальная ночь» происходит от того, что наутро улицы немецких городов были усыпаны осколками стекла из тысяч разбитых магазинных витрин), на рынке мозельского местечка Виттlich, возле грузовика, на котором вместе с полудюжиной избитых мужчин стоял в отчаянии резник Марк, его жена в истерике протягивала руки к соседям, наблюдавшим всю сцену из-за закрытых окон окружающих домов. Она кричала: «Зачем вы нас так мучите? Что плохого мы

Но — и об этом мы уже знаем — население оккупированной Европы перехватывало имущество евреев не только за счет вынужденной продажи или декретированной аризации. В ожидании начала вывоза из Щебрешина в середине апреля 1942 г. «съехалось много телег из окрестных сел, и все они почти целый день простояли в ожидании, когда можно будет приступить к грабежу, — отмечал директор городской больницы Зигмунд Клюковский. — С разных сторон приходят вести о скандальном поведении части польского населения и грабеже брошенных еврейских жилищ. По этой части наше местечко наверняка не окажется позади всех», — писал он с горькой иронией. И действительно, в октябре, после очередной «акции», доктор Клюковский вновь возвращается к теме грабежей и записывает в «Дневнике...», что «население расхватывает из распахнутых еврейских домов всё, что под руку попадет, люди без стыда тащат целые тюки с убогим еврейским добром или товарами из еврейских магазинчиков»¹. В другом уголке Польши, в Едвабне, 10 июля 1941 г. «еще догорала стодола, когда часть жителей бросилась за добром, оставшимся после евреев»². Очень сходно происходили события на другом конце Европы. Когда самая древняя еврейская община была депортирована из Салоник, то, «как только евреи покинули город, население бросилось по их домам, обдирая полы, стены и потолки в поисках спрятанных сокровищ... Наступило полное «нарушение общественного порядка», как заметил тогда один

вам когда-то сделали?» (*Friedländer S. Nazi Germany and the Jews. T. 1. New York: Harper Perennial, 1998. P. 278*). Её крики отозвались неожиданным эхом полвека спустя, в Гамбурге, когда после выступления Фридендера к нему подошел молодой человек и передал привет от своей бабки, жительницы Виттлиха. В ответ на удивленный взгляд докладчика молодой человек объяснил, что его бабка до войны была соседкой фрау Маркс. Как и многие другие жители, она приняла участие в разграблении «еврейского добра», и вышло так, что ей досталась подушка фрау Маркс. Теперь она держит ее на дне шкафа, полная угрызений совести, и не знает, что с ней сделать. Фридендер рассказал эту историю во время выступления в Институте Ремарка в Нью-Йорке 12–13 октября 1999 г.

¹ *Klukowski Z. Dziennik z lat okupacji Zamojszczyzny. Lublin: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1958. S. 255, 292.*

² *Bikont A., rozmowa ze Przechodzkim S. Szatan wstąpił do Jedwabnego // Gazeta Wyborcza. 2001. 5 kwietnia.*

чиновник, а магазины старьевщиков стали наполняться краденой еврейской собственностью»¹.

Сколько человек в Польше извлекло выгоду из этнической чистки, устроенной немцами во время оккупации, — неизвестно. Войцех Лизак оценил число «правомочных наследников в еврейских местечках» в полмиллиона², имея в виду скорее жилье, магазины, мастерские, возделываемые земли, захваченные местным населением, чем то, что Клюковский назвал «убогим еврейским добром». Но ведь мебель, хозяйственная утварь, предметы обихода, игрушки, перины, подушки, одежда (которую часто называли «еврейским тряпьем») — всё это не исчезло с поверхности земли и лишь частично было выслано в Германию в качестве военной добычи. Захват еврейского имущества был настолько всеобщим, что привел к нарушению норм, регулирующих этот процесс. Наступила редистрибуция (перераспределение) собственности, и, как всегда в таких случаях, возникли механизмы для регулирования общественной практики, связанной с этим явлением.

Например, в августе 1941 г. Елена Климашевская поехала из Гоньндза в Радзилов «с целью поисков жилья для родителей мужа, так как она знала, что после ликвидации евреев там осталось свободное жилье». В Радзилове она обнаружила, что «жильем, оставшимся от евреев, распоряжается Годлевский». Она к нему обратилась, чтобы тот дал что-нибудь ее родственникам.

На это Годлевский ответил: «Меня это не касается». Когда я сказала, что у пана Годлевского четыре дома в распоряжении, а у меня ни одного, он ответил: «Обойдетесь, черт бы вас побрал, ко мне из России должен приехать брат, который при Советах был там в плену, от Советов освобожденный, и ему нужен дом». Когда я снова стала просить жилья, он ответил: «Как надо было евреев ликвидировать, так никого не было, а теперь хотите иметь, где жить». На это остро отреагировала ее свекровь: «Не хотят дать жилье, а внучка моего посылали обливать бензином стодолы»³.

¹ Mazower M. *Salonica. City of Ghosts. Christians, Muslims and Jews 1430–1950*. London: HarperCollins Publishers, 2004. P. 443–444.

² Lizak W. *Z perspektywy ludu // Tygodnik Powszechny*. 2004. N 45.

³ Внук рассказчицы, Юзеф Экстович и его товарищ влезли на крышу овина, куда польские соседи до этого согнали несколько сот евреев, и облили его

В данном случае мы являемся свидетелями разговора, исходным пунктом которого, по умолчанию принятым старшей пани, пани средних лет и мужчиной тоже, вероятно, среднего возраста, является убежденность, что право на владение ценным имуществом вытекает из соучастия в убийстве его владельцев.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ УБИЙСТВЕ ЕВРЕЕВ МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ

Итак, мы видим, что грабеж еврейского имущества и убийство евреев — два рода деятельности, тесно связанные между собой. Как мы помним из истории, Сталин и Гитлер совершили раздел Польши в сентябре 1939 г., так что тогдашняя граница между СССР и Третьим Рейхом до лета 1941 г. проходила примерно по линии Буга и Сана, разделяя почти пополам территорию довоенного польского государства. Убийство евреев в массовых размерах началось с момента нападения Гитлера на Советский Союз в июне 1941 г., так что первая волна убийств на восточном фронте происходила на территории бывшей Польши.

Именно в этих условиях 10 июля 1941 г. жители Едвабне уничтожили своих еврейских соседей. Подобные же преступления имели место летом и ранней осенью как минимум в двух дюжинах местечек близ Белостока¹. Выяснилось, что польское население, поощряемое немецкими отделами умиротворения, с первого же момента начало принимать участие в истреблении евреев. Документы подполья Армии Крайовой по ходу дела отмечают эти события². Вооруженные

бензином, после чего здание было подожжено. См.: *Żbikowski A. Pogromy i mordy ludności żydowskiej w Łomżyńskim i na Białostocczyźnie latem 1941 roku w świetle relacji ocalałych Żydów i dokumentów sądowych // Wokół Jedwabnego / Red. P. Machcewicz, K. Persak. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2002. T. 1. S. 244.*

¹ *Machcewicz P. Wokół Jedwabnego // Wokół Jedwabnego. T. 1. S. 31 i nast.*

² Вот несколько цитат из рапортов, написанных летом и осенью 1941 г.: «...в ряде мест произошли погромы и даже резня евреев местным польским населением, к сожалению, вместе с немецкими солдатами»; «вступление немецких войск развязало чудовищный террор в отношении евреев, совершаемый войсками со значительным участием местного населения». В подпольных рапортах мы также можем прочесть о занятии поляками должностей

группы добровольцев, милиции, созданной в переходный период из местного населения, позже частично вошли в структуры местного управления и созданной немцами полиции. И вплоть до падения власти гитлеровцев украинцы, литовцы, латыши, эстонцы, русские, белорусы или поляки будут составлять персонал вспомогательных формирований, по-разному называющихся на разных языках, но везде участвующих в преследовании и истреблении евреев.

Кроме не поддающегося точному определению числа *шущманов* польского происхождения, работавших в немецкой жандармерии (таким добровольцем стал, например, Ежи Лауданский из Едвабне, один из самых жестоких убийц 10 июля 1941 г., приговоренный послевоенным судом к 15 годам заключения)¹, на территории Генерал-губернаторства так называемая «гранатовая полиция» (*granatowa policja* — название произошло от цвета формы. — *Прим. перев.*), состоявшая в основном из довоенных полицейских, по оценке Эммануэля Рингельблюма², несет ответственность за убийство десятков тысяч евреев. Сверх того, организация, куда входила молодежь старшего возраста, так называемые «Юнаки», или *Vaudienst* («строительная служба»), предназначенная для строительных работ, направлялась на «акции», чтобы присутствовать при вывозе евреев из гетто в лагеря смерти. В подобных случаях значительную часть населения гетто убивали прямо на месте, и молодые поляки

во вспомогательных полицейских подразделениях и в местной администрации: «В небольших местечках есть только *Hilfspolizei*, состоящая из бывших польских полицейских, а также местных поляков и белорусов <...>, магистраты укомплектованы преимущественно поляками»; «в настоящий момент практически все административные посты, кроме руководящих, зарезервированных для немцев, оказались в руках поляков <...>, часть молодежи фашистских убеждений и даже ряд прежних членов национально-освободительных организаций пошли на службу к немцам, формируя отряды милиции». Полную подборку подпольных депеш и донесений о положении в Белостокском воеводстве после 22 июня 1941 г. см.: *Wokół Jedwabnego*. Т. 2. S. 123–154. В особенности см. s. 132, 139, 143, 147.

¹ *Wokół Jedwabnego*. Т. 2. S. 480, 593, 594.

² *Ringelblum E. Stosunki polsko-żydowskie w czasie drugiej wojny światowej. Uwagi i spostrzeżenia / Oprac. i wstęp A. Eisenbach. Warszawa: Czytelnik, 1988. S. 102.*

принимали в этом участие. Единственное возражение, которое краковский архиепископ Адам Сапега направил генерал-губернатору Гансу Франку по поводу истребления евреев, состояло в просьбе, чтобы немцы перестали использовать для этой цели польскую молодежь из *Baudienst*. Сверх того, в преследовании и поимке евреев участвовала Добровольная пожарная охрана, причем не в рамках своих основных обязанностей, а на добровольной основе¹.

Дальше к востоку, на территории рейхскомиссариата Украина, в Белоруссии и в странах Балтии, свыше 300 тыс. местных жителей служили в полицейских отрядах, составляя основу аппарата безопасности в тылу Восточного фронта². Именно они в основном и «очищали» территорию от евреев во время второй волны убийств, когда началась ликвидация скоплений еврейского населения в ранее созданных гетто. Помимо истребительных выселений в «Транснистрию» по приказу маршала Иона Антонеску, где десятки тысяч евреев умерли от истощения и голода, на восточном фронте

¹ В деле Казимира и Винцентия Айхл (первый был постовым гранатовой полиции, а второй — начальником Добровольной пожарной охраны в Венгрове), которым занимался окружной суд в Седльце, имеется следующее признание Игнация Фляги: «Эта охрана была предназначена исключительно для противопожарной деятельности и помощи при наводнениях. Немецкие оккупанты не возлагали на этих стражников других обязанностей и не принуждали их к сотрудничеству при ликвидации еврейского гетто, и тем более не понуждали их искать евреев, хватать их и препровождать к местам заключения или уничтожения... Я утверждаю, что все стражники, упомянутые в протоколе моих показаний, «добровольно» принимали участие в розыске евреев на территории еврейского квартала и гетто и отводили их к жандармам или под арест, а также на место казни. Я сам в то время исполнял функции охранника, и никто не принуждал меня к участию в этих преступных действиях. Если некоторые стражники во время ликвидации гетто сотрудничали с немцами, то делали это добровольно и в целях наживы» (*Archiwum Państwowe w Siedlcach. Sąd Okręgowy. Zespół 1569. Sygn. 652. K. 187*). Такие же показания дал охранник Владислав Окулус (*Ibid. K. 187*). См. также: *Libionka D. Polska konspiracja wobec eksterminacji Żydów w dystrykcie warszawskim // Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / Red. B. Engelking, J. Leociak, D. Libionka. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii Polskiej Akademii Nauk, 2007. S. 454.*

² *Dean M. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine 1941–1945. New York: St. Martin's Press, 2000. S. 60, 70.*

не только немцы, но и румыны организовывали резню евреев, например в Одессе. Облаву 16 и 17 июля 1942 г. в Париже, в результате которой на зимний велодром (*Vélodrome d'Niver*) было согнано 13 тыс. евреев, производила французская полиция. Лишь несколько сотен из арестованных в тот раз людей пережили последовавшую депортацию в Освенцим. Во второй половине 1944 г., после занятия Венгрии гитлеровской армией, у власти были поставлены местные фашисты (салашисты), которые приступили к уничтожению еврейских сограждан. В том же году, в ходе молниеносной операции, которую координировал штаб А. Эйхмана, 400 тыс. венгерских евреев были вывезены в Освенцим.

Много ли евреев в оккупированной Европе было убито «местными» — из общего числа 6 миллионов жертв Холокоста? Следует учесть, что, в зависимости от принятых методов подсчета, историки называют числа между одним и полутора миллионами. Сколько евреев было убито согражданами на территории довоенной Польши? Их число можно оценить в несколько сотен тысяч. А сколько евреев было убито согражданами только в коренных польских землях? Исследования на эту тему сейчас еще ведутся, и в ближайшем будущем мы узнаем и эти цифры, пока же число жертв можно оценить в несколько десятков тысяч¹. Тем не менее для понимания случившегося нужна не столько статистика (наверняка приблизительная), сколько точное знание конкретных событий.

ОБ УБИЙСТВАХ ЕВРЕЕВ КРЕСТЬЯНАМИ КЕЛЕЦКОГО КРАЯ

Мы подходим к самому трудному — к тому, что касается непосредственного участия польского населения в убийствах евреев. Как объять этот вопрос и добиться полной правды, касающейся не только

¹ См. интервью Барбары Энгелькинг, Яна Грабовского, Яцека Леоцяка, Дариуша Либёнки и Алины Скибинской, сотрудников Центра исследований Холокоста Института философии и социологии ПАН: *Pawlicka A.* Spójrzmy prawdzie w oczy. // *Wprost*. 2011. N 1; *Szczęsna J.* Obrzeża Zagłady. Jak Polska długa i szeroka // *Gazeta Wyborcza* (Świąteczna). 2011. 08.01; *Okoński M.* Sny o Bezgrzesznej // *Tygodnik Powszechny*. 2011. 11.01; *Zychowicz P.* Chłopi mordowali Żydów z chciwości // *Rzeczpospolita*. 2011. 12.01.

приведенных случаев? Сошлемся для этого на статью из № 1 ежегодника «Холокост. Исследования и материалы» (*Zagłada Żydów. Studia i Materiały*), описывающую убийства евреев в районе Кельце. Авторы текста, Алина Скибинская и Якуб Петелевич, проанализировали в се судебные дела в Келецком воеводстве, возбужденные на основании декрета от 31 августа 1944 г., или так называемые «серпнёвки» (т. е. «августовки»)¹. «В целом по обвинению в преступлениях, о которых здесь идет речь, перед окружным и апелляционным судом в Кельце предстало свыше 250 лиц. Жертвами их преступлений пало как минимум несколько сотен евреев, скрывавшихся на территории сел и волостей Свентокшиского района»².

Историки Холокоста здесь же отмечают, что эти материалы позволяют увидеть лишь верхушку айсберга, поскольку в послевоенной Польше с большой неохотой судили за преступления, совершённые против евреев их согражданами³. Тем не менее исследование Скибинской и Петелевича дает нам солидную основу для обобщений, так как авторы этой статьи использовали весь свод данных из очень важного источника. Полученные таким путем сведения они дополнили беседами с сельчанами этой округи. Поэтому нельзя попросту считать их материал «сводом примеров». Оба

¹ Известные примеры исторических исследований на материале «серпнёвок» читатель найдет в уже цитированной двухтомной публикации *Wokół Jedwabnego* («Вокруг Едвабне»), а также в очередных томах ежегодника *Zagłada Żydów. Studia i Materiały* («Холокост. Исследования и материалы»), издаваемого Центром Холокоста Польской академии наук. У этого центра есть также интернет-страница.

² *Skibińska A., Petelewicz J. Udział Polaków w zbrodniach na Żydach na prowincji regionu świętokrzyskiego // Zagłada Żydów. Studia i Materiały. 2005. N 1. S. 124.* Декрет от 31 августа 1944 г. объявлял преступлением любую форму сотрудничества с оккупантами. В числе прочих, на его основе судили и лиц, участвовавших в уничтожении евреев.

³ Интересные размышления на эту тему можно найти в интервью профессора Анджея Жеплинского «Газете wyborczej» от 19.07.2002, а также в его исследовании: *Rzepliński A. Ten jest z ojczyzny mojej? Sprawy karne oskarżonych o wymordowanie Żydów w Jedwabnem w świetle zasady rzetelnego procesu // Wokół Jedwabnego. T. 1. S. 353–459. С 2009 г. А. Жеплинский — судья Конституционного суда, с декабря 2010 г. — его председатель.*

историка остановились на одной категории источников — судебных делах «серпнёвок», а не, например, на воспоминаниях крестьян или сообщениях выживших евреев, — и исчерпали архивные данные полностью. И на этой основе составили свой рассказ и оценку.

Чему может послужить статья Скибинской и Петелевича, и какие вопросы хотим мы задать в свете представленных нам фактов? Речь идет о том, чтобы провести границу между двумя интерпретациями явления — убийства и грабежей поляками их еврейских сограждан во время войны. Согласно одной из этих интерпретаций, война — это хаос, на который всё можно списать. Люди убивают друг друга, насилие везде и часто приватизируется. Множатся грабежи, и люди утрачивают чувство приличия. А так как вообще в каждом обществе есть свои отбросы, не следует обобщать, наблюдая их поведение. Короче говоря, по этому мнению, упомянутые убийства и грабежи были редкими и ненормальными явлениями, отклонениями от нормы, характерными для так называемого социального дна, которое, разумеется, процветает во время войны. Но возможно, что верна совершенно противоположная точка зрения. И так, чтобы понять, были ли преступления против евреев действиями девиантов или нормализованной общественной практикой, мы должны вчитаться в конкретные случаи и точно установить, что же произошло.

В приводимой здесь обширной цитате из статьи Скибинской и Петелевича фрагменты авторского текста на полтора десятка страниц сведены в связное повествование.

Непосредственным мотивом большинства убийств и доносов на селе был грабеж имущества скрывавшихся евреев, стремление перехватить их добро, представления о котором рисовались воображением. Стереотип о еврейском богатстве сыграл тут зловещую роль. <...> Крестьяне рассчитывали, убивая этих людей, захватить их имущество. Можно предположить, что в психологическом плане факт того, что евреи платили за предоставление им убежища и продовольствия, причем в тех условиях часто по высокой цене, способствовал впечатлению, что у них есть большие средства, которые можно безнаказанно отнять. В какой-то мере этот мотив становился основой преступлений, жертвами которых стали те евреи, которые не могли больше «выплачивать» своим опекунам. <...>

[Убийства] совершались через застреливание <...>, удар топором или деревянными кольями. Исполнителями были польские гранатовые полицейские, члены местных партизанских отрядов любого направления (NSZ¹, Армия Крайова, ВCh² и других группировок), а также крестьяне, имевшие доступ к оружию. <...> [Во время преступлений имели место] акты физического и психологического издевательства над схваченными людьми, как то: изнасилование женщин, избивание, пинки, толчки, словесные оскорбления и унижения. <...>

В очень многих случаях обвиняемые занимали какие-либо должности в местной власти: солтысы (сельские старосты) и их помощники, войты, общинные курьеры, члены или начальники пожарной охраны, сельские стражники <...>. Это были люди исключительно римско-католического вероисповедания, обычно ранее не каравшиеся за другие преступления, мужчины в расцвете сил <...>. У них было устойчивое семейное положение, жены и дети, иногда несколько. Некоторые из них были членами ППР³ или членами Гражданской милиции [напомним, что судебные процессы происходили уже после войны. — Я. Г.]. На основании властных функций по меньшей мере часть из них можно причислить к сельской верхушке <...>. Женщины <...> часто были свидетельницами и наблюдателями, составляли часть пассивной толпы, совершающей преступления руками предполагаемых активных участников. <...>

Можно рискнуть предположить <...>, что участников и пассивных свидетелей почти каждого из этих преступлений было много <...>. В случае преступления в селах мы можем говорить даже об агрессивной, преступной толпе, в которой несколько исполнителей играли роль зачинщиков и вожаков, а остальные участники, будучи свидетелями их действий, становились фоном и «моральным» алиби для преступления. В некотором смысле, в этом принимало участие всё село, на разном уровне вовлеченности или наблюдения, и всё село после войны сохраняет в своем коллективном подсознании и памяти события, в которых оно участвовало. Эта безличная толпа становится одним из необычайно важных элементов для анализа всего явления. Ее присутствие позволяло размыть личную ответственность за совершение преступления, а также молчаливо подталкивало к действиям против евреев <...>. Как исполнители, так и свидетели взаимно становятся заложниками друг друга, заложниками ситуации, в которой они приняли участие. Как во время самого события, так и после него это приводило к возникновению

¹ Narodowe Siły Zbrojne — Национальные Вооруженные Силы. — *Прим. ред.*

² Bataliony Chłopskie — Крестьянские батальоны. — *Прим. ред.*

³ Польской рабочей партии.

своего рода табу. Эту тайну скрывали и после войны, так как обвинение касалось всей деревни <...>.

Особая категория исполнителей — <...> сотрудники гранатовой полиции, в большинстве своем служившие в предвоенной государственной полиции. Полицейские, замешанные в преступлениях против евреев, <...> сами были главами семей и отцами нескольких детей. Их материальное положение обычно было неплохим <...>.

В сельской местности, на территории, подчиненной своему участковому, гранатовые полицейские действовали весьма независимо, порой терроризируя всю округу. В действиях, предпринимавшихся ими против еврейского населения, заметен немалый элемент свободы и отсутствия зависимости от вышестоящих немецких властей <...>. В подобных случаях не бывало, чтобы схваченных евреев эскортировали в гетто или под арест, что и так означало бы для них смерть. Пойманных обычно убивали на месте или в ближних лесах, а погребение останков возлагали на местных крестьян. В этих действиях заметен также элемент мстительного удовлетворения от совершённых действий и отсутствие каких-либо моральных устоев. Следует заметить, что в одном отношении эти действия специфичны. Те, кто укрывали евреев, редко несли наказание, предусмотренное за это немецкими законами <...>.

В полутора десятках рассмотренных дел говорится также о красноречивых фактах, сопровождавших преступление. После его совершения крестьяне собирались в доме кого-либо из исполнителей и вместе пили водку, как бы скрепляя попойкой свое «солидарное» действие и раздел добычи, а также, наверное, снимая напряжение¹.

Приведенные наблюдения — это не наш вывод из чтения материала «сербёвок» келецкого суда. Это вывод двух молодых исследователей. Собирательный образ событий, с которым мы только что познакомимся — хоть и ясно, что не все его элементы заметны в каждом отдельном случае убийств, — не вмещается в понятие «социального отклонения», как бы широко мы его ни трактовали. Напротив. Из приведенных отчетов ясно видно, что убийство евреев во время оккупации было публичным действием и предметом всеобщего интереса. В нем участвовали обычные члены местного общества, а не какие-то «люди со дна», которые хорошо всем известны в любом малом сообществе. Даже более того: участие в этих преступлениях представителей местных верхов и общественности

¹ Skibińska A., Petelewicz J. Udział Polaków... S. 121–136.

давало убийствам своего рода *imprimatur*¹, общественную санкцию, «позволяющую размыть ответственность» и таким путем превратить особо тяжкое преступление — убийство — в форму общественного самоконтроля, осуществляемую коллективно.

Общественная атмосфера вокруг убийств евреев напоминает настроения, сопровождавшие линчевание чернокожих в Северной Америке². С одним лишь важным различием: непосредственной целью линчевания было не только покарать (воображаемое) преступление выбранной жертвы, но и «дать науку» всему обществу. Таким способом в сознание чернокожих вбивалась мысль о том, что они занимают подчиненное положение в общественной иерархии и обязаны безропотно повиноваться белому человеку.

Напротив, евреев убивали вовсе не затем, чтобы научить их выживших сородичей чему бы то ни было. Это не был в буквальном смысле механизм общественного контроля, поскольку еврейское общество более не существовало и не должно было существовать в будущем. (Более того, эта своеобразная педагогика была адресована тем полякам, которым пришлось бы в голову укрывать евреев³.) Поэтому убийства, санкционированные общественностью, не рассматривались инструментально — как предостережение для других, — а были самоцелью: истребить всех евреев до последнего.

¹ Буквально — «Печатать позволяется» (обычная формулировка цензурного разрешения). — *Прим. перев.*

² Поразительно спокойные позы крестьян на снимке тоже отсылают к этой аналогии, напоминая снимки, которые белое общество охотно делало по случаю линчеваний. Польские крестьяне с фотографии и в самом деле не убивали евреев в Треблинке, а только пользовались плодами совершённых там преступлений. Однако известно, что многие евреи, бежавшие после организации восстания в Треблинке, а потом в Собиборе, были убиты окрестным населением.

³ Напомним, что в дальнейшем Праведники народов мира (лица, помогавшие евреям спастись. — *Прим. перев.*), даже после войны боялись рассказать соседям о своей благородной деятельности. И такое положение сохраняется до сих пор. 6 марта 2010 г. популярный общественно-политический еженедельник *Polityka* («Политика») опубликовал статью Цезаря Лазаревича: «*Sprawiedliwi wśród narodu*» со следующим подзаголовком: «В Польше живет 501 Праведник, спасавший евреев во время войны. Многие из них до сих пор прячутся от соседей в своих домах».

Непосредственные исполнители и самые активные участники преступлений часто оставались столпами местного сообщества. Некоторые из них, о чем мы только что читали, после войны стали членами коммунистической партии, видим мы их и среди персонала Гражданской милиции. Как отмечают авторы, почти в каждом деле можно найти коллективные прошения жителей деревни «в защиту доброго имени и чести обвиняемых <...>. Это подтверждает, что село солидаризировалось с обвиняемыми и что, с точки зрения его жителей, потребности в компенсации и судебном преследовании преступлений не было»¹.

Информация о деталях преступлений, совершённых в Свентокшиском районе, которые засвидетельствованы А. Скибинской и Я. Петелевичем, позволяет понять, что баланс этого самого трагического аспекта польско-еврейских отношений во время оккупации следует мерить какой-то совершенно иной меркой, чем до сих пор. Ведь не число жертв, а только число убийц точно засвидетельствовано. Главный вопрос (на который, впрочем, мы не найдем точного ответа) состоит не в том, сколько евреев было убито в Польше местным населением, а в другом (хотя и тут мы не получим исчерпывающего ответа): «Сколько местных жителей принимало участие в убийстве евреев?» Один еврей, убитый руками одного непосредственного исполнителя, — но при поддержке, на виду и с одобрением толпы местных жителей, — это групповое преступление и вместе с тем социальная катастрофа, поражающая местное сообщество на десятилетия — хотя бы потому, что и дальше ему предстояло жить бок о бок с убийцами. Ибо «преступление, совершаемое открыто, ведет к тому, что делает соучастниками всех, так как все — свидетели, и никто не попытался его предотвратить»². Это одна из причин, по которым, как хорошо известно из наблюдений этнографов и статей журналистов, память об этих преступлениях сохранилась в польском селе спустя поколения.

¹ *Skibińska A., Petelewicz J. Udział Polaków...* S. 138.

² *Horton S. Justice after Bush. Prosecuting an Outlaw Administration // Harper's.* 2008. 20.12. P. 51.

ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ «НАСЫЩЕННОГО ОПИСАНИЯ»

Жуткие подробности преступлений в келецком районе приведены тут не затем, чтобы повергнуть читателя в дрожь. Речь идет лишь о том, чтобы найти способ представления и анализа для получения общей информации о случившемся. Для этого, как из-за экстремального характера событий, так и из-за отсутствия систематических данных, исследователю необходимо хорошее знание конкретных материалов.

Большая часть информации об убийствах евреев и доносах на них, совершённых местным населением, происходит от родственников погибших, от тех, кто уцелели несмотря ни на что или от их знакомых. Обычно это сухие заметки, содержащие мало подробностей. Часто до нас доходит только информация из вторых рук, переданная через родных, которые после войны пытались установить обстоятельства смерти близких. В целом это — совершенно несистематизированный материал. Строго говоря, нельзя делать обобщения, опираясь только на данные, иллюстрирующие лишь частоту и территориальный охват этих преступлений. Но, с другой стороны, их частота и распространение по территории всей страны не позволяет считать их исключительными событиями местного масштаба. Но поскольку у нас нет надежды получить солидную базу численных данных, общую информацию мы можем получить, лишь спросив: как и кем совершались эти убийства? Ведь если детальные описания того, как убивали евреев (на которые нам иногда удается наткнуться), содержат какие-либо общие черты, то тем самым у нас появляется основа для понимания, что в целом происходило между евреями и местным населением.

Такое понимание возможно, так как сообщество, у которого есть общая история, обычаи и институты, обладает также, *ipso facto*, неким уровнем внутренней сплоченности. Если прибегнуть к аналогии, можно сказать, что в нем скорее следует видеть текст или что-то вроде упорядоченной системы, нежели совершенно произвольную смесь случайных составных частей. В связи с этим социальные представления и практики, касающиеся базовых ценностей — таких, например, как вопросы жизни и смерти, — должны быть поняты и объяснены вне рамок местного сообщества.

Вот почему, наблюдая ограниченное число конкретных событий (помимо того, что мы не располагаем точными данными о распространении и частоте убийств евреев крестьянами), мы сможем утверждать, были они у сельчан признанной социальной практикой или нет. Обратим внимание на характер тех преступлений, которые происходили совершенно открыто, публично, на глазах многих людей и с последующим широким обсуждением. Примем также во внимание лиц, вовлеченных в эти события: убийцами были обычные люди, часто представители местных элит, положение которых в группе и после этого не терпело ущерба. Ввиду этого «плотное описание» конкретных, четко локализованных событий позволяет нам получить знание целого в вопросе о поведении и представлениях сельского населения.

Крупный план: сцена преступления

Познакомимся теперь с подробным описанием — своего рода фотоальбомом, только словесным, — расправы над 16 евреями (возможно, 14 или 18) в селе Гневчина. Это событие было описано его свидетелем Тадеушем Маркелем¹. Если бы не его сообщение, опубликованное в апрельском номере ежемесячника «Знак» в 2008 г., в исторических источниках мы нашли бы лишь один след этого массового убийства — запись в реестре Главной комиссии по исследованию германских преступлений в Польше о том, что «в Гневчине-Тринецкой в 1942 г. “жандармы из Ярослава убили в доме Лейба Тринчера 16 евреев”²». О том, что за это преступление несут ответ-

¹ *Markiel T. Zagłada domu Trinczerów // Znak. 2008. N 4. S. 119–146.* Село Гневчина находится в Пшеворском повете Подкарпатского воеводства. Тадеуш Маркель, который вместе с Алиной Скибинской (соавтором исследования убийств евреев крестьянами в Келецком крае) готовил обширнейшую работу о судьбах евреев в Гневчине и ее окрестностях, умер 19 ноября 2010 г. 4 декабря 2010 г. в журнале «Политика» вышла обширная статья Цезаря Лазаревича (*Łazarzewicz C. Letnisko w domu śmierci*) о преступлении в Гневчине.

² *Libionka D. Zagłada domu Trinczerów — refleksje historyka // Znak. 2008. N 4. S. 148.* В коммюнике Главной комиссии содержится имена 14 жертв. Среди них было двое годовалых младенцев и двое детей в возрасте 3 и 10 лет.

ственность местные жители (факт, хорошо известный всей местной общественности), никто во внешнем мире не имел представления.

В мае 1942 г., местные жители — назовем их группой сельской «элиты»: начальник Добровольной пожарной охраны (избранный еще до войны по общественному мандату), члены охраны, а также ближайшие соседи семьи Тричеров, сельские старосты и их помощники, так называемые слуги (эти по оккупационному мандату), из обеих частей села — Ланьцутсой и Тринцекой, — а также безыдейное крыло движения Сопротивления, — устроили облаву на местное еврейское население, схватив большинство взрослых и детей. Они посадили несчастных на телеги, словно свиней и телят для ярмарки, и привезли их в дом Лейба и Шангли Тринчер — в центре села, совсем рядом с церковью и домом приходского священника, недалеко от школы. Все были заперты в темной камере без окна, только с отверстием для вентиляции. <...> стражники использовали камуфляж, обманывали пленников, что оставят их в живых, если те отдадут деньги, золото, а доверенным лицам — одежду, обувь и другие вещи, и если их дети не будут плакать, а взрослые — сопротивляться. <...>¹

Засветло несчастных выгнали в комнату и держали их под вооруженной охраной, так как камера, приглушающая звуки и лишённая окон, предназначалась для насилий и пыток. <...> женщин препровождали в камеру,

¹ И дальше Маркель пишет: «Местные, группа сельской “элиты”, которую мы сегодня назвали бы мафией, рекрутировались из тогдашнего сельского среднего класса. Они представляли административную власть и располагали физической силой, в том числе нелегальным оружием. Их функции были взаимодополняющими. У них было широкое поле для коррупции (в том числе они устанавливали размер контингента для отдельных хозяйств, списки для вывоза на принудительные работы в Германию) и неумеренная жажда гульбы. Самой яркой фигурой, самым аморальным и жестоким был начальник местной Добровольной пожарной охраны, насчитывавшей около полутора десятков лиц. Он также принимал участие в погроме десяти еврейских семей в соседнем селе Ягелла. Бедняки, даже если бы и хотели, не могли вступить в мафиозный клан, а члены состоятельных и благородных семей — не желали из чувства самоуважения. Никто в селе не перечил этим гангстерам из страха перед превышением полномочий, высылкой и даже смертью. К сожалению, идеологическое крыло Армии Крайовой, представленное в основном местными студентами, не взяло на себя роль защитников еврейских соседей. К несчастью для них, между мафиозной группой и Армией Крайовой установился некий род равновесия сил, неписаное соглашение о том, чтобы не перебегать друг другу дорогу» (Markiel T. Zagłada domu Trinczerów).

успокаивая их мужей, что это будет только допрос, в то время как на деле их насиловали по одной и группами; мужчин пытали, чтобы те сказали, где они укрыли детали гардероба и деньги. Кухня между этими двумя помещениями служила своего рода дежуркой, где местные собирались, советовались, пили водку. <...>

...чаще всего насиловали двух молодых и красивых женщин: Шанглю, жену хозяина Лейба, мать троих маленьких детей, и дочь Лейзера из Тринецка, жену жителя Ярослава — тоже Шанглю, мать двоих маленьких детей. Именно этой второй Шангле удалось вырваться из рук местных в момент, когда ее вели из комнаты на сеанс насилия.

<...> Она бежала как ошалелая, в надежде оторваться от гнавшегося за ней преследователя. Добежала до ближнего овина Мусялов, при котором была уборная — там и скрылась. Но преследователь вытащил ее оттуда за волосы. Она пыталась его подкупить, обещая золотую цепочку, зашитую в одежде. Она рыдала, умоляла, они были знакомы, как все в деревне, — он был ее ровесником. Однако мрачный ловкач не дал себя уломить, вцепился лапой в ее волосы и потащил обратно. Люди делали вид, что ничего не замечают...

Шангля надеялась найти спасение для двоих своих детей. Может быть, она хотела упасть на колени перед приходским священником или викарием и просить помощи? Этого мы никогда не узнаем. Можно лишь предположить, что она хотела поступить так же, как ее бабка Семкова, которая на другой день прибежала к первой нише церкви и, стоя на коленях у двери, ждала, когда ксендз и первые старушки начнут входить в церковь. Она протянула к ним руки с плачем, умоляя о спасении для дочери и внуков. Бесполезно... И тут же ей пришлось убежать, потому что в деревне уже начиналось движение. <...>

Между тем слуги старост в Ланцутской и Тринецкой частях Гневчины кружили по селу и на основе признаний, вырванных пытками, отбирали зимнюю одежду, спрятанную у доверенных людей, угрожая в случае отказа, что к ним явится гестапо. <...>

Когда местные, отцы семейств и набожные католики, насытились насилием над женщинами, когда всё разграбили, а их жертвы — дети, матери и отцы, — обессиленные от плача, боли, панического страха, темноты, бессонницы, жажды и голода, были уже на самом дне нечеловеческого отчаяния, — их выдали гитлеровцам, чтобы избавиться от свидетелей. На другой день, поздно вечером, с телефонной будки в полицию оккупантов в поветовом городе Ярославе пришло сообщение: «Накопилось много евреев, целых восемнадцать»¹.

¹ *Markiel T. Zagłada domu Trinczerów. S. 130–134.*

Никто из этих восемнадцати не уцелел.

Крупный план преступления в Гневчине демонстрирует два характерных явления, из которых одно известно, а другое требует размышлений. Память об убийствах евреев во время войны очень хорошо сохранилась в польской провинции и даже передается из поколения в поколение. Еще до того как преступление в Едвабне стала предметом острой дискуссии в прессе, и так называемые «защитники доброго имени», во главе с приходским священником, решили спрятаться за стеной забвения, журналисты без труда выясняли из разговоров с местным населением, что это «наши», а не немцы, перебили евреев в июле 1941 г.¹ Авторы этнографических работ, касающихся разных сторон польско-еврейских отношений, — Алина Цала и Иоанна Токарская-Бакир, которые спустя десятилетия после войны проводили в сельской местности исследования, касавшиеся периода оккупации, — выяснили то же самое². Можно допустить: это было потому, что убийство евреев было настолько обычным делом, что воспринималось как своего рода норма, хоть и шокирующая. В то же время мало столь же значительных событий происходило когда-либо в малых местечках или селах. Поэтому такие преступления на много лет становились навязчивой темой разговоров, закрепляя память о них даже у поколения, родившегося после войны.

Другая существенная черта преступления в Гневчине, о которой свидетельствует Т. Маркель, — это пытки, которым подвергали евреев перед смертью. Можно допустить, что пытки евреев, а также пытки и изнасилования евреек были тогда всеобщим явлением.

В послевоенных судебных делах мы читали о жестокостях и насилиях над евреями, убитыми в Келецком краю. Однако польско-еврейские отношения во время оккупации выглядят иначе со слов этномузыковеда, который десятилетиями собирает фольклор сельских музыкантов, любит польское село и имеет там много друзей:

¹ См., напр., статьи Анджея Качинского на тему Едвабне в газете *Rzeczpospolita* за 2000 г.

² *Cała A. The Image of the Jew in Polish Folk Culture. Jerusalem: Magna Press, Hebrew University, 1995; Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi. Antropologia przesądu, Warszawa: Wydawnictwo WAB, 2008.*

Самым болезненным для меня является отношение деревни к евреям и всеобщий триумф от того, что евреев нет. Всеобщий. И еще одно, о чем я мало писал и что составляет для меня страшное знание: убийство крестьянами евреев, скрывавшихся в лесах. Число тех случаев и преступлений, о которых я знаю... это страшный груз. В книге я привожу только ужасающий рассказ о том, как «отец» певца С. замучил до смерти двух еврейских девочек, как затем со своей бандой изнасиловал и убил еврейку, прятавшуюся в лесу. Однако была и такая история, одна из многих, о которых я не писал: молодая, красивая еврейка бежала с двумя маленькими детьми из транспорта под Бялобжегами. Ее знали, все это подтверждали. Она направилась к лесу, а за ней парни с палками, в ее возрасте. Еврейке могло быть двадцать три года, одному ребенку — четыре, другому — три года. Но двадцать мужиков забило их палками из чистого удовольствия, никто из них с этого ничего не получил¹.

Историки обычно не обращали внимания на такие подробности, отмечая только факт преступления. Однако почему бы местному населению при удобном случае было не приложить все усилия, чтобы разведать у евреев, где они прячут свое мифическое золото?

В местности Холежин (недалеко от нынешнего аэропорта Балице под Краковом) прятался некий Мариан Хаба. Он скрывался до тех пор, пока до местных не дошли слухи, что где-то он прячет золото. Вызванный крестьянами гранатовый полицейский после войны дал показания: «Когда я пришел на место, то увидел не человека, а только бесформенную массу. Лица совершенно нельзя было распознать. Люди говорили, что этого еврея убили, потому что он где-то прятал 5 кг золота»².

Понемногу мы начинаем понимать, откуда взялось часто встречающееся в еврейских воспоминаниях о том времени мнение, что «местные» (это могли быть украинцы, литовцы или поляки) «были хуже немцев», хотя хорошо известно — и евреи знают это лучше

¹ Nikt mi nie przybył, z profesorem Andrzejem Bieńkowskim rozmawiają Małgorzata Borczak i Ewa Sławińska-Dahlig // Nowe Książki. 2008. N 3. S. 9. Художник Анджей Беньковский — профессор Академии изящных искусств в Варшаве и, помимо всего, автор книг: Ostatni wiejscy muzykanci (Warszawa: Prószyński i S-ka, 2001); Sprzedana muzyka (Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2007).

² Grabowski J. Ratowanie Żydów za pieniądze: przemysł pomocy // Zagłada Żydów. 2008. N 4. S. 103–104.

других, — что Холокост был делом рук нацистов, охватившим Европу во время войны в результате германской оккупации. Эту странную черту еврейской памяти можно понимать так, что смерть от руки своих сопровождается особыми мучениями — в моральном смысле слова, из-за очевидного акта предательства, жертвой которого становится человек¹. И многое также указывает на то, что — безо всякого переносного смысла — смерть от рук соседей должна была быть попросту очень болезненной.

КОНКРЕТНЫЕ ЛЮДИ

Анонимность Холокоста — тут и дальше? — это, как мы видим из нашей, уже удаленной во времени, точки, пожалуй, самый фрустрирующий аспект всего явления. Трудно смириться с мыслью, что жертвы так и останутся навсегда неизвестными, хотя общественные обычаи — независимо от эпохи и географического распространения — требуют в момент смерти тщательно обозначать индивидуальность каждого человека ритуалом погребения. Но так уж и останется, что, когда мы пишем о Холокосте, мы будем вынуждены повторять большие цифры и не получим возможности отдельно уложить в могилу каждого убитого. Анонимность жертв, хотя трудно себе представить более интимное и личное свидетельство, чем внезапная смерть, искажает представление о Холокосте, и следует ей противостоять. Ведь убиты были конкретные люди, но и убийцами тоже были конкретные люди.

И отсюда — сила фотографического свидетельства. Благодаря снимкам массовые убийства приобретают человеческий аспект: иногда на фотографии мы даже можем распознать черты лица убитых или убийц. Персоны с нашего снимка действовали только на земле Трешлинка, торгуя имуществом жертв или обыскивая их прах.

¹ Густав Херлинг-Грудзинский произнес в этой связи знаменитую фразу, хотя опыт, который его натолкнул на эту мысль, относится к советскому ГУЛАГу: «В этом было что-то нечеловеческое, что-то безжалостно рвущее единственную цепь, казалось бы, естественно объединяющую заключенных: их солидарность перед лицом преследователей» (*Herling-Grudziński G. Inny świat. Zapiski sowieckie*. Warszawa: Czytelnik, 1991. S. 56).

Но всё равно мы вглядываемся в них с интересом, как будто в их лицах и жестах можем прочесть важное сообщение. Наше внимание привлекает конкретика, которой наш снимок разбивает анонимность Холокоста. Потому что только на его периферии — там, где евреев убивали соседи, — мы обнаружим больше всего информации, позволяющей индивидуализировать трагедию смерти миллионов.

В эссе «Эйхман и его люди» австрийский историк назвал героев своего рассказа импровизаторами, *pathfinders* (следопытами), изобретателями, которые должны были сначала придумать, как организовать массовое убийство¹. Собственно, этот эпитет относится ко всем, кто принимал решения относительно евреев и тем сыграл какую-либо роль в реализации Холокоста. Ибо такое масштабное истребление было делом беспрецедентным, у него не было черт, которые можно было бы унаследовать. Английский историк Ян Кершоу (Kershaw) обратил внимание на факт, что функционирование нацистской системы было основано на угадывании желаний Гитлера и предварении его ожиданий со стороны подвластных (*Working Towards the Führer*, как гласит английский заголовок одной из глав написанной им биографии Гитлера), совершенно точно характеризует также и механизм «окончательного решения еврейского вопроса» в Третьем Рейхе. Любой, кто обладал властью над евреями — в лагерьном ли бараке, в колонне ли, выходящей на работу, в гетто или в каких-нибудь других условиях, — должен был импровизировать. Тщательная реконструкция бюрократии государства Нового времени (необходимой, чтобы в кратчайшие сроки умертвить шесть миллионов евреев, разбросанных по всей Европе) проведена в новаторской книге Рауля Хильберга «The Destruction of European Jews»: это хорошая метафора процесса Холокоста как такового, только если понять, что в центре всего этого предприятия лежала импровизация. Хильберг говорит об этом практически прямым текстом в беседе с Клодом Ланцманом².

¹ *Safrian H. Perpetrators and Agency: the Case of Eichmann and His Men*. Реферат, прочитанный на семинаре: Hitler's Europe. New Perspectives on Occupation. Wirtschafts Universität, Вена, 9–10 ноября 2009 г.

² В фильме «Шоа», режиссер Клод Ланцман, Франция, 1985, 566 мин.

Бюрократии создаются для выполнения конкретных заданий. И исполнение тем же учреждением других задач требует приспособления, т. е. инициативы. Проще говоря: поездов, которые вывозили евреев в лагеря смерти, не было в нормальном транспортном расписании. А значит, кто-то же должен был их заказать, а затем еще и проследить, чтобы они доходили до цели, не сталкиваясь с обычным дорожным движением. И можно было их пустить в большем или меньшем количестве, можно было их быстрее или медленнее направлять на место назначения. Это наблюдение относится буквально к каждому этапу и аспекту процесса массового истребления: опознаванию и обозначению евреев, сосредоточению их в гетто, экспроприации, террору, эксплуатации рабочей силы, селекции, продовольственному рациону, уничтожению голодом...

На каждом этапе Холокоста принимались решения, и это — процесс, насыщенный личной инициативой исполнителей, которые не были просто винтиками большой машины, работающей в силу установленных сверху и известных правил. В сумме это означает, что действующей силой в этом массовом преступлении — в гораздо большей мере, чем мы привыкли считать, — была свободная воля, деятельность и инициатива множества людей, принимавших в нем участие. А поскольку механизм Холокоста приводился в действие энергией и инициативой множества людей, тем самым у него было много (говоря техническим языком) «узких мест», в которых его действие можно было саботировать, задержать, разными способами нейтрализовать. Уже со времени, когда становилось всё яснее, что Германия проигрывает войну, это становилось явной альтернативой, которая (при условии, что укрывающиеся доживут до конца оккупации) принесла бы конкретные результаты.

Иными словами, неправда, что, когда Гитлер приказал истребить всех евреев в пределах управляемых им территорий, уже ничего нельзя было поделать. С точки зрения специфического механизма Холокоста, о котором тут уже говорилось, многие люди могли делать (или скорее не делать) самые разные вещи, имеющие ощутимые последствия, и в результате на несколько сот тысяч евреев больше пережило бы войну.

ПОЧЕМУ ПЕРИФЕРИЯ ХОЛОКОСТА СТОЛЬ ВАЖНА

Следующая важная деталь, запечатленная на нашем снимке, — это коллективный характер эксплуатации евреев: не только собственно грабежа, но — как мы уже убедились из «насыщенного описания» преступлений, совершенных в Келецком крае — также и убийства. Потому что, по сути, убийство и грабеж были между собой тесно связаны. Политика Холокоста (а также попытки местного населения, как в Едвабне и Радзилове, уничтожить в с е х еврейских соседей), с точки зрения захвата имущества, имеет, помимо прочего, и ту логику, что, пока потомки жертв или какие-нибудь их кровные родственники [т. е. возможные законные наследники. — *Прим. перев.*] остаются в живых, перехват еврейской собственности остается обратимым. Поэтому полностью воспользоваться евреями и их собственностью можно лишь после смерти их всех.

Двумя группами, участвовавшими в эксплуатации евреев, были люди в мундирах и штатские. Мобилизованными представителями местного населения в оккупированной Польше были гранатовые полицейские, в число которых, как нам известно, входило много довоенных полицейских или государственных чиновников. На снимке, сделанном уже после войны, выделяются солдаты или милиционеры — т. е. по крайней мере частично «хлопцы из леса»: ведь в милицию охотно вступала молодежь, и не только в Армию Людову (прим. перевод: польск. *Armia Ludowa* — Народная армия), но и в различные подпольные формирования¹. Но хотя Армия Людова и Армия Крайова боролись между собой во время оккупации, для скрывающихся евреев встреча в лесу с любой вооруженной партизанской группой очень часто кончалась трагически².

¹ *Gross J. T. Strach. S. 291 ff.*

² Убийство евреев национально-патриотическими партизанами хорошо задокументировано, особенно в свидетельствах евреев, переживших войну. Аналогичное поведение со стороны отрядов Армии Людовой известно хуже. Поразительную статью на эту тему опубликовала Иоанна Токарская-Бакир в номере “*Zagłada Żydów*” 2011 г. (благодарим автора за предоставление нам машинописного текста). Статья «Процесс Тадеуша Мая» особенно интересна тем, что выявляет ответственность за это убийство Владислава Собчиньского и Евгениуша

Если принимать во внимание количественные данные о преступлениях, совершённых против евреев местным населением, то как число убитых, так и стоимость награбленных материальных благ представляется лишь малой долей того ущерба и вреда, причиненного евреям, которые совершил против евреев германский рейх. Ибо катастрофа европейского еврейства — напомнить об этом никогда не будет лишним — произошла по инициативе нацистов, немцев, которые покорили почти весь континент и в определенный момент приступили к систематическому уничтожению евреев. Всё, что происходило между местным населением и евреями на оккупированных территориях, было лишь деталями той принципиальной беды, какой было для евреев столкновение с немцами, в своем исходе всегда гибельное.

Так что мы рассуждаем здесь о событиях, имевших место на периферии Холокоста. Однако эта локальная периферия — центральный пункт судьбы евреев в оккупации, поскольку единственный путь евреев к спасению проходил через контакт с местным населением. Евреи, у которых не было способностей, средств или возможности, чтобы наладить такой контакт, так же как и те, кого обогнал ход событий, были обречены на смерть — кроме тех немногих, что дожили до конца войны в лагерях.

КОМУ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЕВРЕЕВ ПРИНОСИЛА ВЫГОДУ

Представления о войне и насилии изменились, героизировались с изобретением фотографии и началом ее использования в газетных сообщениях. Во времена Гражданской войны в США (1861–1865) газеты помещали в основном литографические версии фотографий, причем еще и ретушированные (мы помним, каким неудобным, трудным и сложным в обслуживании было в то время фотографическое оборудование), а их шокирующее действие ограничивалось соглашением: «наши» павшие лежат рядком, лицами вверх, чаще можно было видеть пустое поле битвы, с которого тела уже были

Вслича-Иваньчика. Во время келецкого погрома первый из них был начальником воеводского отдела безопасности в Кельце, второй — келецким воеводой.

убраны. Однако в то же время появилось и было представлено взорам публики много фотоснимков, верно отображавших ужасы войны¹. Особую роль сыграли снимки с полей Первой мировой войны, показавшие изуродованные трупы и обезображенные лица солдат.

Среди вещественных свидетельств Холокоста огромную роль играют снимки, которых имеется очень много. Некоторые из них также были ретушированы, иногда целенаправленно. В беседе с директором Музея Майданека Янина Струк выяснила, что знаменитый, много раз публиковавшийся снимок гор обуви из Майданека — это фотомонтаж из трех снимков. «Тарковский сомневается, — сообщает Янина Струк, — что после освобождения в лагере могло остаться столько обуви, поскольку местное население, пришедшее сюда в поисках поживы, многое разграбило, но в момент освобождения впечатляющая сила этого образа была важнее, чем правда»².

Однако снимки Холокоста, даже сделанные самими же его участниками, всегда показывают хотя бы часть правды, какой-то момент этой катастрофы: преследование, грабеж, убийства. Обычно на них представлены две стороны: сторона силы (солдаты, полицейские или смеющаяся толпа) и сторона бессилия (евреи — живые или мертвые). Так и наш снимок, хотя и сделанный уже после войны, по сути своей — типичный снимок Холокоста. Его центр тяжести — беззащитные еврейские кости, а вокруг, полные силы, стоят либо сидят те, кто выжил³.

¹ «[Во время гражданской войны] фотографическое предприятие, специализировавшееся на снимках с поля битвы, в которых не приукрашивалась жестокость, сделало на этом состоянии, но обанкротилось с того момента, как прекратились военные действия, и интерес публики как ножом отрезало. Этому можно найти разные объяснения, в том числе стремление, чтобы братоубийственная война поскорее отошла в прошлое. Такое же отсутствие интереса, стремление отвернуться от жестокостей характерно также для периода сразу по окончании Второй мировой войны» (*Milosz C. Szukanie ojczyzny. Kraków: Znak, 1992. S. 73*).

² *Struk J. Holokaust w fotografiach. Interpretacja dowodów / Tłum. M. Antosiewicz. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2007. S. 268.*

³ Существовал также особый род послевоенных снимков, на которых виднелись еврейские черепа и кости. Габриэль Финдер и Джудит Коэн называют их «фотографиями из могилы». Это были любительские снимки, сделанные

В иконографии времен войны группа гражданских лиц на снимке обычно представляет жертв. Это обычно тогда, когда на фото видны также какие-то люди в форме и с оружием. Здесь же гражданские лица — это, по терминологии Рауля Хильберга, «исполнители», хотя деятельность этих «исполнителей» заключалась, конечно же, в перелопачивании человеческих останков, а не в убийстве. В свою очередь, в иконографии лагерных снимков, сделанных уже после освобождения, гражданские лица (трупы, больные и т. п.) лежат рядами на земле, а стоят люди в форме — т. е. армия, освободившая лагерь. Бывает, что стоят также и полутрупы — часто тоже в форме или в арестантских робах. Но наш снимок не подходит и под этот канон.

Сложенные в кучку на переднем плане берцовые кости и черепа — признак того, что эта фотография из разряда *trophy pictures* (снимков с трофеями). Как охотники рядом с убитым зверем, нацистские убийцы евреев фотографировались на местах казней, а преследователи снимались вокруг замученной жертвы, которую принуждали к публичному покаянию на радость собравшейся общественности.

Мы уже установили, что во время войны гранатовые полицейские принимали участие в грабежах и убийствах евреев. С другой стороны, известно, что после войны персонал Гражданской милиции также нападал на евреев¹. Судя по расслабленной и как бы разболтанной атмосфере среди изображенных на фотографии лиц, наш снимок зафиксировал не тот момент, когда люди в форме поймали

вернувшимися евреями, которые в городах и местечках натыкались на кости и черепа в местах казней или на оскверненных еврейских кладбищах. Снимки, сделанные в этих «долинах высохших костей», не предназначались для широкого распространения. Это была частная документация, делавшаяся обычно непосредственно перед эмиграцией. Эти снимки, как пишут авторы, были свидетельствами пограничного момента в жизни большинства уцелевших, момента между возвращением и эмиграцией. См.: *Finder G., Cohen J. Memento Mori. S. 55–73.*

¹ Об участии Гражданской милиции в грабежах, а также убийствах евреев в послевоенное время известно, например, из подробностей погромов в Жешуве, Кракове и Кельце (см., напр.: *Gross J. T. Strach. Гл. 6.*)

гражданских на месте преступления: если бы дело было в этом, достаточно было сфотографировать только гражданских и вырытые человеческие кости. Милиционеры попали на снимок явно потому, что хотели на него попасть. Скорее всего, фотография была сделана на память.

На фотографии видны как мужчины, так и женщины, но исполнителями действий, связанных с Холокостом, были почти исключительно мужчины: это известно как из иконографии Холокоста, так и из дневников и сочинений историков. Женщины появляются в основном как охранницы в концлагерях, и всякие упоминания о них вызывают особое отвращение. В этой роли они «как бы не на своем месте». Но в то же время материальную выгоду от Холокоста черпали все, независимо от национальности, возраста и пола. «В 1942 г. [в Гамбург] прибыло 45 судов с грузом нетто 27 227 тонн вещей, отнятых у голландских евреев. Около 100 000 жителей приобрело краденые вещи, продававшиеся на аукционах в порту»¹. Между 1941 и 1945 гг. в Гамбурге почти ежедневно проходили аукционы еврейской собственности — при том что среди немецких городов Гамбург не был каким-либо особо привилегированным в этом отношении. Французский священник отец Патрик Дебуа во время работы по документированию массовых захоронений на Украине услышал от одного из местных жителей: «Однажды мы проснулись в нашем местечке, и на всех была еврейская одежда»². Наверняка не иначе выглядела ситуация в очень многих других местностях к востоку от Эльбы.

В том, что это не было специализированной конфронтацией между точно определенными категориями главных действующих лиц, заключается одна из глубочайших причин неусвояемости идеи Холокоста. Дело очевидным образом не сводится только к отношениям между нацистами (т. е. членами СС, гестапо и идеологическим персоналом Третьего рейха) и евреями. В Холокосте принимали участие обычные немцы — помимо нацистов, также государственные

¹ *Friedländer S.* Czas eksterminacji. S. 570.

² *Desbois P.* The Holocaust by Bullets. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 97.

чиновники, вермахт, т. е. солдаты срочной службы, а также гражданское население рейха, пользовавшееся плодами преступлений. Но Холокост — это также конфронтация между учреждениями и гражданским населением оккупированной Европы и евреями, жившими в этих странах в течение многих поколений.

Как сержант Чарльз Гарнер в Абу-Грейб по собственным соображениям фотографировал всё необычное, так и здесь, на нашем снимке, «невольно» ухвачена суть того, что происходило ежедневно. В каком-то смысле эта сцена вводит в заблуждение, поскольку «копатели» почти не действовали сообща. Как раз напротив, они были взаимно настороже и скрывали найденное друг от друга. Это не была жатва, когда косари идут шеренгой и разом срезают хлеба. Но эта сцена с групповым позированием отражает более глубокую правду — а именно то, что население, до войны жившее с евреями по-соседски, поняло, что для него немецкая политика истребления евреев — удачный случай для обогащения.

Наш снимок показывает ситуацию «пост-» и даже «пост-пост-»: не только после уничтожения, но и после ограбления. Вспоминается стих Виславы Шимборской: “Po każdej wojnie ktoś musi posprzątać” («После каждой войны кто-то должен прибрать»). Земля на снимке была раскопана: сначала — чтобы укрыть тела, позже — чтобы найти их и сжечь, а затем — чтобы выбрать что-нибудь, имеющее меновую стоимость. Рвы и кучи земли на этом снимке (справа) прикрыты — наверняка ненадолго. Земля постоянно движется, точнее — приводится в движение. Мертвые не предоставлены сами себе: поиски золота не дают им покоя.

Потому-то эта фотография так шокирует, хотя этот шок и приглушается усилием интерпретации. На ней не видно убийства, крови, смерти: есть лишь черепа и кости, тихие, уже отделенные от тел, как бы невзрачные, приглашенные, не столь явные, как крестьянские рубахи и платки. Нужно усилие, чтобы увидеть, что они вырыты из этой песчаной беспокойной земли не при уборке, а скорее всего грабителями, может быть, даже теми людьми, которых мы видим на снимке. Этих сильных, здоровых, живых людей не привезли издалека — скорее всего, они пришли из окрестностей, некоторые даже босыми. Наверняка они были свидетелями того, как свозили

и убивали тех, кто здесь погребен: ведь они жили рядом с этой мельницей смерти, запах которой носился над их домами и полями, а добыча только что открыта в ямах, рвах, в горах песка, смешанного с пеплом, который разгребали палками, лопатами, граблями. Но треблинские крестьяне и крестьянки глядят на нас, а не на кости. Глядят так, словно хотят сказать даже не: «У меня с э т и м нет ничего общего», — но только: «Тут ничего не происходит». Они смотрят невинными глазами.

Что говорили люди о еврейской собственности и как это следует понимать

«Перехват» еврейской собственности в масштабах всей Польши, выходящий за местные рамки Белжеца или Треблинки. Это явление растянуто во времени и, как минимум, не ограничено актами грабежей при ликвидации гетто отрядами СС и полиции или актами массовых убийств, совершённых коренным населением (как это было, например, летом 1941 г. на Полесье). Большинство вынужденных обстоятельствами отношений между евреями и их соседями — например, когда евреев заставляли перебираться в отведенные для них гетто, — имело точно такие же последствия. Но бывало и так, как в начале погрома в Василькове, когда организаторы бегали по местечку с криками: «Ничего не ломать, ничего не рвать, это и так уже всё наше»¹.

Чая Финкельштайн вспоминает в своих записках, как в самом начале погрома в Радзилове к ней пришла соседка, так называемый порядочный человек, уговаривая отдать ей лучшие вещи: всё равно она вот-вот погибнет вместе с семьёй, и тогда чужие, злые люди всё возьмут себе². Зять укрывавшегося в Венгрове хозяина Файвеля Белявского предложил, чтобы тот отдал ему боты с голенищами на добрую память — ведь рано или поздно Белявского всё равно

¹ Wokół Jedwabnego. Т. 2. S. 358.

² Обширные фрагменты записок Чаи Финкельштайн читатель может найти в: Wokół Jedwabnego. Т. 2. S. 263–317. Упомянутый здесь эпизод описан на s. 305.

убьют¹. «Боты-то вы, дамочка, могли бы уж и оставить», — услышала Мириам Розенкранц от некоей Юзефовой, работавшей с нею на ошипке перьев, когда похоже было, что гетто вот-вот будет ликвидировано. После чего между ними произошел такой диалог: «Юзефова, я еще жива» — «Ой-ой, да я ничего не сказала, вот только боты хорошие»².

Когда мы подслушиваем эти внешне тривиальные обмены мнениями между евреями и поляками с расстояния в полвека, мы замечаем повторы по содержанию и догадываемся, что диалогов по такой же схеме было гораздо больше. Однако процитируем ли мы три таких свидетельства, или хоть тридцать три, всё равно перед нами лишь ограниченное число конкретных событий, примеров, а не систематических данных. Чтобы справиться с этой недостаточностью эмпирического материала, чтобы иметь возможность делать обобщения о том, что происходило в целом, мы должны рассмотреть ход описанных событий (в данном случае — разговоров), установить, каково было их значение. Для этой цели следует, когда есть данные, подробно описать совершённое преступление в целом, а при этом, так сказать, прочесть мысли людей — что оказывается возможным, поскольку записи разговоров сохранились.

Приведенные фрагменты разговоров поражают нас заложенной в них в качестве исходного пункта инверсией основных ценностей, регулирующих жизнь человеческих сообществ. Говоря точнее: содержание высказывания, адресованного еврейскому собеседнику (неизменный сам по себе, несмотря на то что мы стали свидетелями трех совершенно разных сцен), — а именно, что он должен добровольно отдать свое имущество поляку, — полностью противоречит принятому в норме представлению о том, что такое частная собственность и в чем состоит соседская взаимопомощь. Перед тем как прислушаться к этим разговорам, можно предположить, что местные жители считают право частной собственности вечной и нерушимой основой, подлежащей временной отмене лишь в одном-единственном

¹ *Bielawski S. F.* The Last Jew from Węgrow. New York: Praeger, 1991. S. 72.

² *About Our House Which Was Devastated [Sefer Kielce] / Ed. D. Shtokfish.* Tel Aviv: Kielce Societies in Israel and in the Diaspora, 1981. P. 200.

случае. Только когда членов сообщества постигало внезапное бедствие (наводнение, пожар, эпидемия, землетрясение и т. д.), согражданин обязан был «добровольно» отдать другому лицу то, что ему принадлежит. Такой жест, в свою очередь, утверждал обязанность соседской взаимопомощи на случай, если бы сегодняшнему дарителю грозило в будущем неожиданное несчастье.

Итак, что значит, когда трое совершенно чужих друг для друга людей, в трех совершенно разных ситуациях вдруг высказывают одну и ту же, совершенно нетипичную интерпретацию принципов, играющих основополагающую роль в человеческом общежитии? (Разумеется, высказываний такого рода можно было бы привести гораздо больше, так как еврейские собеседники обратили на них внимание — из-за поразительного содержания — и цитируют их в своих воспоминаниях)¹. Маловероятно, чтобы такое совпадение мыслей, переворачивающих с ног на голову значение принципов частной собственности и соседской взаимопомощи в отношении евреев, было простой случайностью. Поскольку действие норм и ценностей в общественной жизни должно быть до известной степени гармоничным, то принцип, принятый как данность, регулирующий общую жизнь в одном из сегментов общественного организма, не может быть вот так просто отброшен в каком-нибудь другом сегменте: это вызвало бы когнитивный диссонанс, как называется такое явление в социальной психологии.

Так что следует полагать, что эти поразительные высказывания — не собственное изобретение каждого из цитированных лиц в отдельности, но симптом общего явления, а именно смены норм, определяющих принятые правила поведения в отношении евреев. Если воспользоваться выражением Эммануэля Рингельблюма, можно было бы сказать, что жители польских сел и местечек перестали считать евреев за людей и начали относиться к ним как к «покойникам в отпуске»².

¹ См., напр.: *Grabowski J.* Rescue for Money. Helpers in Poland, 1939–1945. Jerusalem: Yad va-Shem, 2008. P. 20–21.

² *Ringelblum E.* Stosunki polsko-żydowskie... Обширная цитата из Э. Рингельблюма на эту тему приводится в главе «Охота на евреев». Профессор Роман Фридман предложил другой вариант интерпретации, объясняя отношение

Об одной разновидности патриотической позиции

Неизмеримо важно найти для явления грабежа евреев такое название, которое передавало бы суть происшедшего — что это была именно общественная практика, а не криминальные выходки лиц с отклонениями, выходцев с социального дна. Ведь в том, что грабеж еврейской собственности был явлением широко распространенным и опирающимся на социальные нормы, мы убеждаемся из анализа сообщений, сохранившихся в документах эпохи. Свидетельства, говорящие о новом содержании социальных ожиданий, мы находим не только в разговорах на частные темы, но и в высказываниях, где формулируются институциональные оценки, касающиеся межгрупповых отношений.

Так, например, в раннем подпольном отчете, отосланном из страны польскому правительству в изгнании в Лондоне, говорится, что евреи в условиях оккупации неохотно реагируют на предложения соседей-католиков, готовых взять у них какое-либо их имущество, несмотря на то что в итоге ведь всё это будет захвачено немцами¹.

к евреям не только сменой норм, но и уничтожением польского государства. До времени начала Второй мировой войны взгляды, требующие ограничения экономического влияния евреев или даже вытеснения их из общественной жизни (т. е. попросту из Польши) были широко распространены. Их поддерживала как пропаганда Костела, так и программы и лозунги различных политических партий. Но всё же государство — оберегая свое монопольное право на применение насилия и стоя на страже неприкосновенности частной собственности — не допускало слишком радикальных мер для достижения этой цели (четче всех это выразил премьер-министр Фелициан Славой Складковский: «Экономическая борьба, и всё тут», но без рукоприкладства), неоднократно защищая евреев от насилия со стороны антисемитов. Победоносная кампания германских войск в сентябре 1939 г. снесла эту преграду. Ни Польское подпольное государство, ни католическая Церковь во время оккупации не рассматривали евреев как полноправных граждан, жизнь, права и экономические интересы которых подлежали бы с их стороны такой же защите, как права и интересы этнических поляков.

¹ *Libionka D. Kwestia żydowska w Polsce w ocenie Delegata Rządu RP i KG ZWZ-AK w latach 1942–1944 // Zagłada Żydów. Pamięć narodowa a pisanie w Polsce i we Francji / Red. B. Engelking i in. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Marii Curie-Skłodowskiej, 2006. S. 41–57.*

Автор подпольного доклада здесь предполагает, что, не соглашаясь на обирание соседями, евреи каким-то образом предпочитают немцев полякам. В таком свете упорный еврей, не желающий отдать обувь знакомому поляку, представляется нам не только как некто несимпатичный, но отчасти и как лицо без патриотических чувств.

И напротив, распоряжение оккупантов об «аризации» еврейских предприятий и домов встретило благосклонный прием у польских юристов. Они принимали на себя управление еврейской собственностью (что открывало возможность быстрого обогащения) с чувством, что таким образом они выполняют патриотический долг защиты польского имущества от притязаний немцев. Только «Информационный бюллетень» — печатный орган, нетипичный для нелегальной прессы лондонского лагеря, поскольку в нем не печатались антисемитские статьи, — в номере от 19 июля 1940 г. предостерегал корпорации юристов от компрометации, грозящей лицам, участвующим в этом предприятии, спонсируемом оккупантами¹.

Европейский континент был ареной грабежа еврейской собственности от Атлантики по самый восточный предел победного наступления вермахта. На всем пространстве немецкого господства местное население, хотя и само подвергалось ограблению и дискриминации оккупантами, пользуясь случаем, принимало участие в грабеже. В разных точках Европы разными способами выражалось удовлетворение от экспроприации евреев. Например, на острове Корфу 9 июня 1944 г. за подписями бургомистра, префекта и коменданта полиции появилось объявление следующего содержания:

Как и повсюду в Греции, евреи были сконцентрированы на острове Корфу в ожидании высылки в трудовые лагеря. Всё правоспособное население Корфу приняло это административное распоряжение с удовлетворением, как приносящее нашему любимому острову много пользы.

¹ Наилучший анализ этого явления см.: *Grabowski J. Polscy zarządcy powierniczy majątku żydowskiego. Zarys problematyki // Zagłada Żydów. 2005. N 1. S. 253–260. Ссылка на статью в «Информационном бюллетене» находится на s. 259.*

Сограждане, жители Корфу — теперь торговля в наших руках!
Теперь мы будем пожинать плоды наших трудов!
Теперь запасы продовольствия и материальных ценностей возрастут
с пользой для нас, и только для нас!
Еврейская собственность законно принадлежит греческому государству, а тем самым всем нам и каждому из нас! Она будет принята Префектурой и перейдет под ее управление...¹

Но вот еще один пример, на сей раз долговременного действия, во Франции, где в 1943 г., в предчувствии надвигающегося поражения Германии, возникли общества для защиты интересов тех французов, которые выкупили «аризированную» еврейскую собственность. Под измененными названиями эти организации продолжали свою деятельность и после освобождения. Их задачей было защищать своих членов от реституции еврейских предприятий или возвращения жилья законным владельцам. Аргументом их было: «Те, кто приобрели аризированный еврейскую собственность, защищали таким путем французские интересы». Покупая собственность, которую немцы намеревались ликвидировать, ее покупатели «сохранили значительные блага в интересах народного хозяйства»².

Евреи, вышедшие после войны из своих убежищ или возвращавшиеся из немецких лагерей в родные места — в Салоники, Париж, Прагу или Лодзь, — сталкивались с активной неприязнью со стороны тех, кто в межвоенье перехватил их мастерские, объекты хозяйственной деятельности, жилье и рабочие места. И потому не приходится удивляться, что, например, в апреле 1945 г. сотни людей устроили демонстрацию на улицах Парижа с выкриками: «Смерть евреям!» и «Франция для французов!».

¹ Оригинал воззвания происходит из Музея греческих евреев в Афинах. Благодарим доктора Габриэлли Этмекцоглу за предоставление этого документа и его перевод с греческого языка.

² Mandel M. S. In the Aftermath of Genocide. Armenians and Jews in Twentieth-Century France. Durham; London: Duke University Press, 2003. P. 58–59. См. также: Poznanski R. Jews in France During World War II. Hannover; London: Brandeis University Press, 2001. P. 464–467.

ОХОТА НА ЕВРЕЕВ

Перехват еврейской собственности во времена оккупации происходил многими способами, в том числе и в результате дружеских отношений между знакомыми. Евреи отдавали свое имущество на сохранение полякам, к которым питали доверие. Во многих случаях результат был спасительным, так как они таким образом получали материальные средства, достаточные для выживания, на так называемой арийской стороне. Однако очень часто польские знакомые не сдерживали слово (см. цитируемый ниже текст Рингельблюма), отказывались вернуть депонированные товары и не раз выдавали скрывающихся еврейских владельцев немецкой полиции.

Эммануэль Рингельблюм описывает это явление в большом эссе о польско-еврейских отношениях, написанном незадолго до смерти, когда он скрывался в Варшаве в 1944 г.:

Один из важнейших хозяйственных вопросов в польско-еврейских отношениях — это вопрос о еврейских пожитках и товарах, отданных на сохранение полякам. Опыт в этой сфере был очень печальным. Война деморализовала людей, всю жизнь бывших честными и порядочными, которые теперь без колебаний присваивали имущество евреев и не желали в большинстве случаев делиться хотя бы частью этих вещей. Евреев рассматривали как «покойников в отпуске», которые раньше или позже погибнут. <...> В подавляющем большинстве случаев, почти в 95 %, им не возвращали ни товаров, ни вещей, стереотипно ссылаясь на их отнятие немцами, кражу и т. п. Еврейские вещи неоднократно становились причиной шантажа и доносов. Чтобы избавиться от нежелательного претендента, его выдавали властям. Нам известны и многие случаи бескорыстного хранения вещей, мебели, товаров, ценностей и т. п. Это не раз подвергало арийцев опасности доносов, ревизии и т. д. Эти благородные поляки спасли и спасают по сей день жизнь на арийской стороне для евреев, которым эти вещи нередко служат единственным средством к существованию. Но, как это бывает на войне, подлость перевешивает. Число этих благородных личностей, устоявших перед искушением присвоить чужое добро, невелико, как невелико и число идеалистов, укрывающих евреев¹.

¹ «Это явление датируется еще временем до восстания в Варшавском гетто, в связи с непрерывными ревизиями немцев в еврейских жилищах.

Неожиданно для работы такого рода, что Рингельблюм называет конкретную цифру — «почти 95%». Конечно, ее не следует принимать в буквальном смысле, поскольку то, что происходило в оккупации, не поддается точному количественному учету, — но эта цифра обладает большой силой убеждения: ведь это не впечатление случайного наблюдателя, а оценка историка-профессионала, который организовал многочисленную исследовательскую группу, Онег Шаббат, систематически собирающую данные об условиях жизни и смерти польских евреев при немецкой оккупации. Архив Рингельблюма, хранящийся в Еврейском историческом институте, как указывает само название, был создан благодаря его вдохновению.

Даже после войны немногие, кто уцелел во время Холокоста, были вынуждены обращаться в суды, чтобы вернуть имущество, присвоенное прежними знакомыми¹. Жадность, страсть к обогащению, алчность — вот тот импульс, который, по мнению обычных людей, толкнул хуту на преступления геноцида в Руанде². Подобное же происходило и с евреями в оккупированной Европе.

Евреи в польских селах превратились в охотничью дичь. В «охотах на евреев», так называемых *Judenjagd*, устраивавшихся в зависимости от энергии, каприза или алчности представителей местной власти, принимали участие окрестные крестьяне на всем пространстве генерал-губернаторства. В любом случае, участие местного населения — это неперемнное условие эффективности политики геноцида.

Единственным выходом было отдать вещи или товары на сохранение арийцам, что было в то время массовым явлением. Вещи отдавались на сохранение прежним клиентам, компаньонам и вообще знакомым христианам. Товары следовало отдавать в арийские руки в связи с целым рядом распоряжений, направленных против евреев (регистрация текстильных товаров, кож и т. п.). Еврейские торговцы указывали в этих отчетах минимальное количество товаров, пряча остальное у арийцев. Когда вышло распоряжение о конфискации у евреев шуб, те отдавали их арийским друзьям на сохранение. Во многих случаях евреи заключали сделку с христианами, отдавали им свои магазины и склады при условии, что еврей останется компаньоном в деле» (*Ringelbaum E. Stosunki polsko-żydowskie... S. 64–65*).

¹ См.: *Gross J.T. Strach. S. 88–89*.

² Устрашающее чтение по этой теме — книги-репортажи из Руанды Яна Хатцфельда (*Jean Hatzfeld*).

Планомерное истребление всех представителей намеченной группы — например евреев в генерал-губернаторстве или тутси в Руанде, — не может быть осуществлено без сотрудничества ближайших соседей, потому что только они знают, кто есть кто в местном сообществе. Прибывшие извне могли бы уничтожить евреев, согнанных в гетто, но не сумели бы локализовать или даже опознать тех, кто укрывался на арийской стороне.

Инициаторами охоты бывали также, без специальных указаний со стороны немцев, гранатовые полицейские:

Однажды, когда я ходила по лесу, в зарослях я встретила шестерых полицейских. Они спросили, знаю ли я, где находятся евреи. Ответила, что я убежала одна, а где другие — не знаю. Потом они спросили: если хочешь, чтоб сказала, где остальные. Я ответила, что не они дали мне жизнь, не им и отнимать. Выглядела я тогда жутко. Была черной, неузнаваемой. Потом они спросили, хочу ли я есть. Я ответила: о моей еде пусть не беспокоятся, они мне не опекуны. Тогда они захотели, чтобы я сказала, где евреи с золотом. Я ответила: пусть не ищут проклятого еврейского золота — у них у самих золота вдоволь, ведь у них есть и черная земля, и белый хлеб, а это ведь лучше золота. Так они допытывались с полчасика, потом началась стрельба — это евреи, скрывшиеся в лесу, начали стрелять для устрашения, и полицейские удрали, а я тоже стрелой помчалась в лес. Они еще раз погнались за мной, но потом оставили в покое. Убегая от них, я сказала: пусть не гоняются за евреями, как за дичью, потому что когда-нибудь настанет час расплаты за эти души. После разговора, в котором они допытывались об отце и матери и обо всем, что только можно, когда я грозила им, что, если они меня убьют, то моя кровь и слезы падут на их жен и детей, полуживая пришла в село. Я пришла к ужину, но с трудом могла рассказать, что со мной было, так я была измотана. В то время было много жертв в лесах и по убежищам, из которых полиция, фольксдойче и крестьяне вытаскивали евреев¹.

На тему *Judenjagd*, опираясь на донесения немецких полицейских, пишет Кристофер Браунинг². Здесь мы узнаём об «охотах»

¹ Еврейский исторический институт. 301/1356. Сообщение Файги Пфедфер.

² *Browning C. R. Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland.* New York: Penguin Books, 2001. P. 155–158.

по сообщениям евреев, которые их пережили, а также от поляков, ставших их свидетелями, — например от учителя народной школы из Лукова:

Днем 5 ноября [1942 г.] я проезжал через деревню Седлиска. Доехал до кооператива. Крестьяне покупали косы. Продавщица говорит: «Пригодятся вам для сегодняшней облавы». Спрашиваю, что за облава, — «А на жидов». Спросил: «А сколько вам платят за пойманного еврея?» — Неловкое молчание. Тогда я продолжил: «За Христа было уплачено 30 серебряников, добивайтесь, чтобы и вам платили столько же». Никто мне ничего не ответил¹.

За помощь в поимке скрывающихся евреев, за их выдачу крестьяне получали в награду — как повезет — сахар, водку, часть имущества схваченных жертв, а чаще всего одежду, которую могли снять с убитых. Об этом писала также подпольная пресса.

Жадность толкала обычных людей на поступки, показывающие, что в условиях оккупации действительность оставляет далеко позади литературный вымысел. В местном издании «Информационного бюллетеня» (издание, касающееся Варшавского уезда) от 13 ноября 1942 г. находим статью, озаглавленную «Мерзость»:

<...> из разных местностей, а особенно из всех тех, где разыгрывались зверские убийства евреев [выделено нами. — Я. Г.], сообщают, что в разграблении имущества жертв, убитых немцами, участвовали не только гитлеровцы, но также и польское население. <...> выясняется, что нередко в этих преступных явлениях участвовали «степенные» мещане, крепкие сельские «хозяева». <...> В некоторых случаях доходило до драк между стоящими в хвосте зверями в людском облике, ожидавшими, когда несчастные евреи будут убиты, чтобы содрать с еще теплых жертв одежду и белье. В ряде случаев они прорывали кордон

¹ Еврейский исторический институт. 302/30. Свидетельство Станислава Жеминьского. См. также: *Młynarczyk J. A.* "Akcja Reinhardt" w gettach prowincjonalnych dystryktu warszawskiego, 1942–1943 // *Prowincja noc*. S. 70–71; *Melchior M.* Uciekinierzy z gett po "stronie aryjskiej" na prowincji dystryktu warszawskiego — sposoby przetrwania // *Ibid.* S. 367; *Libionka D.* Polska konspiracja... S. 484. О грабеже и убийствах скрывающихся евреев местным населением обширнейшую документацию содержит архив Еврейского исторического института, особенно собрание личных сообщений № 301.

гитлеровский палачей, будучи не в силах дожидаться казни, и расхватывали обреченных на смерть, вырывая друг у друга отдельные предметы одежды¹.

Только в книге о Дебуа мы видим эпизод, достигающий такого же уровня равнодушия к еврейской трагедии: рассказывая о соучастии местного населения на Украине в преступлениях Холокоста, автор упоминает о вырывании золотых зубов у евреев, ожидающих своей очереди на казнь².

Где граница между равнодушием и враждебностью? Страшно спокойствие людей на нашем снимке, сидящих прямо вокруг человеческих останков. Жест, которым чья-то рука заботливо уложила черепа в порядок (и благословила их знаком креста), в то же время превратил эти черепа в обычные находки. (Не их, конечно, искали в этих песках, и не эти находки имеют меновую стоимость.) Мы знаем такие ряды черепов, мы видели их на снимках жертв Пол Пога. Ровно уложенные черепа могут служить доказательством, но не выражением сочувствия. Только единичный череп напоминает об индивидуальной судьбе. К нему можно обращаться монологи, как в «Гамлете». Равнодушие сидящих, их взгляды, отворачивающиеся от того, что перед ними лежит, говорят: это не наши кости. К костям *наших* мертвых мы бы не так отнеслись, они не лежали бы на песке без прикрытия, они требовали бы уважения, достоинства. И прежде всего — разделения. Массовые могилы мужчин и мальчиков из Сребреницы были прочесаны в поисках каждой косточки, сложенной в течение многих лет, чтобы отличить одну личность от другой. Но на этом снимке ни один жест, ни один взгляд не говорит о связи между живыми и умершими.

Конечно, эти кости происходят из массовой могилы, из «некрополя»³, из «земли без дна», отрицающей индивидуальную смерть. Массовые убийства отнимают у смерти ее торжественную индивидуальность. И более того — это еврейские кости. Кости, погребен-

¹ *Libionka D.* Polska konspiracja... S. 458–459.

² *Desbois P.* The Holocaust by Bullets. P. 97.

³ Этот термин использует Божена Шалькросс: *Shalcross B.* Rzeczy i Zagłada. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Uniwersytetu, 2010. S. 178. В этой книге речь идет о вещах, об опредмечивании человека и о Холокосте.

ные в земле, прячущей в своих глубинах ценные предметы, когда-то с этими костями связанные. Равнодушие лиц на фотографии коренится в непризнании той смерти, знак которой — эти кости. Если бы это были наши кости, наша смерть означала бы жертву, святость, мученичество. Но эта смерть их не касается. Они складывают эти черепа рядком, как сложили бы плоды — дыни или арбузы.

ОПРЕДЕМЧИВАНИЕ ЕВРЕЕВ

Итак, евреи — с точки зрения тех, кто сталкивался с ними во время оккупации (и даже еще позже, как это видно на снимке) — отождествлялись с вещами. А ведь человек — это нередуцируемый объект, сам себе цель, и любая инструментализация отношений между людьми — это злоупотребление. В отношении евреев во время Второй мировой войны процесс обезчеловечения достигает своего апогея. Внимание и усилия окружающих сосредоточены на сборе, упорядочении и использовании вещей, отнятых у евреев на разных этапах овеществления, которому они подверглись. Даже после смерти окружающие добиваются десакрализации мест их упокоения (?!), массово раскапывая — в поисках вещей — массовые могилы убитых.

То, о чем мы тут пишем, в каком-либо варианте имело место по всей Европе, откуда бы ни вывозили евреев в лагерь смерти. Однако в Варшаве это достигло особого размаха, поскольку в большой акции с 22 июля по 24 сентября 1942 г. в Трешлинку была вывезена четверть миллиона человек. Сбор, сортировка и распределение вещей, оставшихся от евреев, длились несколько месяцев и были описаны одним из оставшихся в живых еврейских полицейских, Самуэлем Путерманом:

Большинство работало [речь идет о евреях, избежавших вывоза и продолжавших жить в гетто на последнем этапе его существования. — Я. Г.] на выносе вещей в машины, часть трудилась в больших сортировочных пунктах, часть в прачечных и швейных мастерских, где стирали и чинили одежду и белье, оставшееся от высланных евреев, остальные проводили каждое утро в магазинах розничных товаров.

Сбор вещей из жилищ проводился систематически по домам, улицам и кварталам. Отдельные группы собирали стекло и фарфор, отдельные — люстры, отдельные — одежду и личное белье, отдельные — картины

и легкую мебель, отдельные — тяжелую мебель. На каждом складе принимался только один род предметов. У каждого склада была вывеска с номером и перечислением проводимых операций. <...>

Сосредоточенные на складах вещи направлялись в бюро для личного пользования штатскими немцами. Несмотря на четырехтысячное число <...> работающих от восхода до заката, несмотря на большое количество «краж», которые совершали арийцы, перебиравшиеся ночами через стены, несмотря на большое число вещей, вынесенных теми, кто выходил на работу на «арийскую сторону», продававших их за гроши, так как им самим товары ничего не стоили, — жилища всё еще были полны вещей и мебели...

Почти каждое большое помещение в гетто было превращено в склад: большие помещения — для мебели и машин, меньшие — для других вещей. Два костела, находящиеся на территории гетто, были превращены в склады мебели. Точно так же синагога имени Ножика и Большая синагога на Тломацком, вместе с Иудейской библиотекой превратились в мебельные склады. В синагогу на Тломацком, находившуюся на арийской стороне, и в Иудейскую библиотеку мебель привозили на продажу. Каждый поляк имел право купить мебель. Продавали поштучно и гарнитурами, а то и целое полное здание, прикидывая цену находящейся в нем мебели на глазок...

К работам по вносу и выносу мебели были привлечены также и сотрудники еврейской Службы порядка, полицейские тоже были непрерывно заняты, и лишь после нескольких дней переговоров [комендант Службы порядка Шеринский] добился только отмены ночных патрулей, задачей которых была охрана домов от арийцев, залезавших в них через стены. Взамен он должен был выделить 150 полицейских на роль грузчиков в синагоге... Служащие работали посменно: неделя — на полицейской службе, следующая — в синагоге на Тломацком¹.

То, что территория опустевшего от людей гетто охранялась немцами (и остатками еврейской полиции), действительно затрудняло грабеж, но не могло его остановить. Особенно в Варшаве, где территория, прежде населенная убитыми евреями, хоть и обнесенная стеной, была все-таки очень велика. Окрестное население — как в цитированном выше сообщении Клюковского — «расхватывало

¹ Еврейский исторический институт. 302/27. Самуэль Путерман, служащий SP.

из еврейских домов всё»: ведь это была собственность, «оставшаяся от евреев», а стало быть, ничья¹.

Марья Шпиро еще во времена существования большого гетто ходила, по ее выражению, «с товаром» на арийскую сторону. После большой акции по «выселению» из гетто, в которой погибла большая часть ее родных, она осталась с братом и сестрой на арийской стороне и далее жила контрабандой. У нее был так называемый хо-роший вид.

Когда мы приходили в гетто, все уже были убиты, поэтому поляки брали из еврейских домов [так в оригинале. — Я. Г.] одежду любую, какую только хотели. Немцы тоже подъезжали на автомобилях и выбирали всё из еврейских домов. Нам в то время было тяжело жить, поэтому мы тоже пробирались и брали одежду, потом продавали ее и имели на жизнь и на всё. Полякам немцы тоже не позволяли выносить, хотели только сами всё забрать. Мы не обращали внимания, что не позволяют. Мы ходили и ни на что не обращали внимания. Если нас хватал немец, говорили, что мы польки. Хотя и полякам нельзя было ходить свободно, но если ловили поляка, то либо у него всё отнимали и приказывали идти домой, либо говорили, чтобы уносил всё, но больше не приходил. Когда нас ловили, то мы просили, чтобы у нас не забирали, и нам когда оставляли, а когда отнимали. Всё относили к той пани, и что ей нравилось, то должны были отдать ей для дочки, иначе

¹ Евреи еще при жизни рассматривались, можно сказать, как временные держатели складов «оставшейся от евреев» — “pożydowskiej” — собственности. Этот неологизм встречается в польском языке только в трех вариантах: pożydowski, poniemiecki, podworski (т. е. оставшийся соответственно после евреев, немцев или помещиков). (Ведь, например, слова «пофранцузский» или «поанглийский» мы бы восприняли как русизм, оговорку кого-то, кто хотел сказать: «по-французски» или «по-английски»). В связи с историческими событиями XX в. мы в Польше имели дело с тремя случаями массового присвоения чужой собственности: после депортации немецкого населения, после истребления евреев и после ликвидации помещиков как «классового врага». Но ни убийство, ни депортация человека не дает никому права собственности ни на что, в том числе и на труд, сконцентрированный в вещах в течение поколений: «послееврейским» может быть только способ выражения, но не сама собственность. Об этом явно знают жители польских местечек, вздрагивающие, когда в окрестностях появляется кто-нибудь чужой: а может быть, случайно это окажется какой-нибудь еврей (или, на некоторых территориях, немец), приехавший «за своим»?

она сразу кричала, что мы живем у нее, она нас держит, а мы ей не хотим дать. Волей-неволей приходилось, а то что было бы, если бы она нас выкинула. В то время мы были хотя бы хорошо одеты. Дора и Блина [сестра и подруга автора записи. — Я. Г.] имели хорошие пальто и всё.

Как-то раз мы вышли из дома, тогда было очень тепло. Вышли в летних платьях, на ногах тоже ничего не было. Мы всё оставили у той польки. Приходим вечером, а та пани не хочет открывать двери. Мы начали стучать сильнее, а она подошла к двери и сказала, чтобы мы искали, где ночевать, потому что Метек [еврейский парень, живший с ними. — Я. Г.] не пришел домой и может о вас рассказать. Мы волей-неволей должны были идти куда-нибудь ночевать. Пошли на самый верх того дома. Нам было холодно, но что делать? С самого утра, когда еще было немного темно, сошли и пошли на ту улицу, где всегда. Вечером приходим, стучим, а она орет во всё горло: «Жидаы, что вам тут надо, кто вас тут знает». Мы видим, что дело плохо, поэтому отступили. На минуту я подошла к двери и попросила, чтобы та дала мне хотя бы туфли, я ведь была босиком, а она крикнула: «Убирайся отсюда, а то в жандармерию сдам, жидовка». Пошли мы из этого дома¹.

И в заключение — еще одна сцена из Варшавы, иллюстрирующая представление евреев как носителей вещей, которых остальным остается только обобрать. В конце июня 1943 г., где-то в развалинах гетто, немецкий патруль вытащил из бункера двадцать пар евреев. Эту сцену наблюдала в бинокль с некоторого расстояния группа евреев, укрывшихся на верхнем этаже сожженного дома. Схваченным велели вынести из бункера все вещи, потом раздеться догола. При этом была застрелена сопротивлявшаяся молодая девушка. Среди задержанных были мужчины, женщины и дети.

Четверо эсэсовцев, явно имевших право производить ревизию, приказали жертвам положить одежду в трех метрах от себя, а затем приступили к личному досмотру.

Эсэсовцы поднимали женщинам груди, заглядывали в рот, затем осматривали у них половые органы. Вводили им палец в прямую кишку, ощупывая ее, как хорошая хозяйка на базаре, проверяющая гусыню на жир. Потом велели подпрыгивать и поднимать ноги вверх (а вдруг выпадет какой-нибудь припрятанный бриллиант), делать турецкие приседания и т. п. К непокорным

¹ Еврейский исторический архив. 302/89. Marysia Szpiro.

применяли радикальное средство — били до крови. Этот неслыханный досмотр прошли все — женщины, дети и мужчины. Свидетелями этого были руины, развалины, пустая улица, забрызганные кровью камни мостовой и мы, несчастные случайные свидетели... Эсэсовцы издевались и развлекались видом нечеловеческих страданий своих жертв. Потом они принялись за тщательный досмотр кошельков, портфелей и сумок и доскональный обыск одежды.

Всё это время вытащенные из бункера и раздетые догола люди сидели под стеной¹.

«ВЫТАПЛИВАНИЕ ЖИРА»

Мы уже говорили об охоте на евреев в сельской местности. В городах, на так называемой арийской стороне, бичом еврейской судьбы было «вытапливание жира» — шантажирование беженцев из гетто, пытающихся спастись от вывоза в лагеря смерти. С середины октября 1941 г. евреям под страхом смерти запрещалось пребывать на арийской стороне. Шантажисты («шмальцовники», топильщики) грозили пойманному еврею доносом в полицию, если те не заплатят определенный выкуп. Такой род источника дохода обозначается в польском языке особым словом, словно традиционное понятие шантажа недостаточно и не подходит, чтобы нормально говорить об этом явлении. В Варшаве, в силу многочисленности еврейского гетто, а также ассимилированных евреев, которые чаще всего стремились укрыться на арийской стороне, «вытапливание жира» распространилось очень широко.

Среди укрывавшихся евреев, которые вышли из гетто и выжили или оставили записи, трудно найти такого, кто не был бы многократно атакован шантажистами². Пишет Рингельблум:

«Вытапливание» начинается с момента, когда еврей выходит за ворота гетто, а точнее — еще у ворот гетто, за которыми наблюдают целые рои «топильщиков». <...> «Топильщики» действуют везде, где евреи соприкасаются с арийской стороной, то есть в местах встреч у стен, у выходных ворот,

¹ Еврейский исторический институт. 302/113. Леон Найберг.

² Ringelblum E. Stosunki polsko-żydowskie... S. 95.

на трассах «постов» [так назывались группы евреев, выводимые на работу вне территории гетто. — Я. Г.], на самих «постах» и т. д., одним словом — везде, где евреи пытаются «вырваться», то есть отделиться от «поста» и податься в жите на арийской стороне. «Топильщики» кружат по улицам и задерживают всех, кто выглядит как семит. Они посещают публичные места, особенно площадь возле Гданьского вокзала, кафе, рестораны, <...> действуя организованными шайками. <...> Это настоящая нечисть, которая сотнями, а то и тысячами облепляет евреев на арийской стороне и отнимает у них деньги и ценности, а часто и всё, что у них есть. Иногда случается, что «топильщик», как настоящий уличный бандит, отнимает у своей жертвы не только деньги, но и вещи¹.

В послевоенной дискуссии на тему деморализации молодежи в условиях оккупации о том же явлении писала Ирена Хмельнская: «Двумя главными источниками деморализации ребенка в Варшаве были еврейский вопрос и торговля. <...> Ребята уже с шести лет, а чаще всего десяти-, тринадцатилетние, проводили целые ночи у стен гетто и шантажировали выходящих евреев»². Открытость такого поведения, его публичный, нескрываемый и в то же время групповой характер — всё это были аспекты, сильнее всего поражавшие наблюдателей. Чем объяснить отсутствие общественного давления со стороны обычных прохожих, или санкций со стороны подполья, которые вынудили бы преступников, явно нарушающих патриотический кодекс (не играть на руку оккупантам, преследующим сограждан) отказаться или хотя бы стыдливо прикрывать деятельность, как-никак, основанную на угрозе другому человеку выдать его убийцам?³

¹ Ringelblum E. Stosunki polsko-żydowskie...

² Chmieleńska I. Dzieci wojenne // Kuźnica. 1945. 09.12.

³ Наказание «топильщиков» вовсе не было приоритетом для подпольного судопроизводства. «Небольшое число приговоров «топильщикам» начало исполняться под конец 1943 года. Однако обычно они касались только лиц, сочетавших шантаж евреев с работой на гестапо в качестве агентов в подполье. «Топильщики», избегавшие контактов с подпольем и с немцами, могли не опасаться карающей руки Подпольного государства» (Grabowski J. «Ja tego Żyda znam!» Szantażowanie Żydów w Warszawie, 1939–1943. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii Polskiej Akademii Nauk, 2004. S. 55).

Еще более грозной опасностью для евреев на арийской стороне были шайки шантажистов. Разница между «топильщиками» и шантажистами заключалась в том, что полем деятельности первых была улица, а вторых — жилье. Через наблюдения на улицах, в кафе, через сотрудничество с «топильщиками» шантажисты находили жертвы, которых посещали на дому вместе с агентами и полицией в форме. Если «топильщики» — это осы, кусающие своих жертв, то шантажисты — пожирающие их стервятники. Запросы такой компании шпиков, полицейских и шантажистов очень высоки и измеряются самое меньшее тысячами злотых, а чаще — и десятками тысяч¹.

Бывали, впрочем, и шантажисты (на языке того времени их тоже называли «топильщиками»), старательно выслеживавшие своих жертв и сообща осуществляющие долговременный сценарий, целью которого было присвоить как можно большую часть имущества укрывающихся евреев. Ян Грабовский подробно описывает применявшиеся ими методы на основании дел немецких судов, которые не раз... привлекали их к ответственности. Не потому, разумеется, что немецкие суды стремились защитить евреев от шантажа, но потому, что в шайках «топильщиков» нередко участвовали немцы, а аппарат Третьего рейха старался искоренять деморализацию персонала своей же собственной администрации.

Читаем у Грабовского, «что представления о господстве рецидивистов в “цехе” топильщиков ошибочно». Шантажом евреев не занимались исключительно «отбросы общества», как утверждала послевоенная печать. В актах немецких судов, изученных Я. Грабовским,

<...> семьдесят три [лица, обвиненных на процессах о «вытапливании»] представили подробную информацию о своем происхождении и образовании. Хотя более десяти лиц наверняка происходило из числа криминализованных люмпенов, но среди остальных мы находим представителей всех социальных групп: квалифицированных рабочих, чиновников, артистов, крестьян, торговцев, владельцев кафе, четырех трамвайных служащих, восемь учеников средних школ и даже одного «репетитора французского языка». Шантажистом с наилучшей родословной был, несомненно, молодой граф, арестованный при попытке получения выкупа от двух еврейских торговцев².

¹ Ringelblum E. Stosunki polsko-żydowskie... S. 97.

² Grabowski J. “Ja tego Żyda znam!” S. 45, 47.

Вымогательством занимались также разные люди, пользуясь попросту подвернувшимся случаем, как это сделал, например, один варшавский выпускник (напомним, что в 1940-х гг. человек с аттестатом зрелости принадлежал уже к общественной элите), который встретил на углу Кошиковой и Мокотовской «двух незнакомых евреев и решил выдать себя им за сотрудника гестапо. Моим намерением было раздобыть от них таким образом сколько-нибудь денег, так как я знаю, что у евреев всегда денег много»¹.

УКРЫВАНИЕ ЕВРЕЕВ ЗА ПЛАТУ

Укрытие евреев во время оккупации также могло стать способом заработка. Евреев принимали к себе, потому что их укрытие за плату приносило огромные доходы. В то время как за наем подвального помещения — в зависимости от местности и периода оккупации — платили от 50 до 300 злотых в месяц, за место для скрывающегося еврея брали десятикратно больше. Часто плату для евреев рассчитывали «с носа», тем самым еще увеличивая доход. А если прибавить еще и плату за прокорм — рассчитанную по спекулятивным ценам, — то возможности быстрого обогащения были ошеломительными.

То, что такие сделки вообще совершались, сразу же вызывает целый ряд вопросов. Во-первых, хотелось бы знать: какова была относительная частота укрывательства за деньги в отношении к случаям помощи евреям из чисто гуманных побуждений? И хотя мы не можем дать точный ответ на этот вопрос, о значительной частоте укрывательства за деньги свидетельствует чтение еврейских воспоминаний.

Располагать значительной суммой денег считалось у евреев надежным средством для того, чтобы пережить войну, что, очевидно, нужно понимать в более широком смысле: ведь деньги — это еще и средство для спасения в непредвиденных обстоятельствах, дачи взяток, покупки еды на черном рынке, откупа от «топильщиков» и т. д. Но о том, что за укрытие евреев обычно требовали плату, ярче

¹ Grabowski J. "Ja tego Żyda znam!" S. 32.

всего свидетельствует консенсус польского общества, гласивший, что люди, укрывавшие евреев, должны были на этом разбогатеть¹. Провалы евреев, укрывавшихся во время оккупации, часто происходили оттого, что материальное положение лиц, дающих убежище еврейской семье, заметно улучшалось. Подозрения соседей могло возбуждать то, что кто-нибудь начинал вовремя вносить оплату или лучше одеваться.

Для людей, укрывавших евреев из чисто гуманных побуждений, т. е. для Праведников мира, одной из причин, по которым они были вынуждены скрывать свою благородную деятельность даже после войны, было сознание того, что, по мнению местного сообщества, укрывательство евреев было знаком того, что они получали за это деньги, что подставляло их под угрозу грабежа. Из-за такого убеждения у крестьянина, пойманного на укрытии евреев во время оккупации, грабили хозяйство (отбирая таким путем мнимую прибыль). Сельский староста, партизаны или гранатовые полицейские тотчас по вынесении приговора убивали пойманных евреев, часто не ставя об этом в известность немецкую жандармерию.

Тут мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Укрытие евреев за деньги как выгодное дело ставит под сомнение принятый в польской послевоенной историографии тезис, что за это в условиях оккупации безусловно полагалась смерть, притом вместе со всеми членами семьи. Ведь если мы можем представить себе, чтобы кто-то подвергал такому риску себя и своих близких ради идеи, из принципиальных соображений — что спасение евреев в нечеловеческих условиях есть христианский или моральный долг, независимо от последствий, — то подвергать риску смерти всю семью только ради заработка — это уже чистый абсурд.

Люди не вели бы себя таким образом, если бы наблюдение того, что творится вокруг, не подсказывало им: принимая евреев в укрытие, они рискуют, но этот риск, несмотря ни на что, можно просчитать. Прежде всего потому — мы знаем уже об этом из приведенного

¹ Согласно догадке: «Известно, у кого есть деньги, тот укрывает евреев» (Еврейский исторический институт. 301/196).

выше описания событий в келецком селе, — что люди, у которых обнаруживали евреев, не карались безусловно смертью. Ведь немецкие жандармы и полицейские сами обнаруживали укрывающихся евреев редко и случайно — например, в поисках незарегистрированного стада в хлеву на селе или при облаве или ревизии, почему-либо назначенной в городе. Польские же коллаборационисты и соседи, которым удавалось выследить скрывающихся евреев, часто решали дело в своем кругу (т. е. с участием гранатовой полиции): убивая евреев и грабя их, но уже не убивая поляков, которые их укрывали.

Решение о возможном принятии евреев в укрытие за деньги дополнительно облегчалось сознанием, что в любую минуту их можно будет и выставить (например, сказав, что их убежище раскрыто и им нужно спасаться) или даже убить. В основополагающей работе о платной помощи Ян Грабовский приводит много таких примеров. А в качестве эпиграфа одной из глав своего исследования он цитирует характерное высказывание одного из польских свидетелей: «Пошел я к дяде посоветоваться, что с евреем делать. Вернувшись, сказал, что дядя мне советовал еврея погубить»¹. Ни дядя, ни племянник, о которых тут говорится, конечно же, не были записными бандитами. Попросту решение «погубить» еврея требовало тогда от «простого» человека консультации с наивысшим семейным авторитетом.

«Через несколько дней крестьяне Енек Хенць (комендант пожарной охраны), Томек Копер и Бронек Бочковский ограбили их [евреев, спрятавшихся в овине. — Я. Г.], увели в лес и убили». А, например, лесник Петелька «забрал деньги и имущество и поджег сарай. Мать, отец и дед были сожжены. Он запер овин»². Примеров такого поведения, отраженных в документах эпохи, увы, более чем достаточно.

¹ *Grabowski J.* Rescue for Money. S. 34 ff.

² Еврейский исторический институт. 301/228, 305. Свидетельства Хаима Грабея и Ени Рубинштейн.

Крупный план, на котором большая часть укрывавшейся еврейской семьи пережила войну

Барух Эльбингер был до войны владельцем текстильного магазина в Новом Бжеске, Краковского воеводства. Из семьи в пять человек войну пережил он и двое детей. Погибла самая младшая дочь, отданная в укрытие польской знакомой, которая через два дня выгнала девочку из дому. Под конец войны погибла также жена Эльбингера. Но более двух лет родители с двумя детьми скрывались у крестьян, и надо оценить, чем они обязаны такому счастью, что большая часть семьи пережила оккупацию.

История Эльбингеров иллюстрирует ту ситуацию давления — шантажа, растянутого по времени, — в которой обычно оказывались евреи, укрывавшиеся с помощью денег. Хотя они вынуждены были делать вид, что считают своих «опекунов» людьми, с которыми просто заключено соглашение — об убежище за установленную плату, — они прекрасно понимали, что являются просто товаром, на котором другая сторона хочет заработать как можно больше. Как всегда, из этого правила бывали исключения, и попадались люди, которые, взяв евреев в укрытие за деньги и прилично с ними обращаясь, иногда действительно сочувствовали вынужденным жильцам. Деньги обычно были необходимы, чтобы укрывающихся евреев можно было накормить и согреть. Но не таков был опыт семьи Эльбингеров.

Первейший принцип, который нужно было соблюдать в тех условиях, состоял в том, чтобы не иметь при себе большой суммы денег. Следовало распределить материальные средства — самые ценные предметы хозяйства, одежду или, если у кого были, товары из магазина, наличные деньги и драгоценности — мелкими долями среди доверенных людей, лучше всего в нескольких разных местах. Речь шла о том, чтобы податель помощи не мог сразу же одним махом полностью обобрать своих жильцов (чтобы затем выгнать их из дому, отдать в руки полиции или убить), но, напротив, убедился, что только дальнейшее их содержание позволит ему получить наибольшую материальную выгоду. Вследствие этого евреи, вынужденные в любой момент мобилизовать свои финансовые средства

через посредников или выходить из укрытия, чтобы забрать и обналичить очередную порцию имущества, подвергались дополнительной опасности. Тем не менее риск контактов с внешним миром был меньше, чем доверить сразу всё имущество опекуну.

Первый хозяин, предоставивший Эльбингерам укрытие, вначале не хотел сказать, сколько он за это запросит. Поэтому ему давали «подарки» и платили по усмотрению натурой — как пишет Эльбингер, «отпуская ему материалы по дешевой цене». После трех месяцев он потребовал 1200 злотых в неделю — это была огромная сумма, которую удалось сбить до 3500 злотых в месяц. Но он и дальше брал от Эльбингеров «подарки», т. е.:

<...> товары считал для себя почти на 50 % дешевле, а если я предлагал ставить нормальную цену, то кричал, чтобы ему дали нож — он-де нас всех зарежет. <...>

В следующем месяце он согласился на 1600 злотых в месяц, а за еду отдельно. За продукты он считал на 100 % дороже рыночной цены, и товары чтоб ему носил только те, какие имею, и за это он будет нас держать до самого конца войны: таким образом он хотел вытянуть из нас всё, что у нас есть, а затем нас уничтожить. Такой вывод можно было сделать из его поведения, но так как нам было некуда сразу же уйти от него, то нам пришлось обещать ему, что будем стараться забрать и принести ему материалы, спрятанные по людям, и жена, несмотря на грозившую ей опасность, вынуждена была пускаться в путь за несколько километров, порой за десять и больше, чтобы в любое время доставлять ему сверху материалы, но ему этого было недостаточно, потому что он не мог получить всё сразу. Он начал применять разные репрессии, прежде всего перестал давать нам хлеба. <...> мы решили искать другое место.

Жена Эльбингера нашла в соседней деревне хозяина, который согласился принять их за высокую плату, но:

<...> поскольку на прежнем месте нам грозила голодная смерть, а то и убийство, мы вынуждены были принять любые предложенные условия, так как нам, по меньшей мере, уже не грозило истребление, как на первом месте, и хотя нас под конец стерегли день и ночь, мы выбрали одну ночь, и я с сыном убежал через дверь на чердаке, выходящую на подворье; мы забрали всё, что имели, кроме одежды и других вещей, которые были у них в жилье... Так мы перетерпели у них 11 месяцев с десятками трудностей и лишений. <...>

На втором месте снова была геенна. Там мы терпели голод и холод, и вдобавок у них был 17-летний сын — мерзавец, который отравлял нам жизнь, мучая детей на разные лады, но когда бы мы ни жаловались на него матери, она кричала и не позволяла это делать.

У другого крестьянина они прожили 15 месяцев. Их двенадцатилетний сын Эммануэль пару раз выходил, переодетый девочкой, в основном за товаром, который они затем перепродавали через посредников. Как-то раз его узнали две подружки по классу, и он едва смог убежать, когда они начали кричать на всю улицу, что вот еврей идет.

Эльбингеры узнали, что в окрестностях скрывается еще один еврей, и сумели с ним встретиться. Они жаждали сведений о родных и знакомых, а также обычного разговора с кем-нибудь, кто попал в такое же положение. Он прятался недалеко, жил в деревне, знал окрестных людей, шил для них и помогал в полевых работах в обмен на прокорм. Его звали Грунбаум, и с ним был ребенок.

В последние месяцы перед вступлением русских крестьяне рассказали, что банды НСЗ, Армии Крайовой и Крестьянских батальонов выслеживают евреев, и чуть только узнают, что где-то находится какая-нибудь еврейская семья, — приходят, расстреливают, убивают, часто те же, кто укрывал их, выдавали или убивали сами <...> я [Грунбаума] предостерегал, чтобы никуда не ходил, только продавал с себя, что сможет, сделал себе запас продовольствия и сидел в убежище, хотя бы уже потому, что его имущество было распределено между несколькими крестьянами, не желавшими его отдавать, явно стремясь его предать и сжить со свету, возможно, с помощью банд, разыскивающих евреев, чтобы их уничтожить.

Он меня послушал и так и сделал. Жене я тоже не позволил ходить к нему, чтобы уберечься. Только мы сильно страдали от холода, потому что мы с женой и двумя детьми лежали зимой под одной узкой перинкой или одеяльцем, а Грунбаум был с одним ребенком, а имел два одеяла, и обещал дать нам одно. А поскольку фронт стал на месте по Висле и Сану и не приближался, а немцы сильно окапывались, мы решили, что война продлится еще всю зиму, поэтому жена решила пойти еще только один раз, забрать это одеяло, а потом уже сидеть на месте и ждать освобождения, сколько сможем. Ранним утром жена пошла через поле к Грунбауму и больше уже не вернулась. <...>

[Сын пошёл через пару дней и] узнал у того крестьянина, что 7 декабря вечером пришло десять бандитов, одетых в польские мундиры

и разговаривавших по-польски. Они окружили его дом, застрелили Грунбаума вместе с семилетним ребенком и похоронили недалеко от его дома. На другой день, то есть 8 декабря, пришла моя жена, узнала об этом, но не могла сразу же вернуться, так как в тот день немцы устроили облаву. Вечером та же банда снова окружила дом, и когда жена это заметила, бросилась в подвал, они — за ней, и начали жестоко бить, чтобы рассказала, где скрывается ее семья. Но жена никого не выдала, тогда ее отправили к тому хозяину, у которого мы жили раньше в ожидании смерти, как я уже описал. Что с ней стало дальше, никто в точности не знает, только жена больше не вернулась.

17 января началось советское наступление, и Эльбингеры были освобождены.

Имущество, которое мы еще сумели спасти и роздали перед выселением знакомым, которых считали лучшими людьми, те после нашего возвращения не хотели отдать, ссылаясь на то, что его отобрали немцы или русские, а соседи уверяют, что это неправда, так как они такого не видели и не слышали. Три четверти имущества забрали горожане, я с детьми сейчас в тяжелом и критическом положении, а из близких родственников мало кто уцелел¹.

Жадность играла ведущую роль в качестве мотива отношения к евреям во время оккупации. Однако, как пронизательно отмечает профессор Грабовский,

необычайно важную роль в процессе удаления [евреев] играла обычная человеческая зависть. Согласно широко распространенному убеждению, лица, укрывавшие евреев, хорошо на этом зарабатывали. Такого рода «неправедное» обогащение возмущало соседей и знакомых, считавших себя несправедливо обойденными в происходящем на их глазах перераспределении собственности. По их мнению, еврейское имущество становилось «общим добром», а индивидуальные попытки укрыть евреев — формой эгоистической деятельности, направленной против всего сообщества. Неоднократно они пользовались аргументом, что, коль скоро немецкие репрессии могут затронуть всех жителей, нет такого порядка, чтобы выгоды доставались только немногим избранным. Доходило до того, что в селах организованные группы местных жителей проводили обыски у людей, подозреваемых в «еврейских

¹ Еврейский исторический институт. 302/68. Свидетельство Баруха Эльбингера.

симпатиях», в том числе у тех, кто своим поведением (неожиданно хороший быт, покупки не по средствам и т. п.) обращали на себя внимание соседей¹.

В представлении польского крестьянина еврей — это деньги. А поскольку каждый человек, если его поставить перед угрозой утраты жизни, уплатит за себя, чтобы выжить, это была надежная формула, самоисполняющееся пророчество. И даже после смерти, что ясно иллюстрирует снимок, о котором мы говорим.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

Окончим рассуждения на тему грабежа еврейской собственности и прислушаемся к обрывкам нескольких разговоров, произошедших в то время, и к паре фрагментов тогдашних важных подпольных мемориалов.

Вот слова времен оккупации, сохранившиеся скорее благодаря свидетельству одного из участников разговора, чем стороннего свидетеля. Для нас этот разговор особенно важен, так как состоялся в непосредственной близости от территории, с которой происходит наш снимок. Героем разговора (если так можно выразиться) был уже известный нам землевладелец из Церанува, местности, расположенной недалеко от лагеря в Треблинке и отличающейся тем, что советские солдаты из obsługi располагавшегося там военного аэродрома участвовали в поисках «кладов» на территории лагеря.

Так вот, один из местных жителей, Юзеф Гурский, знающий иностранные языки, патриот-католик и сторонник самой популярной до войны политической партии — национально-демократической (т. е. наверняка не какой-нибудь человек с психическими отклонениями или отброс общества, а скорее «соль земли» довоенной Речи Посполитой), приводит такой фрагмент разговора с немецким чиновником оккупационной администрации. В дневнике Гурского кратко-му изложению взглядов предшествует внутренний монолог автора:

...я смотрел на истребление евреев в Польше с двух разных точек зрения, между которыми лежала пропасть антиномии: как христианин и как поляк. Как христианин, я не мог не сочувствовать своим ближним. <...>

¹ Grabowski J. Ratowanie Żydów za pieniądze. S. 89.

Как поляк я смотрел на эти события иначе. Будучи сторонником идеологии Дмовского, я смотрел на евреев как на внутреннего захватчика, притом всегда враждебно настроенного до самого конца диаспоры. Поэтому я не мог не испытывать чувства удовлетворения, что мы избавляемся от этого оккупанта, причем не собственными руками, а руками другого, внешнего захватчика. <...> Я не мог скрыть чувств удовлетворения, когда проезжал через наши местечки, очищенные от евреев, и видел, что отвратительные, неряшливые еврейские трущобы с их неизменными козами перестали портить наш пейзаж. Когда Турм [немецкий чиновник, с которым наш автор как раз ехал вместе. — Я. Г.]: “Sehen die Polen die Befreiung von den Juden als einen Segnen an?” («Считают ли поляки своё избавление от евреев благословением?»), — я ответил: “Gewiss” («Разумеется»), в полной уверенности, что выражаю мнение подавляющего большинства моих сородичей¹.

У Гурского были обширные сведения о том, что происходило в Треблинке и вокруг нее. Он знает о массовом преступлении, совершённом в лагере, и поведение польского сельского населения ему тоже хорошо известно. Освобождение от евреев польской провинции, о котором он пишет с одобрением, для него не абстракция, а конкретика, засвидетельствованная всеми способами: смрад горелых тел разносился из Треблинки во всех направлениях, в зависимости от ветра, на несколько десятков километров. И всё же он был способен написать то, что написал, в автопортрете, оставленном для потомства. Не для предостережения: ведь он даже не сопроводил этот фрагмент комментарием, что то были времена, которые даже образованных людей, солидных граждан, как он сам, лишали способности суждения, умения отличать добро от зла.

В вопросе об очищении ткани польского общества от евреев здравомыслящий помещик с высшим образованием не опомнился, хотя наблюдал события в ближайшем соседстве с лагерем массового уничтожения. Можно ли после этого удивляться жителям сотен (тысяч?) малых, изолированных, разбросанных по всей Польше мест, приложившим руку к делу «вытеснения» (т. е., по сути дела, уничтожения) своих еврейских соседей, когда машина преступления была запущена руками оккупантов, и жаждущие материальных благ получили зеленый свет на участие в этом?

¹ Górski J. Na przełomie dziejów. S. 288–291.

Гурский хорошо знал психологию своих сородичей:

В период оккупации, — писал Юзеф Мацкевич, известный консервативный публицист и писатель, — не было буквально ни единого человека [выделено автором. — Я. Г.], который не слышал бы поговорки: «Одну вещь Гитлер хорошо сделал, что ликвидировал евреев, только не надо говорить об этом вслух» <...> Предрасположенность к этой лжи была одобрена и принята почти всем национальным коллективом¹.

Нет ничего удивительного, что в благоприятных обстоятельствах множество жителей страны, выходя за пределы чистой рефлексии, от своих мыслей на еврейскую тему переходило к делу.

МНЕНИЯ ЗНАЮЩИХ СУТЬ ДЕЛА

Если учитывать эту точку зрения, широко распространенную в оккупированной Польше, нас не удивит, что видные деятели Подпольного государства предупреждали лондонское правительство о надвигающейся — а как же иначе? — сложной проблеме с евреями. Согласно официальному взгляду, оглашенному правительством в эмиграции, все изменения, введенные оккупантами или вызванные оккупацией, касающиеся изменений границ, гражданства, отношений собственности и прочие произвольные действия были лишены правовых оснований, и относиться к ним следовало как к не имевшим места. Однако из Польши в Лондон шли предупреждения, что такие принципы поведения, внешне само собой разумеющиеся, могут привести после освобождения к непредвиденным последствиям.

Уже в августе 1943 г. Роман Кноль, глава Комиссии по иностранным делам при представительстве правительства, сообщал в рапорте, отправленном в Лондон (как сообщает Дариуш Либёнка), что «<...> возвращение евреев “на их рабочие места и в их мастерские совершенно исключено, даже в значительно меньшем их количестве”. Причина — то, что нееврейское население заняло прежнее

¹ Из письма Юзефа Мацкевича Юлиушу Саковскому, цитируемого Владзимежем Болецким в его биографии Мацкевича: *Bolecki W. Ptasznik z Wilna. O Józefe Mackiewiczu. Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2007. S. 660.*

место евреев в социальной структуре. Эта перемена, по мнению Кнолля, «носит необратимый характер». Он предупреждал, что «массовое возвращение евреев было бы воспринято жителями не как восстановление, а как вторжение, от которого они защищались бы, в том числе даже физическим путем». Короче говоря, как утверждал Кнолля в другом, более раннем, документе, «возврат к *status quo ante* совершенно невозможен»¹.

Другой крупный политик лондонского лагеря, Ежи Браун, который по поручению правительства ликвидировал аппарат Делегатуры (представительства), за что был прозван «последним делегатом», представил в июле 1945 г. очень схожую оценку:

<...> в сельской местности и в местечках сегодня нет места для еврея. В течение последних шести лет в Польше сложилось (наконец-то!) польское положение вещей, ранее не существовавшее, и в его сферу целиком отошла провинциальная торговля, посредничество, поставки, кустарное производство <...> и всякое ремесло. Эти молодые крестьянские сыновья и бывший городской пролетариат, которым раньше пользовался еврей, — озлобленный элемент, упрямый, жадный, почти что лишенный всяких крупниц морали в торговле, превосходящий евреев храбростью, инициативой и подвижностью. <...> Эти массы на этих территориях не отступят. Нет такой силы, которая бы их оттеснила².

Через десять лет после войны чтение воспоминаний еще одного видного деятеля лондонского подполья, Стефана Корбоньского, вызвало бурную реакцию Ярослава Ивашкевича. В дневнике от 4 апреля 1956 г. он отмечает: «Исправляю неточности и пишу на полях: ужасающее чтение. <...> Потрясает недалечность и глупость этого субъекта. Ни одной широкой мысли, ни одной политической идеи»³. А тремя днями позже он записывает короткий разговор с Марией Домбровской по поводу той же книги. «Я: Знаешь, меня поражает уровень книги Корбоньского. Она: Так и должно быть. От таких людей нельзя ждать, чтобы они находились

¹ Libionka D. ZWZ-AK i Delegatura Rządu RP wobec eksterminacji Żydów polskich // Polacy i Żydzi pod okupacją niemiecką 1939–1945. Studia i materiały / Red. A. Żbikowski. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2006. S. 132; см. S. 23–24.

² Libionka D. Kwestia żydowska w Polsce... S. 41–57.

³ Iwaszkiewicz J. Dzienniki 1956–1963. Warszawa: Czytelnik, 2010. S. 64.

на уровне — только на вертикали. Я: Что ты имеешь в виду? Она: Уровень — это мы. Хотя у некоторых из нас нет вертикали»¹.

Для нас острое словцо Домбровской должно служить напоминанием, что действительность времен оккупации нельзя понять, не учитывая этическую сторону человеческого поведения. Многие люди, оставившие свидетельства о тех временах, хорошо это понимали — например, уже цитировавшийся Ян Карский. Другим чрезвычайно пронизательным очевидцем того времени был Казимеж Выка. И о том, что отмечают Кнольц и Браун, он писал совсем в ином тоне:

Центральным психо-экономическим фактом в годы оккупации остается несомненное исчезновение из сферы торговли и посредничества миллионной массы евреев <...> [и] инертное и автоматическое стремление польской стихии занять место, оставленное евреями. <...> Разве формы, в которых произошло это вытеснение, и способ, каким наше общество желало и желает этим воспользоваться, были моральны и приемлемы? Хотя бы я отвечал только за себя и не нашел никого, кто бы меня поддержал, — буду повторять: нет, стократно нет. Эти формы и эти надежды были постыдными, аморальными и низкими. Кратко говоря, экономическое и моральное отношение среднего поляка к трагедии евреев выглядело так: немцы, убивая евреев, совершили преступление. Мы бы так не сделали. За это преступление немцы понесут кару, немцы замарали свою совесть, но мы-то — мы-то получили выгоду и будем получать ее и дальше, не беря совесть и не пачкая руки в крови. Трудно найти более мерзкий пример морали, чем такие представления в нашем обществе. <...>

Способы, которыми немцы ликвидировали евреев, ложатся на их совесть. Но реакция на эти формы ложится на нашу совесть [выделено автором. — Я. Г.] Золотой зуб, вырванный у трупа, всегда будет кровоточить, даже если никто уже не будет помнить его происхождение².

Подводя итог, следует помнить, что в конечном счете еврейская собственность, которой завладело во время оккупации население

¹ «А чтоб тебя, баба, черти побрали», — так кончает эту запись разговора задетый Ивашкевич, которому писательская среда ставила в вину чрезмерное приспособленчество по отношению к коммунистическим властям (Ibid, s. 67).

В оригинале труднопереводимая игра слов: *poziom* — уровень, горизонт; *pion* — отвес, вертикаль, сектор (экономики), а также пешка. — Прим. перев.

² *Wyka K. Życie na niby*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2010. S. 291–293.

польских городов и деревень, осталась в его руках, поскольку евреи во всей Европе, в том числе и в Польше, были истреблены немцами. Часть коренного населения активно включилась в процесс грабежа; большинство же смотрело на происходящее с удовлетворением. Но хотя, в первую очередь, таким образом был использован случай, предоставленный исторической конъюнктурой (т. е. нацистами), следует признать: когда случай подвернулся, им воспользовались без особого сопротивления.

А ЧТО ЖЕ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ?

Анализируя сцены преступления в Едвабне, польский литературовед Пшемислав Чаплиньский делает поразительное открытие, как он пишет:

невольного, устрашающе простого и выразительного сценария, которого немцы наверняка не навязывали. Вытащенные из домов, проведенные по улицам местечка, подвергшиеся поношению, забросанные камнями, вынужденные в наказание перетаскивать памятник [Ленина], а затем отведенные в овины, они невольно прошли организованный поляками Крестный путь. Взрослое население Едвабне, благодаря автоматичности поведения в процессии, а также в поисках образца для «последнего пути», воспроизвело Христовы муки. Иронией кажется то, что евреи, преследование которых всегда оправдывалось убийством Христа в незапамятные времена, на этот раз выступили как раз в роли Спасителя, поляки же исполнили все роли, обычно отводившиеся еврейским персонажам. В тот день они были иудами, предающими на муки, стражниками, возложившими на плечи Христа крест (читай: памятник Ленину), в конце концов палачами, которые отвели Иисуса на место казни. [Евреев в Едвабне заставили, помимо всего прочего, разбить памятник Ленину, поставленный в местечке советской властью, и «похоронить» каменные обломки с церемонией, сопровождавшейся глумлением окружавшей их толпы и кончившейся тем, что евреев, донесших памятник до места погребения, убили и похоронили в той же могиле. — Я. Г.] Благодаря повторению сценария Крестного Пути жители Едвабне, в силу антисемитской интерпретации христианства, не только знали, как им поступать, но и были свято (!) уверены, что их поведение легитимно¹.

¹ *Czapliński P. Prześladowcy, pomocnicy, świadkowie. Zagłada i polska literatura później nowoczesności // Zagłada. Współczesne problemy rozumienia i przedsta-*

Даже для непосвященных судьба евреев во время Холокоста вызвала в памяти образ Муки Господней. Череп и скрепленные кости — это символ *memento mori*. А вокруг — толпа зевак, римские легионеры и копейщик — т. е. милиционер с карабином, наставленным, как пика, готовый нанести Ему рану в грудь. Это был *Himmelsweg* — путь в небеса, или *Schlauch* (шланг, пожарный рукав), как говорили палачи из Белжеца, Трешлины и Собибора о заслоненном ветвями и огороженном колючей проволокой переходе, соединявшем газовые камеры с бараками, где евреям приказывали раздеваться. По этому переходу всех гнали на смерть. Это была Голгофа, их последний путь, Крестный путь XX в.

Но хотя религия до сих пор играет огромную роль в жизни польского общества, в Холокосте польских евреев Костел — это Великий Отсутствующий. Мужчины и женщины со снимка, обступившие черепа и кости жертв, которых по «рукаву» прогнали в «небо», в ближайшее воскресенье в праздничных нарядах пойдут до костела, но о том, что происходило на земле их прихода — в лагере смерти, — не услышат даже в проповеди. Ян Грабовский, изучив материалы нескольких сотен «серпнёвок», с изумлением отметил, что слово «священник» в них не встречается ни разу¹. Другой историк пишет с горечью: «Печально, что важнейшую роль в заговоре молчания и соучастия (через разрешение) в этих преступлениях — в широком смысле, конечно, — сыграл польский Костел»².

Добавим к этому, что Костел действовал в качестве важнейшего польского института в течение всего времени немецкой оккупации. Приходской священник до сего дня остается высшим моральным авторитетом в польской деревне. В то же время чтение документов эпохи свидетельствует об отсутствии реакции католических священников на преступления геноцида, происходившие в том самом месте, где они отправляли свою службу пастырей душ, — преступления, в которых, как нам известно, участвовали и местные жители.

wienia / Red. P. Czaplinski, E. Domańska. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2009. S. 160. (Seria: Poznańskie Studia Polonistyczne).

¹ Информация из разговора с профессором Яном Грабовским.

² *Jasiewicz K. Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce, 1939–1941.* Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2001. S. 42.

Конечно, из этого правила были исключения¹. И тем не менее вопрос, который задал Станислав Рамотовский священнику из Радзилова: «Не мешает ли ксендзу, когда убийца приходит до костела в шубе, снятой с еврея» — ведь все знали, что Дзеконьский ходит в шубе, оставшейся от Шлапака», — и на который священник Долеговский «не ответил», — можно было бы с тем же успехом задать всем священникам во всех местностях, в которых до войны жили евреи².

Ведь случай Дзеконьского не был чем-то особенным. «Крестьяне носили спенсерки — такие короткие домотканые куртки, — сообщил журналистке Анне Биконт крещеный еврей, который ребенком пережил войну в России, а потом вернулся в Подлясье, где коллеги считали его своим. — Если после войны кто-нибудь входил в церковь в пальто, было ясно, что оно осталось от евреев»³. Уже цитировавшееся раньше высказывание украинского респондента о Дебуа: «Однажды мы проснулись в местечке, и на всех была еврейская одежда»⁴ — наверняка можно применить ко многим польским местечкам и селам.

Поведение Костела во время оккупации требует объяснить отсутствие реакции на геноцид, происходивший в то время на глазах у польского духовенства. Даже всеми уважаемый за стойкую позицию по отношению к оккупантам архиепископ Адам Сапега не протестовал перед правителем генерал-губернаторства Гансом Франком против нацистской акции убийства евреев. Ни в его заявлениях, ни в тогдашних заявлениях других иерархов польской Церкви, — вспоминает в интервью священник Станислав Мусял, — нет «ничего, нет никаких признаков сочувствия или заботы. Это пугает»⁵. Современный знаток эпохи ставит еще более суровый диагноз:

¹ Профессор Божена Шайнок (Bożena Szaynok) знает случаи, когда приходские священники на проповеди учили прихожан, что в отношениях с евреями нужно вести себя порядочно. Благодарим профессора Б. Шайнок за предоставление нам этой ценной информации.

² *Bikont A.* *My z Jedwabnego.* Warszawa: Prószyński i S-ka, 2004. S. 62.

³ *Ibid.* S. 73.

⁴ *Desbois P.* *The Holocaust by Bullets.* P. 97.

⁵ *Bereś W., Burnetko K.* *Duchowny niepokorny. Rozmowy z księdzem Stanisławem Musiałem.* Warszawa: Świat książki, 2006. S. 192. См. также: *Poliakov L.* *The Vatican and the Jewish Question // Commentary.* 1950. XI. P. 442.

«В известных историкам документах 1942–1943 годов, — пишет Дариуш Либёнка, — нет и следа никакого интереса [выделено нами. — Я. Г.] к судьбе евреев со стороны епископов»¹.

В нескольких десятках писем, отосланных польскими епископами в Рим и опубликованных в официальном ватиканском сборнике документов на темы Второй мировой войны — *Actes et Documents du Saint Siège relatifs à la Seconde Guerre Mondiale*, — нет никакой информации об истреблении евреев. В них ничего не говорится даже о положении новообращенных, которое было предметом заботы католических иерархов других оккупированных стран, взывавших к Ватикану о поддержке в их деле². Важнейшим, а по сути, единственным церковным источником информации о трагическом положении евреев в Польше являются письма в Апостольскую Столицу митрополита греко-католической Церкви Анджея Шептицкого³. Он же, в отличие от епископов римско-католической Церкви, предложил укрывать евреев в греко-католических монастырях и в костельных зданиях. Укрытие евреев в римско-католических монастырях происходило по инициативе духовных лиц на местах.

Польское посольство при Ватикане передавало памятные записки о положении польского населения, Костела и об истреблении евреев ватиканскому Государственному Секретариату, о чем наверняка знал главный церковный корреспондент Ватикана в Польше, архиепископ Сапега. Однако, как подчеркивает Д. Либёнка,

«...» известия о дипломатических шагах правительства и посольства как минимум не освобождали краковского архиепископа от обязанности бить тревогу перед папой о трагическом положении Костела и польского населения.

¹ И далее автор продолжает: «Эхо Холокоста не прозвучало и на Третьей конференции Епископата, созванной 1 июня 1943 г., то есть через десяток с небольшим дней после подавления восстания в Варшавском гетто» (*Libionka D. Polska hierarchia kościelna wobec eksterminacji Żydów — próba krytycznego ujęcia // Zagłada Żydów. 2009. N 5. S. 42–43*).

² *Ibid.* S. 44–45.

³ Добавим, что ответ папы на письмо Шептицкого, в котором говорится, помимо прочего, об убийствах тысяч евреев на глазах гражданского населения, не содержит ни единого упоминания этой темы (*Friedländer S. Czas eksterminacji. S. 533–534*).

В отношении же евреев у польских церковных кругов наверняка не было такой установки. Не было также попыток воспользоваться поддержкой польского подполья или частных лиц, как итальянцев, так и поляков, чтобы представить в Апостольскую Столицу какие-либо материалы по этому делу, хотя бы те, что относились к преследованиям новообращенных¹.

Единое молчание католического духовенства по поводу мученичества еврейского народа (разумеется, были священники и монахи, которые вели себя иначе) не проистекало попросту из забывчивости или личных недостатков клириков. Это была осознанная позиция, обдуманый выбор с опорой на четко сформулированное мировоззрение. Заслуживающий доверия в церковных делах источник, тиражируя пропагандированный Костелом еще с предвоенных времен тезис о вреде еврейских влияний, сумел даже признать

«...» особым проявлением Божьего Промысла, что немцы, помимо всяческого вреда, какой они причинили и продолжают причинять нашей стране, в одном этом отношении положили доброе начало, показав возможность освобождения польского общества от еврейского грабежа, и открыли нам дорогу, по которой — конечно, не так жестоко и не так грубо — нам надлежит идти. Промыслом Божиим сами оккупанты приложили руку к разрешению этого жгучего вопроса, ибо сам народ польский, мягкий и непоследовательный, никогда не решился бы на энергичные шаги в этом необходимом деле².

Цитированный фрагмент «Церковного отчета из Польши за июнь — середину июля 1941 г.» — «а это официальный документ Польского подпольного государства, составленный в соответствии со служебной практикой и переданный по каналу конспиративной связи в отделение Правительства Польской Республики в Лондоне» — был отредактирован в костельной среде летом 1941 г.³

¹ *Libionka D.* Polska hierarchia kościelna... S. 48–49.

² *Jasiewicz K.* Pierwsi po diable. S. 42–43.

³ Цитируем комментарий к этому тексту, написанный Кшиштофом Ясевичем в 2001 г.: «Взгляды на еврейский вопрос, выраженные в костельном документе, как раз примерно недели через две после преступления в Едвабне, даже если они не вполне репрезентативны, даже если были изложены в неведении о тех или иных преступлениях, требуют публичного и самого широкого обсуждения. А может быть, и чего-то гораздо большего. Особенно нельзя

Наверняка до автора еще не дошли вести, что «народ польский» там и сям сумел преодолеть свою «мягкость» в отношении еврейских соседей.

Изучая отношение костельной иерархии к истреблению евреев, Д. Либёнка подводит итог весьма сдержанно: «Польские епископы об истреблении трех миллионов польских евреев, которых они никогда не считали своими согражданами, мало что могли сказать»¹. Однако приходский священник из села Ясеница в послевоенном интервью о раскапывании праха в расположенной неподалеку Треблинке, заявил, «что это еврейские могилы, и золотые коронки и бижутерия не должны лежать в земле»².

Напомним, наконец, что костельные архивы, касающиеся периода оккупации, закрыты, причем не только в Польше, но и везде, в том числе и в Ватикане. И вероятно, следует полагать: не потому, что после публикации их содержимого оценка отношения Костела к евреям во время войны могла бы измениться к лучшему.

«HYPOCRITE LECTEUR, MON SEMBLABLE, MON FRÈRE»³

О «копателях», которых также называют «гиенами», «шакалами» и «выродками», все, кто упоминает об этом, пишут с безмерным презрением⁴. Вообще многие сцены той эпохи, о которых мы узнаём сегодня, кажутся скорее порождением большого воображения, каким-то мрачным вымыслом: маленькие пастушки, хватающие на лугу незнакомого паренька и спускающие ему штаны, чтобы убедиться, не еврей ли он, а потом спорящие, утопить ли его или

сомневаться, что автор (или авторы) документа хорошо представлял себе положение, царившее в гетто. А это уже в то время были реалии, ужасающие любого человека» (*Jasiewicz K. Pierwsi po diable*. S. 44). Полный текст документа приводится в приложении к книге К. Ясевича (*Ibid.* S. 1195–1203).

¹ *Libionka D. Polska hierarchia kościelna...* S. 69.

² *Rusiniak M. Treblinka — Eldorado Podlasia?* S. 207.

³ «Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник...»: *Бодлер Ш.* Из предисловия к «Цветам зла». Пер. Эллиса (Л. Л. Кобылинского).

⁴ См., напр., статью Наїба («Позор»): *Trybuna Mazowiecka*. 1957. 13.03. Приложение 1, цит. по: *Rusiniak-Karwat M. Sąsiedzi bylego ośrodka...*

отвести на жандармский пост¹. Деревня под Вадовице, жители которой решили отрубить топором головки во время сна двоим еврейским сиротам, укрывавшимся на селе, и успокоились лишь после того, как их опекунша Карольца Сапетова объехала дворы с детьми на возу, делая вид, что везет их топить в ближайшей речке². Публичное убийство схваченных евреев жителями келецкого села. Крестьяне из Едвабне и Радзилова, которые сожгли своих еврейских соседей. Молодые люди в Варшаве во время восстания в гетто весной 1943 г., перекрикивающиеся о том, чтобы в обеденный перерыв пойти поглядеть, как «жидки жарятся». Видный деятель при костеле, пишущий в официальном подпольном отчете, что явно по «Божьему Промыслу» руками немцев Польша избавляется от евреев. Невероятная фраза: «Гитлеру после войны надо памятник поставить за то, что избавил Польшу от евреев», — оказывается банальностью, повторявшейся по всей бывшей Речи Посполитой вдоль и поперек, людьми из всех общественных слоев. Антося Выжиковская (глубоко верующая крестьянка из-под Едвабне, которая три года укрывала на своем дворе семерых евреев) разъясняла журналистке Анне Биконт, что священнику в Польше она бы в этом никогда не призналась и что ее дочь правильно поступила, выбросив в мусор медаль «Праведника Мира», которой Антосю наградили в Израиле — ведь ее и так некому было показать³. Добрые люди, прятавшие евреев, которые даже после войны всё время боятся, как бы об этом кто-нибудь случайно не узнал. Или крестьяне из деревни Седлиско, покупающие косы в волостном магазине, чтобы поучаствовать в охоте на евреев. Всё это звучит как абсурд, как злой сон, но ведь мы знаем, что это правда и что большая часть этих мрачных событий никогда со времен крематориев не предавалась публичной огласке!

И внезапно мы начинаем понимать, что шокирующие сообщения и события — каждое по отдельности, на первый взгляд, паразитическое и даже неправдоподобное — соответствуют друг другу

¹ Ten jest z Ojczyzny mojej. Polacy z pomocą Żydom, 1939–1945 / Oprac. W. Bartoszewski, Z. Lewinówna. Kraków: Znak, 1969. S. 758–759.

² Еврейский исторический институт. 301/579. Свидетельство Карольци Сапетовой.

³ *Bikont A.* My z Jedwabnego. S. 256.

и складываются в связную картину. И именно их соответствие друг другу, взаимная дополнительность сообщаемых наблюдений и событий, о которых мы по свежему впечатлению судили как о патологии, заставляет нас признать их проявлениями общественной практики, конкретными формами правил поведения в том, что касается евреев. И мы начинаем понимать, что еврейская собственность становилась день ото дня всё более легко доступным объектом обладания, и только «растяпа»¹ не пользовался подвернувшимся случаем. Что после убийства еврея или после выдачи его немцам на смерть (что в итоге значило одно и то же) убийца и дальше оставался принятым, а нередко и уважаемым членом общины. Что самым распространенным поведением в польском обществе — разумеется, если помнить, что большинство людей было сосредоточено лишь на том, что их напрямую касалось, а к судьбе евреев было безразлично, — была травля и выдача укрывающихся евреев (а также и поляков, которые давали им убежище), но отнюдь не оказание им помощи.

Скажем о том же иначе: случайно встретившийся поляк-католик во времена оккупации мог пройти мимо, не обращая на еврея внимания; мог в какой-либо форме дать понять, что готов помочь; или, напротив, проявить в отношении еврея какую-либо форму агрессии. Воспоминания выживших евреев подтверждают, что диапазон поведения в таких ситуациях чаще колебался между равнодушием и агрессией, чем между равнодушием и готовностью помочь. Свидетельства тех, которые не оставили воспоминаний, потому что не выжили (и в связи с этим мы не знаем, что они могли бы сказать), наверняка не изменили бы этого впечатления.

У нас нет количественных данных, чтобы выяснить, какой процент жителей давал убежище и помогал евреям, какой стоял в стороне, не марая рук в деле Холокоста, а какой участвовал в грабеже

¹ См., напр., сообщение инженера-мостостроителя, привлеченного к работе неподалеку от Трешлипки: «Люди выражали удивление, что я, в качестве начальника стройки распоряжаясь большими деньгами, не начинал торговлю, чтобы обогатиться. Наверняка многие считали меня растяпой, но я до сих пор горжусь, что вышел из окрестностей трешлинского ада с чистыми руками и с совестью, не запятнанной насилием над людьми, с тем же мизерным личным имуществом, с каким туда пришел» (*Królikowski J. Wspomnienie z okolic Treblinki. S. 29*).

и убийстве евреев. Однако в качестве эпистемологически солидного исходного пункта понимания случившегося, архимедовой точки опоры в понимании эпохи, отсутствие точных подсчетов компенсируется открытием, что отдельные эпизоды и конкретные случаи (каждый из которых по отдельности кажется исключительным эксцессом, а то и невозможным) складываются в общую картину, давая соразмерный образ и образуя связную целостность.

Марии нужно было откуда-нибудь позвонить, и мы вошли в небольшую кондитерскую — она полагала, что там есть телефон. Оказалось, однако, что телефона нет. Тогда она решила, что оставит меня тут на несколько минут одного, купила мне какое-то пирожное, выбрала самый неприметный столик в каком-то темном углу, и сказала, что, как только кончит дело, сразу вернется. То же самое она сказала принимавшей нас женщине — это наверняка была хозяйка. В маленьком помещении стояло не больше пяти столиков, людей было немного, так что я мог слышать всё, что они говорили. Сначала мне казалось, что царит спокойствие, я сидел тихо, как мышь, ждал, как мне было сказано, — и, к счастью, ничего не происходит, я ем свое пирожное, а о чем там судачат женщины (мужчин не было), меня не касается. Но через минуту я не мог не заметить, что дела складываются иначе: трудно было сомневаться, что я оказался в центре внимания. Женщины — может быть, прислуга, а может, посетительницы — обступили хозяйку и что-то ей шептали. При этом они упорно присматривались ко мне. Я был уже достаточно опытным укрывающимся еврейским ребенком, чтобы сразу понять, что это значит и к чему может привести. Уровень моего страха резко возрос.

<...> До меня долетали обрывки разговора, настолько выразительные, что нельзя было сомневаться: это обо мне. Как всегда в таких ситуациях, мне хотелось провалиться под землю. Слышал: «Еврейчик, наверняка еврейчик...»; «Она-то нет, а вот он — еврейчик...»; «Подкинула нам его...» Женщины обсуждали, что со мной делать, <...>, мое положение с минуты на минуту становилось всё хуже. <...>

Утомленные спором и заинтересовавшиеся женщины приблизились, подошли к столику, за которым я сидел. Сначала одна из них спросила, как меня зовут. У меня были фальшивые документы, я заучил мои новые данные — и вежливо ответил. <...> Однако я слышал не только вопросы, которые задавали мне, слышал также комментарии и обмен мнениями, которые дамы произносили в сторонке — как будто тише, только между собой, но так, что до моих ушей это не могло не дойти. Чаще всего повторялось

грозное слово «еврейчик», но иногда звучала и самая страшная фраза: «Надо сообщить в полицию». Я понимал, что подать любой знак было равносильно смертному приговору¹.

Катастрофа европейского еврейства состояла, кроме всего прочего, в том, что геноцид, постепенно ставший сущностью нацистской оккупационной политики, получил поддержку, проявляемую разными способами, со стороны населения завоеванных стран:

<...> ни одна социальная группа, ни одно признанное сообщество, ни один академический институт или профессиональное объединение, как в Германии, так и во всей Европе, не заявил о своей поддержке евреев (некоторые христианские церкви вспоминали о новообращенных евреях, заявляя об их принадлежности к общине верующих — это всё). Можно было наблюдать прямо противоположное: движимые алчностью, представители разных социальных групп, в том числе и органов власти, были втянуты в процесс вытеснения евреев, полное уничтожение которых было им на руку. Ни одна из влиятельных групп, способных уравновесить потенциал нацизма и связанных с ним антисемитских политических стратегий, не сделала ничего, что могло бы не допустить им развиться до крайних пределов [выделено автором. — Я. Г.]².

Потому-то разграбление еврейской собственности во время Второй мировой войны стало общим опытом всей Европы. От Днепра и до Ла-Манша, Салоник или Корфу ни один общественный класс не устоял перед искушением. И если спросить, что общего между швейцарским банкиром и польским крестьянином, — кроме того, что оба они люди и имеют бессмертную душу, — ответ, лишь слегка стилизованный, будет звучать: золотой зуб, вырванный из черепа убитого еврея. Ведь пани из кафе в оккупированной Варшаве, в котором маленький Гловиньский как-то раз пытался съесть

¹ *Głowiński M.* Czarne sezony. Warszawa: Open, 1998. S. 93–95.

² *Friedländer S.* Czas eksterminacji. S. 23. Другой американский историк, Марк Мазовер, сходным образом характеризует европейскую реакцию на нацистскую оккупационную политику: «В течение большей части войны <...> европейцы не возражали и послушно исполняли то, чего [немцы] от них ожидали. После 1945 года об этом выгоднее было забыть» (*Mazower M.* Hitler's Empire. How the Nazis Ruled Europe. New York: The Penguin Press, 2008. P. 6 ff.).

пирожное, — «нормальные, обычные, на свой лад храбрые и порядочные женщины, наверняка трудолюбивые, <...> набожные, обладающие гармоничным набором добродетелей»¹, — это наши тети и бабушки, *nos semblables* (нам подобные), которые поступали в соответствии с принятыми в то время нормами поведения.

Среди фактов и рассказов, приведенных в этой книге, мы упоминали разные места и разных людей, которые были жертвами или участниками подобных же страшных событий. Хотя вести о них прошли цензуру или самоцензуру, человек наталкивается на них без конца. Николас Верт приводит слова женщины, соседи которой ходили вырывать золотые зубы у трупов заключенных, брошенных и заморенных голодом на одном из островков советского ГУЛАГа в 1932–1933 гг.² Юзеф Мацкевич рассказывает, как в 1945 г. британские офицеры заманили казачьих офицеров, силой загнали их в грузовики и затем выдали на смерть Советам, и при этом ограбили их, предлагая по папиросе в обмен на часы³.

Такое перечисление жестокостей не ведет ни в коей мере к обобщению, что в благоприятных обстоятельствах так мог бы поступить каждый. Но склоняет к смирению. «Моральная проблема, связанная с Холокостом, — писал Иегуда Бауэр, — состоит не в том, что его исполнители были нелюди, но в том, что это были люди, такие же, как и мы»⁴. Потому-то фотография крестьян из Треблинки — тоже явно «нормальных, трудолюбивых, набожных и обладающих гармоничным набором добродетелей» — вызывает у нас не только отвращение, но и ужас: ведь мы не можем быть полностью уверены, что в конечном счете пред нами не снимок из нашего же семейного альбома.

¹ *Głowiński M.* Czarne sezony. S. 95.

² *Werth N.* Cannibal Island. Death in a Siberian Gulag / Trad. S. Rendall. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. XV–XVI. Пер. с французского. Польское издание: *Wyspa kanibali. 1933 deportacja i śmierć na Syberii* — вышло в издательстве *Znak Literanova* весной 2011 г.

³ *Mackiewicz J.* Zbrodnia w dolinie rzeki Drawy // *Mackiewicz J.* Fakty, przyroda, ludzie. Londyn: Kontra, 1984. S. 275.

⁴ Цит. по: *Snyder T.* What We Need to Know about the Holocaust // *The New York Review of Books.* 2010. 30.09. P. 80.

ЗАКЛУЧЕНИЕ. ИСТОРИЯ КОЛЕЧКА С РУБИНОМ ИЗ ЛАГЕРЯ КОЗЕЛЬСКО-БЕЛЖЕЦ

Зовут меня <...>, родился я в 1946 году в Белжеце. Мои дедушка и бабушка <...> во время войны и после нее жили в Белжеце — их дом находился возле железнодорожного пути (Люблин—Белжец). Как и вся семья, они многое видели и «догадывались». Ничем не отличались от французов, швейцарцев и др.: помогая, обогащались. В 1948 г. я с родными уехал в Щецин, где живу до сих пор как зажиточный гражданин.

Было традицией, что каждый год я приезжал на каникулы к бабушке. <...> Много раз я был в Козельско и его окрестностях. Помню, что еще ребенком я собирал там разные бусы, которые, наверное, дождем вымывало из этой, так называемой, «земли». Никогда не забуду шума — песни этих молодых сосновых рощ. Это правда, что я, мальчишка, не очень-то и знал, что было раньше на этом месте. Вокруг валялись кости, человеческие черепа, и я думал, что это наверняка какое-то кладбище.

О том, что это была фабрика смерти, я узнал уже много лет спустя. Ходя между теми сосенками, я чувствовал угрозу. Помню, что я сразу обернулся назад. Так человек прячется ночью, а тогда ведь было утро, и я шел в лес за два километра от путей — за черникой и земляникой. Никогда не забуду этого печального шума рощи. Это была словно бы подземная песня, страх, ужас, тоска, эти деревья как будто хотели что-то сказать...

Я боялся и боялся — так было всегда.

Все знали, что Белжец — это «золотая жила», из которой большинство жителей добывало разные ценные вещи, часто очень дорогие, о подлинной стоимости которых они не имели понятия.

Вот так на свое 18-летие мне достался в подарок от моей бабушки <...> тот самый перстенок — «герой» этой истории.

Перстенок был женский и поэтому лежал себе в коробочке аж до 2005 года.

То было лето, я с партнерами по бизнесу возвращался из Берлина. На быстროходной машине мы доехали до Щецина. На полпути, управляя машиной, я по невнимательности чуть было не попал в аварию на скорости 200 км в час. В долю секунды — это явно была судьба — я сумел вырулить и избежал столкновения с двумя другими автомобилями. А то бы там и кончилась моя жизнь — но я выжил.

А в ночь сразу после этого случая снится мне, как наяву, молодая девушка-еврейка, приказывающая мне очень ясным голосом:

«Янишек (она так и говорила — Янишек), у тебя мой перстенок. Возьми его, отвези в Белжец и положи его там, отдай его, он мой».

Сон этот был очень легкий, так, словно со мной говорил ангел. Сны обычно забывается, но этот остался в моей памяти навсегда.

5 мая 2006 года я приехал из Щецина в Белжец — исполнить просьбу молодой еврейской девушки из моего сна, у которой так жестоко отняли жизнь.

Почему она выбрала меня? Мне стало легче.

Я прочитал много книг Зингера, Холокостом интересуюсь что ни день, многое знаю — может быть, потому, что я родился в Белжеце, а этот еврейский народ в Белжеце пытались уничтожить. Не буду скрывать, что сочувствую Израилю в его столкновениях с Палестиной.

Белжец, 5 мая 2006 г.

Перстенок вместе с этой запиской находится в Государственном музее Майданека.

ЧЕТЫРЕ ВЗГЛЯДА НА «ЗОЛОТУЮ ЖАТВУ»¹

Марк Вейцман

«ЗОЛОТАЯ ЖАТВА»: УРОКИ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗ ФОТОГРАФИИ

Немногие писатели и тем более исследователи могут похвалиться тем, что их произведения не просто вызвали немедленную реакцию на национальном уровне, но привели к преобразованию национального исторического дискурса и взгляда нации на себя. основополагающая книга Яна Томаша Гросса «Соседи. История уничтожения еврейского местечка»² произвела подобный эффект. Два президента Польши признали участие поляков в уничтожении евреев в местечке Едвабне. Тем не менее книга Гросса не только о событиях в Едвабне, но, как подчеркнул польский президент Бронислав Коморовский в своем выступлении в 2015 г., это книга о трагическом национальном опыте, согласно которому «нация жертв была также нацией палачей».

В центре внимания книги «Соседи» находится массовое истребление евреев теми, кто много лет жил с ними в соседнем доме, учился в одной школе, вместе работал и ходил за покупками. В ней ставится вопрос: *как близкие соседи могли стать палачами?* «Золотая жатва» подходит к той же теме в иной перспективе. В этой небольшой,

Марк Вейцман, директор по связям с правительством Центра им. Симона Визенталя в Нью-Йорке, руководитель комиссии по вопросам антисемитизма и отрицания Холокоста Международного альянса по сохранению памяти о Холокосте (International Holocaust Remembrance Alliance, IHRA).

¹ Примечание польского издателя: Мы передаем вам окончательную версию текста книги Яна Томаша Гросса и Ирены Грудзиньской-Гросс и просим рассматривать ее как тему для дальнейшей дискуссии.

² Gross J. T. *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princetone, 2001.

но очень ценной работе Ян Томаш Гросс вместе со своей женой Иреной Грудзиньской-Гросс рассматривают не только судьбы жертв, но также исследуют, что произошло с имуществом убитых евреев. Исследование было вдохновлено фотографией «копателей» — польских крестьян в Треблинке, которые искали в пепле еврейских жертв золото и другие ценности, возможно, сохранившиеся в горе останков.

На первый взгляд можно подумать, что на снимке представлен деревенский пейзаж: крестьяне собрались под конец дня, довольные выполненными полевыми работами. Мужчины и женщины позируют вместе (очевидно, что в их рядах отсутствует гендерная дискриминация), не улыбаются, и более того — их поза официальна, они демонстрируют плоды собранного урожая, который выложили перед собой.

Однако если всмотреться, то можно разглядеть ужасающую реальность. Предметы перед ними — это черепа и кости жертв, гора на заднем плане — это не собранная пшеница, а обугленные останки некоторых из 800 тыс. евреев, которые были умерщвлены в Треблинке между июлем 1942 и октябрём 1943 г. Эта фотография передает не жизнеутверждающую сцену сбора урожая, а повествует о посмертном ограблении тех, у кого отобрали жизнь, потому что они были евреями.

Для текста Гросса эта фотография — не только первичный импульс, он постоянно обращается к ней; этот снимок — смысловое ядро повествования. «Золотая жатва» выделяется из общего ряда литературы о Холокосте, несмотря на то что существуют и другие основанные на фотографиях исследования этой темы, которые получили широкую известность. Например, 53 фотографии из «Отчета Штропа» о подавлении восстания в Варшавском гетто в 1943 г.¹ Этот отчет был восстановлен после войны и использовался в качестве доказательства во время Нюрнбергского процесса. Другой пример — «Альбом из Аушвица», включающий 193 фотографии большой группы венгерских евреев, доставленных в этот лагерь смерти

¹ *Stroop J.* The Stroop Report: "The Jewish Quarter of Warsaw is No More!" New York, 1979.

в 1944 г.¹ На них запечатлено, что произошло с узниками с момента их прибытия в Аушвиц и до того, как они были посланы в газовые камеры. Книги, основанные на одной фотографии, — редкость. Две работы имеют дело с одной культовой фотографией, на которой изображен испуганный мальчик с поднятыми руками, который стоит впереди группы евреев из Варшавского гетто, окруженных германскими нацистами. Датский исследователь Ричард Раскин² и израильский педагог Дан Порат³ использовали эту фотографию в качестве отправной точки своих исследований. Они рассматривают обстоятельства создания этого снимка, восстанавливают истории людей, запечатленных на нем (к сожалению, личность главного героя — маленького мальчика, так и не была точно установлена), и послевоенную историю самой фотографии.

Книга Гросса отличается от вышеупомянутых. Те, кто изображены на фотографии, остаются анонимными, но народ, представителями которого они являются, становится объектом обвинения. Не только Польша, но и другие страны со своим населением нажились на ограблении евреев во время Холокоста и могут быть названы соучастниками преступления на основании доказательств, собранных под влиянием этой фотографии.

Есть поговорка: «Фотография стоит тысячи слов». Как отметила Барби Зелизер в своей работе о Холокосте и фотографии: «Вспомнить, чтобы забыть: память о Холокосте сквозь объектив фотоаппарата», важность фотографий, на которых запечатлены злодеяния, была признана сразу же после окончания Второй мировой войны. Зелизер приводит цитату из журнала «Редактор и издатель»: «Люди Европы, на которых долгое время изливались потоки пропаганды, больше не верят в печатное слово. Только документальные фотографии смогут на них повлиять»⁴. Фотография фиксирует реальность

¹ *Meier L., Hellman P.* The Auschwitz album: a book based upon an album discovered by a concentration camp survivor, Lili Meier. New York, 1981.

² *Raskin R.* A Child at Gunpoint: A Case Study in the Life of a Photo. Aarhus, 2004.

³ *Porat D.* The Boy: A Holocaust Story. New York, 2010.

⁴ *Zelizer B.* Remembering to forget: Holocaust memory through the camera's eye. Chicago, 1998. P. 86.

момента, который на ней изображен; ее нельзя игнорировать, она требует внимания и объяснения. Люди верят в реальность того, что они предпочли бы считать невероятным, только после того, когда увидят это собственными глазами. Фотография подтверждает невероятное, то, во что отказываются верить. Как отметила Сюзан Зонтаг: «Только будучи сфотографированным, что-то может стать реальностью для тех, кто где-то в другом месте воспринимает это как “новость”»¹.

Для Гросса фотография стала исходной точкой для исследования грабежа еврейского имущества. Она послужила спусковым механизмом, способным бросить вызов многим «удобным» объяснениям. В данном контексте появляются вопросы: а не был ли в данном случае задействован ряд антисемитских стереотипов, которые проникли в польскую культуру? Евреи, которых подозревали в наличии скрываемых сокровищ, имели ли они их в реальности при себе в газовых камерах? Что за люди приходили рыться в горах человеческого пепла? Был ли грабеж делом рук исключительно нацистов или в этом также были замешаны финансовые и культурные учреждения, в частности музеи? Были ли простые граждане, подобные крестьянам, запечатленным на этой фотографии, также вовлечены в этот процесс?

Книга Гросса — это обвинительный акт, судебное доказательство, основанное на свидетельствах, проиллюстрированных в частности этой фотографией. Это более чем актуально для сегодняшней Польши, где правительство проводит кампанию по пересмотру фактов и перестановке акцентов истории Холокоста. Кампания принимает различные формы, но один аспект ее деятельности особенно тревожен. Тревогу вызывают предложенные² поправки к статьям 55а и 55б принятого 18 декабря 1998 г. «Закона об Институте национальной памяти — Комиссии по расследованию преступлений против польского народа». Одна из задач этого института состоит в том, чтобы выражать и поддерживать официальный польский взгляд на «преступления нацистов».

¹ Sontag S. Regarding the Pain of Others. New York, 2003. P. 21.

² На момент подписания книги в печати эти поправки еще не были приняты. — *Прим. перев.*

Согласно этим поправкам:

Статья 55а. 1. Лицо, которое публично заявляет, вопреки историческим фактам, об ответственности или частичной ответственности польской нации или польского государства за нацистские преступления, совершённые Германским Третьим Рейхом, согласно статье 6 Устава Международного военного трибунала — приложение к Соглашению о судебном преследовании и наказании главных военных преступников, заключенного союзниками в Лондоне 8 августа 1945 г. (Журнал законов 1947 г., статья 367), или за любые другие преступления против мира, преступления против человечества, или военные преступления, а также наоборот, грубо преуменьшает ответственность настоящих преступников, наказывается штрафом или лишением свободы до трех лет. Это постановление должно быть доведено до сведения общественности.

2. Если лицо, совершившее преступное действие, сформулированное в 1-м разделе, действует необдуманно, то оно наказывается взысканием штрафа или лишением свободы.

3. Лицо, совершившее противозаконное действие, определенное в разделах 1 и 2 выше, не считается совершившим преступление, если это действие было совершено в рамках его или ее художественной или научной деятельности.

Статья 55б. Несмотря на правовые рамки, применяемые в юрисдикции, где противозаконное действие было совершено, этот закон должен относиться к польским и иностранным гражданам в случае совершения любого из преступлений, упомянутых в статьях 55 и 55а¹.

Соответственно, если эта предложенная поправка станет законом, кто угодно, уличенный в «нанесении ущерба» репутации Польши в вопросе Холокоста, может быть осужден на три года тюремного заключения. Когда Гросс писал в «Золотой жатве» о том, что «понемногу мы начинаем понимать, откуда взялось часто встречающееся в еврейских воспоминаниях о том времени мнение, что “местные” (это могли быть украинцы, литовцы или поляки) “были хуже немцев”, хотя хорошо известно — и евреи знают это лучше других, — что Холокост был делом рук нацистов, охватившим Европу во время войны в результате германской оккупации. <...> И многое также

¹ [http://orka.sejm.gov.pl/druki8ka.nsf/projekty/8-020-307-2016/\\$file/8-020-307-2016.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/druki8ka.nsf/projekty/8-020-307-2016/$file/8-020-307-2016.pdf).

указывает на то, что — безо всякого переносного смысла — смерть от рук соседей должна была быть попросту очень болезненной»¹, он просто повторял свидетельства тех, кто прочувствовал на себе боль страшного предательства в личных отношениях, а также тех, кто мог бы сегодня подвергнуться уголовным преследованиям за точную передачу своих эмоций и опыта. Действительно, Ян Томаш Гросс стал первой мишенью этой «охоты на ведьм». После интервью Гросса немецкой газете, которая его процитировала таким образом: «Поляки, которые заслуженно гордятся своим антинацистским Сопротивлением, на самом деле убили больше евреев, чем немцы во время войны», его пять часов допрашивали польские прокуроры, ему угрожают уголовным делом, расследование которого до сих пор продолжается².

Я сам неоднократно слышал подобные заявления от выживших в Холокосте, когда я брал у них интервью для Симона Визенталя или для других расследователей дел нацистских военных преступников. Как отметил американский писатель Гленн Курц, стало уже «штампом слышать от выживших, что поляки были хуже немцев»³. Это утверждение, как и многие штампы, имеет под собой массу фактов. Оно отражает опыт многих евреев, которые обнаружили, что их соседи, друзья, коллеги по работе и просто знакомые часто оказывались откровенными предателями и палачами. Ведь нередко поблизости от места преступления даже не было ни одного немца.

Достоинство «Золотой жатвы» состоит в том, что это не сухая подборка описаний способов и результатов конфискации еврейского имущества. Фотография, вдохновившая Гросса на написание

¹ См. с. 64–65.

² Holocaust scholar who said Poles killed Jews grilled by police // The Times of Israel. 2016. April 14. URL: <http://www.timesofisrael.com/holocaust-scholar-who-said-poles-killed-jews-grilled-by-police>.

³ Kurtz G. Three Minutes in Poland: Discovering a Lost World in a 1938 Family Film. New York, 2014. P. 190. См. также: Hayes P. Why? Explaining the Holocaust. New York, 2017; Lipstadt D. An enduring myth: "The Poles were worse than the Nazis" (2007) // <http://lipstadt.blogspot.com/2007/10/enduring-myth-ipoles-were-worse-than.html>.

книги, используется, чтобы напомнить нам не об организациях, а об отдельных личностях, которые участвовали в этом чудовищном преступлении. «Сила фотографий» заключается в том, что «они наиболее непосредственно напоминают нам о человеческом поведении во время того, что мы так или иначе знаем как явление, выраженное в цифрах. Фотографы напрямую показывают людям — иногда жертв, иногда палачей». Люди на рассматриваемой фотографии могли и не быть непосредственными участниками институализированного массового убийства — Холокоста. Авторы отмечают: «...в свидетельствах уцелевших евреев и в послевоенной архивной документации (еще недавно известной лишь узкой группе специалистов) обнаруживаются тысячи и тысячи жертв, погибших “на периферии Холокоста”, выданных немцам или убитых местным населением»¹.

Важно помнить, что грабеж был частью масштабного процесса хладнокровного убийства. Это был этап, ставший неотъемлемой частью «окончательного решения еврейского вопроса», для реализации которого несложно было найти партнеров. Авторы сосредотачивают свое внимание на Треблинке и поляках, но они не ограничиваются только Польшей. Упоминаются также Греция и Франция, поскольку «европейский континент был ареной грабежа еврейской собственности от Атлантики по самый восточный предел победного наступления вермахта»². Другими словами — ни одна страна не была безгрешна; ни одно общество не осталось с чистыми руками. И правда такова, что на несчастьях евреев наживались и нейтральные страны, такие как Швейцария, а также враги Третьего Рейха, такие как США. Чтобы этот факт был признан, должно было пройти много лет после окончания войны. За последние двадцать лет эта тема не раз поднималась на международных конференциях, таких как Лондонская конференция по вопросам нацистского золота в 1997 г. (London Nazi Gold Conference), конференция по вопросам имущества периода Холокоста в Вашингтоне в 1998 г. (1998 Washington Conference on Holocaust Era Assets) и не так давно —

¹ См. с. 9.

² См. с. 78.

конференция в Терезине в 2009 г. Заключительную декларацию последней конференции подписали 46 стран; однако лишь немногие осуществили на практике принятые там предложения.

Польский случай — не единственный. Но он наглядно показывает «разъедающую коррупцию», возникающую из комбинации традиционного христианского антисемитизма, рассматривающего еврея как эксплуататора родного общества, и «местных» элементов этнического сознания в оккупированной нацистами Европе. Этот главный продукт антисемитской идеологии означал, как отмечают наши авторы, что «антисемитская пропаганда издавна использовала штамп “еврейского экономического засилья” <...> чтобы освободиться от еврейской “неволи”»¹. Таким образом, экономическое «устранение» шло рука об руку с физическим.

Но точно так же, как грабеж евреев в военное время происходил не только в Польше, так и попытки переписать историю Холокоста, чтобы создать новый национальный миф, не ограничиваются Польшей. В Венгрии последние несколько лет наблюдаются отчаянные усилия правительства по реабилитации антисемитов и нацистских коллаборационистов периода Второй мировой войны. Происходит включение антисемитских авторов в школьную программу, устанавливаются памятники политикам, которые были известными антисемитами. Один из них — Балинт Хоман, ввел венгерскую версию печально известных нюрнбергских законов, которые лишали евреев гражданских прав и открывали дорогу ограблениям и возможным депортациям. Другой пример — это решение назначить руководителем создаваемого музея Холокоста Марию Шмидт, в произведениях которой наличествуют антисемитские темы и которая отказалась выложить в публичный доступ разработанный ею план развития музея.

Это привело к тому, что Федерация венгерских еврейских организаций (Mazsihisz) была вынуждена бойкотировать все поддерживаемые правительством мероприятия, посвященные 70-летию депортаций венгерских евреев в 1944 г. В итоге международный протест привел к тому, что правительство пересмотрело свою позицию

¹ См. с. 19.

и объявило о том, что директор музея будет отстранен от должности и проект будет завершен в сотрудничестве с еврейским сообществом Венгрии и международными экспертами.

В Хорватии также произошло несколько инцидентов, которые привели к тому, что еврейская община была вынуждена бойкотировать официальные мероприятия, посвященные памяти жертв Холокоста. Такое решение было принято после того, как (уже бывший) министр культуры Златко Хасанбегович был обвинен в апологии ярых нацистских коллаборационистов из движения усташей, президент Колинда Грабар-Китарович была сфотографирована с флагом усташей в руках, а позднее в концентрационном лагере в городе Ясеновац — на фоне мемориальной доски, содержащей усташистский лозунг.

Эти официально санкционированные тенденции представляют собой новый элемент в попытке снять с себя ответственность за соучастие в Холокосте. Надо признать, что до прямого отрицания Холокоста дело не доходит. Сегодня быть известным в качестве «явного» отрицателя означает утратить общественное уважение. Об этом свидетельствует пример британского историка Дэвида Ирвинга, отрицателя Холокоста и антисемита. В 2000 г. он начал судебный процесс против американского профессора, историка Деборы Липшадт и издателя ее книги «Отрицание Холокоста: Нарастающие атаки на правду и память»¹. Ирвинг обвинил их в клевете и проиграл процесс. После оглашения вердикта он из автора, чьи работы цитировались известными историками, превратился в маргинала. Сегодня его деятельность сводится к «торговле» экскурсиями для участников неонацистских сходок и им сочувствующих.

Прямое отрицание Холокоста сегодня встречается, пожалуй, только в официальной риторике иранского правительства. В большинстве случаев речь идет о попытках уклониться от ответственности путем искажения истории Холокоста. Такие попытки появились сразу после окончания Второй мировой войны, например

¹ *Lipstadt D. Denying the Holocaust: The Growing Assault on Truth and Memory. New York, 1993.*

в официальной политике многих коммунистических стран. Несмотря на то что число жертв нацистов иногда даже преувеличивалось, еврейская идентичность значительной части этих жертв замалчивалась. Были приняты политически-мотивированные «универсальные» обозначения жертв. Например, в постановлении Совета народных комиссаров УССР от 13 марта 1945 говорилось об установке в Бабьем Яру «памятника 140 тысячам жителей города Киева, зверски замученным там фашистскими варварами»¹. Это в 1961 г. вдохновило Евгения Евтушенко на создание известной поэмы «Бабий Яр» с призывом восстановить историческую справедливость в отношении уничтоженных там евреев.

И в наши дни в России и на Украине существуют тенденции создать политически приемлемую историю. На Украине в 2015 г. принят закон «О правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX веке»², посредством которого власти пытаются указать ученым, каким образом следует писать историю Украины. В первую очередь это относится к периоду, когда Степан Бандера руководил Организацией украинских националистов (ОУН) и на западе Украины действовала Украинская повстанческая армия (УПА). В России в 2014 г. был принят закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (по вопросу установления уголовной ответственности за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны)»³, который запрещает публикацию лживых данных о роли Советского Союза во время Второй мировой войны. На основании этого закона блогер

¹ URL: http://www.archives.gov.ua/Sections/Babyn_Yar/CDAVO/index.php?62.

² См. заявление Музея Холокоста в США (май 2015): URL: <https://www.ushmm.org/information/press/press-releases/statement-on-ukrainian-legislation-on-historical-research-and-debate>.

³ *Kilgore E.* Russian Supreme Court Upholds Prosecution for Truth about Hitler-Stalin Pact // *New York Magazine*. September 2, 2016. URL: <http://nymag.com/daily/intelligencer/2016/09/truth-about-1939-now-prohibited-in-putins-russia.html>.

Владимир Лузгин в 2016 г. был признан виновным за то, что сделал перепост текста, содержащего неопровержимый исторический факт: «Нацистская Германия и Советский Союз вместе оккупировали Польшу в 1939 г., начав таким образом Вторую мировую войну»¹.

Увеличение числа попыток исказить реальность Холокоста ради усиления национальных мифов стало поводом для того, чтобы 10 октября 2013 г. на пленарном заседании в Торонто представители 31 страны — члена Международного альянса по сохранению памяти о Холокосте приняли «Рабочее определение отрицания и искажений Холокоста»².

¹ *Coynash H.* Russia's Supreme Court rules that the USSR did not invade Poland in 1939 // Human Rights in Ukraine. 2016. 02.09. URL: <http://khp.org/en/index.php?id=1472775460>.

² «Отрицание Холокоста в его различных формах является проявлением антисемитизма. Попытки отрицания геноцида еврейского народа считаются усилиями по обелению национал-социализма и антисемитизма от их вины и ответственности за геноцид еврейского народа. Формами отрицания Холокоста также являются обвинения евреев либо в преувеличении значимости Шoa, либо в создании мифа о Холокосте с целью получения политических или финансовых преференций, подразумевающие, будто бы Холокост был результатом еврейского заговора. Таким образом, ставится цель сделать евреев виновными, а антисемитизм — вновь легитимным. Целью отрицания Холокоста зачастую является реабилитация ярого антисемитизма и поощрение политических идеологий и условий, способствующих проявлению отрицания в различных формах. К искажению Холокоста, в частности, относятся: 1) международные усилия по оправданию или минимизации эффекта Холокоста или его основных элементов, включая пособников и союзников нацистской Германии; 2) общая минимизация числа жертв Холокоста в противоречии с имеющимися фактами; 3) попытки обвинять евреев за то, что они сами спровоцировали геноцид против них; 4) заявления, трактующие Холокост как положительное историческое явление. Такие заявления сами по себе не являются отрицанием Холокоста, но они тесно связаны с ним как радикальная форма антисемитизма. Такие заявления могут выражать мнение, что Холокост не был доведён до конца для «окончательного решения еврейского вопроса»; 5) попытки размыть ответственность за создание концлагерей и лагерей смерти, спланированных и использованных нацистской Германией, перекладывая вину на другие народы и этнические группы» (<http://www.holocaustremembrance.com/sv/node/1070>). — *Прим. перев.*

Как главный автор этого определения, могу отметить, что у меня не было сомнений относительно включения в него части об искажении фактов Холокоста. Без этого любое определение было бы ограничено и не охватывало бы сегодняшних проблем. Представители некоторых стран предлагали не включать аспект искажения фактов Холокоста. Наша группа экспертов и дипломатов отказалась принять неполную версию именно потому, что это позволило бы продолжать политизировать Холокост. Процесс переговоров длился пять лет. В итоге была принята наша исходная версия. Приняв «полное» определение, международное сообщество получило ориентир того, что является искажением фактов Холокоста. Это определение может быть использовано, чтобы бросить вызов тем, кто вводит в заблуждение людей, искажая действительность.

«Золотая жатва» — это в конечном счете книга, которая бьет тревогу. Она противоречит удобным мифам, созданным в Польше и в других странах, мифам, которые стирают причастность и всякую ответственность граждан этих стран к уничтожению евреев и грабежу их имущества. В библии пророк Илия бросает вызов царю Ахаву и его жене царице Иезавель после того, как они убили человека по имени Навуфей, чтобы присоединить его виноградник к своему саду. Пророк Илия передал Ахаву слово Бога: «Ты убил, и еще вступаешь в наследство?» (3 Цар. 21: 19). Эта проблема сейчас актуальнее, чем когда-либо. Сегодня трудно найти пророков, которые бы осмелились говорить правду власти, но есть историки, такие как Ян Томаш Гросс и Ирена Грудзиньская-Гросс, которые обращаются к истории, чтобы заставить нас превозмочь наши привычные убеждения и взглянуть на разрушительную силу унаследованных традиций и искаженных национальных мифов. Мы в долгу перед этими отважными историками, и мы значительно улучшили бы наш мир, если бы последовали их примеру.

Перевод с английского Натальи Синяевой-Панковской

Ян Гросс и память о Холокосте¹

Ян Томаш Гросс родился в 1947 г. в разоренной войной Польше в семье еврея и польки-шляхтянки. В 1969 г., двадцатилетним юношей, он эмигрировал, успев накануне отъезда поучаствовать в студенческом движении и отсидеть пять месяцев в тюрьме. В Америке Гросс сделал успешную академическую карьеру, защитил диссертацию в Йельском университете, с 2003 г. он профессор Принстонского университета. В Польше уважаемого американского историка польского происхождения в 1996 г. наградили Орденом за заслуги перед Польской Республикой.

Российскому читателю Ян Томаш Гросс знаком с 2002 г., когда, уже через год после первой публикации на английском, вышел русский перевод его книги «Соседи». Книга о том, как польские жители местечка Едвабне убили несколько сот своих соседей-евреев, сделала Гросса широко известным во всем мире. В Польше эта книга запустила общенациональную дискуссию о причастности поляков к Холокосту. Некоторые критики упрекали Гросса за обвинительные обобщения в адрес поляков, изредка допускали личные нападки, намекая на его еврейские корни. Но в основном текст был воспринят как голос человека, не отделяющего себя от польской общности, для которого грехи поляков — это источник его собственной боли.

Затем Гросс опубликовал книгу «Страх», в которой говорил о многочисленных убийствах евреев, выживших в Холокосте, уже в послевоенной Польше. Реакция на эту книгу в Польше была уже заметно более раздраженной, критика *ad hominem* участилась. Указания на фактические неточности книги, а они присутствовали и в «Соседях», теперь использовались для дискредитации всей аргументации автора.

Алексей Миллер, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Этот текст написан в рамках гранта РФФ 17-18-01589.

В 2011 г. Гросс опубликовал небольшую книгу, или, скорее, обширное эссе «Золотая жатва», русский перевод которой читатель держит сейчас в руках. Импульсом к написанию послужило приглашение издательства рассказать об одной фотографии по выбору автора. Гросс выбрал фотографию польских крестьян, занимавшихся раскопками могил, а точнее колоссальных ям, в которых был захоронен пепел узников Трешлипки. Они искали и находили там золото и драгоценные камни, которые убитые в лагере евреи сумели утаить от охранников. Это служит отправной точкой для размышлений Гросса (часто вполне публицистических, неакадемичных) о колоссальных масштабах ограбления евреев в ходе Холокоста и об убийствах поляками тех, которые пытались спрятаться от немцев с помощью нееврейского населения. Эта книга многими публицистами в Польше была объявлена клеветнической и очернительской. После прихода к власти партии «Право и справедливость» ее представители поставили вопрос о лишении Гросса ордена за заслуги перед Польшей.

Читая эту книгу, полезно задуматься о нескольких общих вопросах.

Во-первых, следя за развитием отношений Гросса с польской читающей публикой, мы видим, как взаимодействие, которое развивалось в режиме диалога, постепенно превратилось в конфронтацию и обмен ударами. Фактические ошибки в «Соседях» обсуждали для уточнения фактов, ошибки (а их немало) в «Жатве» используют для дискредитации автора и отказа обсуждать его аргументы. Гросс, со своей стороны, становится всё более провокативен и резок. Мы видим здесь тенденцию, характерную для всей Восточной Европы — политика памяти в XXI в. постепенно была превращена в часть политики идентичности и вопрос безопасности. Как следствие, пространство для диалога постепенно разрушалось. Как сформулировал Анджей Новак, весьма профессиональный историк и в то же время один из лидеров современной польской исторической политики, общество должно решить, что ему нужно из истории — «Едвабне или Вестерплатте», т. е. позорные страницы или страницы воинской славы? Слишком мало людей сегодня отвечают, что обществу необходимы и Едвабне,

и Вестерплатте — и рефлексия над позорными страницами, и память о славных деяниях. Большинство стремится только славить, меньшинство — только стыдить и обличать ради обличения, ради утверждения себя в роли обличителя.

Во-вторых, нужно заметить, что Гросс последовательно коснулся трех ключевых вопросов большой темы европейской памяти, Холокоста. Это соучастие в Холокосте местного населения. Это отсутствие сочувствия к выжившим евреям, даже готовность их убивать, продемонстрированная почти во всех странах региона уже после того, как нацисты были разбиты. Наконец, это вопрос колоссально по масштабам присвоения еврейской собственности, в том числе в таких экстремальных формах, как разграбление могил. Это темы, которые ни в одной из стран Восточной Европы не проработаны в полной мере. Только что, в 2016 г., вышла книга Руты Ванагайте «Наши» («Mūsų šikšniai». Vilnius: Alma littera, 2016), где рассказано об этих страшных страницах в истории Литвы.

Из всех посткоммунистических стран только в Румынии был принят закон, запрещающий героизацию румынских деятелей, замешанных в военных преступлениях и Холокосте. Между тем во многих странах среди «национальных героев» есть немало деятельных участников Холокоста, и еще больше его идейных сторонников. В Польше именно сейчас происходит героизация «проклятых солдат», тех бойцов Армии Крайовой, которые не сложили оружия в 1945, и нередко совершали преступления против гражданского населения. Зато именно сейчас польский Институт национальной памяти издает для малышей комиксы, в которых отважных польских детей, которые сражаются с советскими захватчиками Гродно в 1939 г., предает как будто сошедший со страниц геббельсовской прессы некто Тотенштайн.

В-третьих, история книг Гросса — это часть колоссального процесса борьбы за трансформацию общеевропейской культуры памяти. В течение послевоенных десятилетий фундаментальным фактором в сфере политики памяти была изолированность этих процессов в некомунистической «западной» Европе и в коммунистической «восточной» Европе. В 1960–1990-х гг. страны ЕС постепенно вырабатывали определенный консенсус по поводу

прошлого, стержнем которого было признание за Холокостом статуса уникального и центрального события XX в. Этот консенсус подчеркивал общую ответственность европейцев за мрачные страницы прошлого. Путь к нему был долгим и трудным. Когда в 1970 г. канцлер ФРГ Вилли Брандт опустился на колени перед памятником защитникам Варшавского гетто, многие в Западной Германии протестовали против этого поступка. В Австрии в 1980-х гг. острую конфронтацию вызвало «дело Курта Вальдхайма», которое обозначило переход от нарратива австрийской истории как исключительно истории «первой жертвы» гитлеровской агрессии к обсуждению вопроса об ответственности австрийцев за преступления нацизма. Франция пережила свой «момент истины» в 1995 г., когда президент Жак Ширак в речи на стадионе Велодром признал ответственность французов за депортацию евреев в лагеря смерти на востоке. Своеобразным апофеозом этой тенденции было открытие в 2005 г. в самом центре Берлина, у Бранденбургских ворот, спроектированного Питером Айзенманом гигантского мемориала уничтоженным евреям Европы.

Конечно, мотивы собственных страданий играли важную роль в коллективной памяти народов, входивших в ЕС. Признание ответственности за темные страницы прошлого было избирательным. Так, в вопросе о роли европейцев в колониализме и работорговле мы не найдем того единодушия в покаянии, которое было достигнуто в отношении Холокоста.

Однако консенсус относительно Холокоста сам по себе был очень значимым в этой части Европы. Он делал невозможным построение национальных исторических нарративов, в которых главной жертвой выступала бы собственная нация. Невозможно было требовать для себя преференций, ссылаясь на прошлые страдания. В центре оказывался вопрос собственной ответственности и необходимость предотвратить преступления, подобные Холокосту, в будущем.

После падения коммунизма страны Восточной (теперь — Центральной) Европы получили возможность по своему усмотрению сконструировать свои национальные нарративы. В этих нарративах Холокост не играет центральной роли. В них статус главной

жертвы был зарезервирован для титульной нации, и главный фокус был (и остается) на ее страданиях от коммунистического угнетения. Коммунизм в этих нарративах представлен как сугубо внешнее, московское зло. Бывшие коммунистические страны включились, по выражению Евгения Финкеля, в «поиски потерянного геноцида». Так, входя в «Музей геноцида» в Вильнюсе, не следует ожидать рассказа о Холокосте (а о Холокосте в Литве есть что рассказать). Музей расскажет о геноциде литовцев в годы советской оккупации. Музеи оккупации в других прибалтийских столицах в основе своей экспозиции используют ту же схему. И тоже настаивают на том, что эстонцы и латыши были жертвами геноцида. Когда вы войдете в музей «Тюрьма на ул. Лоньцкого» во Львове, вы не найдете ни единого упоминания о том, что именно здесь начался тот колоссальный погром, который унес в первых числах июля тысячи жизней местных евреев. В музее «Дом террора» в Будапеште, который должен рассказать о терроре в Венгрии, самый большой зал посвящен ГУЛАГу, а Холокост — совершенно маргинальная тема.

Во всей Восточной Европе успешно осуществлен «экспорт вины», что находится в кричащем противоречии с прежней европейской культурой памяти, постепенно приучавшей людей думать о собственной ответственности. В последние 25 лет мы можем наблюдать, как прежде изолированные культуры памяти Западной и Восточной Европы вступили во взаимодействие. Восточноевропейская политика памяти, сосредоточенная на страданиях собственных наций, также предъявила Западу претензии за предательство малых наций Центральной Европы, «похищенных» коммунистической Москвой. После обретения независимости элиты новых государств в политическом смысле вполне рационально стремились предотвратить возможность нового соглашения между ведущими государствами Запада и Россией, в котором их собственные интересы могли пострадать. Для этого они старались повысить «цену» такого шага для западноевропейских лидеров, выстраивая определенную политику памяти и заключая в этом вопросе союзы с различными политическими силами в ЕС.

Культура памяти Западной Европы в 1990-х гг. отражала уверенность стран ЕС в собственных успехах и в росте влияния ЕС.

Такое мироощущение облегчало задачу разбирательства с грехами прошлого. На востоке ситуация была иной. Экзистенциальные страхи были присущи восточноевропейским элитам в течение всего XX в. После вступления в НАТО и ЕС восточноевропейские страны вовсе не преодолели эти комплексы. В XXI в., в результате взаимодействия западноевропейской и восточноевропейской «культур памяти» произошла радикальная трансформация европейской политики памяти в целом. Сегодня можно утверждать, что именно восточноевропейская модель, сфокусированная на собственной мартирологии и мотиве экзистенциальной угрозы, одержала верх над западноевропейской, в которой главную роль играла тема собственной вины и ответственности. Кульминация изменений в структуре подходов к прошлому в ЕС была достигнута в апреле 2009 г., когда Европейский парламент установил 23 августа, день подписания пакта Молотова–Риббентропа, как день коммеморации жертв тоталитарных режимов. Строго говоря, в этот день должна почитаться память тех, кто погиб, сражаясь против Советов, и тех, кого сражавшиеся позднее против Советов убили в ходе Холокоста или пацификации белорусских сел. Значение этого акта для европейской политики памяти огромно — он, во-первых, ставит знак равенства между нацизмом и коммунизмом, во-вторых, сдвигает фокус с темы собственной ответственности европейцев на тоталитаризм, и, конечно, прежде всего, на Россию как на «нераскаявшуюся» носительницу вируса тоталитаризма. В этой новой системе координат Восточная Европа может претендовать на ведущую партию, потому что «она больше знает о страдании», больше знает о «варваре у восточных ворот» и не устает напоминать Западной Европе о том, кто главная жертва и кто кому «должен» в ЕС.

В этом контексте книга Гросса «Золотая жатва» может быть прочитана как резкий, даже отчаянный крик протеста против тех тенденций в европейской политике памяти, которые как раз стали набирать силу на рубеже первого и второго десятилетий XXI века, когда эта книга была написана.

Рафал Панковский, Наталия Синяева-Панковская

Для чего нам нужен Ян Томаш Гросс?

В 2000 г. издательство фонда «Пограничье» в Сейнах выпустило книгу Яна Томаша Гросса «Соседи, или История уничтожения еврейского местечка». В ней рассказывается, как 10 июля 1941 поляки уничтожили своих еврейских соседей в Едвабне. После того как издательство Принстонского университета выпустило в 2001 г. англоязычное издание книги, разразилась невиданная по масштабам дискуссия об антисемитизме в Польше. Подобную реакцию можно объяснить тем, что «Соседи» затронули важный для польской идентичности нарратив нации-жертвы, на котором основаны представления поляков о своем месте во Второй мировой войне.

Гросс столкнул поляков с темой их непосредственного участия в убийствах евреев. Как сформулировал Петр Форецкий, если ранее Клод Ланцман своим фильмом «Шоа» обратил внимание поляков на проблему свидетелей Холокоста и польско-еврейских отношений до войны, Ян Блонский в своей знаменитой статье «Бедные поляки смотрят на гетто»¹ обратил внимание на проблему равнодушия по отношению к евреям, а конфликт вокруг Освенцима (Аушвиц) обострил вопрос коллективного представления поляков о себе как о главных, если не единственных жертвах нацизма, то Гросс поднял вопрос: «Может ли нация жертв быть также нацией палачей?»²

На основании показаний выживших и актов судебного процесса 1949 г. Гросс показал, что преступление в Едвабне, которое ранее приписывалось немцам, было совершенно местными жителями. Польский институт национальной памяти провел специальное

Рафал Панковский, профессор Collegium Civitas (Варшава), заместитель главного редактора журнала „Nigdy Więcej” (Никогда больше). Наталия Синяева-Панковская, Ассоциация „Nigdy Więcej” (Никогда больше).

¹ Biedni Polacy patrzą na getto w Tygodnik Powszechny. 1987. N 2.

² Forecki P. Od Shoah do Strachu. Spory o polsko-żydowską przeszłość i pamięć w debatach publicznych, Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010, S. 281.

расследование, подтвердив достоверность используемых Гроссом документов и выводов о том, что непосредственными участниками событий были поляки, подстрекаемые немцами. Более того, историки продолжили исследования и выяснили, что кроме преступлений в Едвабне и Радзилове летом 1941 г., погромы с участием местного населения произошли в более чем двадцати местностях Ломжинского края и Подлесья (в 1939–1941 гг. эта территория находилась под властью СССР).

В дискуссии, начавшейся после выхода «Соседей», публицисты, журналисты и политики преобладали над историками. Гросса критиковали прежде всего националисты и крайне правые, за отсутствие патриотизма и за якобы умаление роли немцев в истреблении евреев. Самые ярые критики старались дискредитировать прежде всего его научную репутацию как серьезного историка. В частности они обвиняли Гросса в «некритичном» подходе к источникам исследования, прежде всего к воспоминаниям выживших. Следует отметить, что изучение преступлений Холокоста во всей полноте затруднено ограниченным объемом сохранившихся документов. Поэтому, в связи со спецификой темы, воспоминания немногочисленных выживших и показания свидетелей являются важным источником для исследователей истории Холокоста.

В большинстве случаев критика книг Гросса несправедлива и мотивирована политически. Обвинения автора в непрофессионализме беспочвенны. Ян Томаш Гросс, профессор истории Принстонского университета, руководитель кафедры «Война и общество», является общепризнанным научным авторитетом мирового уровня. В 1969 г. он эмигрировал из Польши в США после того, как был арестован на несколько месяцев за участие в студенческих протестах в 1968 г. В 1975 г. защитил докторскую диссертацию в Йельском университете. Был приглашенным лектором в самых престижных американских университетах, таких как Гарвардский и Стэнфордский, а также в университетах Парижа, Вены, Кракова, Тель-Авива и других городов.

Его первая книга, основанная на результатах диссертации, «Польское общество под немецкой оккупацией: *Generalgouvernement*,

1939–1944», вышла в 1979 г.¹ В 1983 г. он вместе с Иреной Грудзиньской-Гросс выпустил книгу о поляках, депортированных НКВД в лагерь ГУЛАГа в Сибири и Казахстане: «В сороковом нас мать в Сибирь выслала. Польша и Россия, 1939–1942 г.»². Среди его последующих книг: «Революция из-за границы. Советский захват польской Западной Украины и Западной Белоруссии»³, «Страх. Антисемитизм в Польше после войны»⁴. В этих работах поднимались многие болезненные темы, в том числе описывается послевоенный погром евреев в Кельце в 1946 г.

«Золотая жатва» считается самым большим событием книжной индустрии Польши 2011 г. В книге говорится о жадности и жестокости по отношению к жертвам Холокоста. Эта книга ставит перед читателями серьезные исторические и моральные проблемы.

Ян Томаш Гросс не только начал дискуссию в Польше, но и обратил внимание на тему участия местного населения в Холокосте во всей Европе, ранее замалчиваемую и неисследованную, вдохновив этим местных и зарубежных историков. Дискуссия, начатая Гроссом, продолжается и является очень важной для критической идентичности стран Восточной Европы в посттоталитарную эпоху. Мы гордимся тем, что ассоциация «Никогда больше» участвовала в издании этого перевода.

¹ Gross J. T. Polish society under German occupation: the Generalgouvernement, 1939–1944. Princeton: Princeton University Press, 1979.

² Gross J. T. W czterdziestym nas matko na Sybir zesłali – Polska a Rosja 1939–42, Wybór i opracowanie: Jan Tomasz Gross, Irena Grudzińska-Gross. London: Aneks, 1983.

³ Gross J. T. Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton: Princeton University Press, 2003.

⁴ Gross J. T. Fear: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz. New York, NY: Random House, 2006.

**БЕССАРАБИЯ:
ЕЩЕ ОДИН СЛУЧАЙ «ЗАБЫТОГО» ХОЛОКОСТА**

Оргеев — небольшой молдавский городок к северу от Кишинева, раскинувшийся вдоль берега реки Реут. Как-то, будучи там, я зашел на городское еврейское кладбище. К слову, это кладбище — одно из самых старых сохранившихся до сих пор не только в Молдавии, но, как утверждают путеводители, и во всей Юго-Восточной Европе. Сделал довольно много фотографий и через несколько дней опубликовал их — кладбище очень красивое — в социальных сетях.

Из 70 фотографий могил и надгробий повышенный интерес читателей вызвала только одна. На ней надгробный камень со следующей надписью: «Вечная память сынам Вассерштайнам Яше и Мее-ру, павшим в бою в 1945 г., май месяц», и там же чуть ниже через разделительную черту о другой смерти, смерти не в бою: «Бабушка Этл и ее дети Фроим, Зися, Хоня, Рухл и двое внуков, убитые румынскими жандармами в 1941 г., село Булаешты». Сверху надгробия установлена красная звезда.

Очевидно, упомянутые в надписи — члены одной семьи. Большинство сгинуло в Холокосте, двое погибли на фронте в самом конце войны. По характеру надписи и немного неправильному русскому языку можно сделать вывод, что памятник был установлен в частном порядке оставшимися в живых родственниками погибших, и никаких пропагандистских целей (красная звезда сверху — скорее идеологическая дань эпохе) не преследовал. С большой долей вероятности можно утверждать, что в могиле нет останков ни одного из упомянутых в надписи людей — погибшие в бою остались и захоронены, как это было принято на фронте, на месте гибели, а бабушка Этл с детьми и внуками лежит, вероятно, в окрестностях Булаешт.

Фотография собрала довольно большое количество комментариев. Некоторые откровенно нацистского характера¹, прославляющие Кондукэтора², обвиняющие автора фотографии в разжигании румынофобии. Другие — очень характерные в контексте обсуждения местного Холокоста — противопоставляя, напоминали о жертвах массовых репрессий советской власти в Молдавии³. Многие вспоминали о том, что об издевательствах над евреями во время войны им рассказывали бабушки и дедушки.

Кто-то назвал меня, опубликовавшего эту фотографию, «трибуном зверств, пришедших со стороны». Однако были и комментарии о том, что в 1941 г. евреев убивали и местные, а не жандармы (в частности речь шла о селе Кэпрешты, ныне Флорештского района).

Под этой фотографией был и такой рассказ: «По воспоминаниям старой кишиневки... Когда жандармы и их холоуи шли на очередное “дело”, люди уже понимали, что... собирают евреев и родственников коммунистов для расстрела. Когда каратели врываются в дома жертв, <...> у порогов этих домов стояли простые люди с невинными, детскими глазами. В руках у них были мешки. Среди них были и соседи жертв и люди, наладившие на сбыте награбленного бизнес. Они стояли и ждали, когда уведут жертв. Таких людей было много». И в другом месте: «Те, кто убивал, пытал и мучил, получали возможность грабить своих жертв. Это было основным двигателем их преступлений. Румыны по праву хозяев положения брали ценные вещи — украшения, деньги, что-то дорогое. То, что их не интересовало, позволялось брать их бессарабским (молдавским) пособникам. То, что оставалось после них, могли брать те, кто стоял с мешками у порога...»⁴

¹ В Молдавии за восхваление лиц, участвовавших в Холокосте, не наказывают. В Румынии был принят специальный закон, предусматривающий уголовное наказание за восхваление и пропаганду нацизма и нацистов.

² Conducător (*рус.* — руководитель) — неофициальный титул маршала Антонеску, военного диктатора Румынии в период 1941–1944 гг.

³ Типичная ситуация «конкуренции жертв», когда жертвы одного тоталитарного режима противопоставляются жертвам другого, одни репрессии оправдываются (объясняются) другими и т. д.

⁴ Все комментарии приводятся с разрешения авторов — пользователей социальной сети.

Полемика явно вышла за пределы обсуждения надгробия на старом еврейском кладбище, затронув темы, находящиеся у нас под своеобразным неписанным, необъявленным, но почти общепринятым запретом, — массовое убийство евреев во время Второй мировой войны в Бессарабии и участие местных жителей в убийствах и грабежах.

Необходимо отметить, что целую серию фотографий со старого еврейского кладбища в Оргееве я опубликовал более года назад, а страсти по поводу той, где на надгробии упомянуты братья Вассерштайн, бабушка Этл и ее близкие, не утихают до сих пор, и почти каждый день появляются новые комментарии. Сколько эмоций и историй вокруг одной фотографии со старого еврейского кладбища!

Книга Яна Томаша Гросса и Ирены Грудзиньской-Гросс «Золотая жатва» построена в форме комментария к другой фотографии. Группа крестьян, мужчин и женщин, с лопатами и другими инструментами в руках, расположились в ряд, чтобы сделать снимок. Ничего, казалось бы, необычного. Как пишут сами авторы, «у многих из нас такие снимки остаются в альбомах после летних каникул, проведенных в деревне у близких или дальних родственников»¹. Не нарушают «мирного» характера снимка и вооруженные солдаты и милиция, стоящие по краям группы фотографирующихся людей.

Но это не обычный снимок — у ног крестьян лежат человеческие черепа и кости. Эти люди в поисках золота и других драгоценностей раскапывают землю, в которой лежат останки сотен тысяч жертв нацистов, уничтоженных в лагере смерти Трешлинка. На фотографии мы видим несколько десятков человек (а в «раскопках» на территории бывшего лагеря смерти участвовало всё окрестное население), которые стремились получить свою часть материальной выгоды от Холокоста, от массового уничтожения евреев. Эти люди участвовали в том, что можно назвать величайшим ограблением, «Перехватом»² еврейского добра. Ограблением, которое шло рука об руку с физическим уничтожением европейских евреев. Уничтожение и мародерство охватили всю Европу.

¹ См. с. 12.

² Термин принадлежит польскому историку, профессору Яну Грабовскому.

Антисемитизм, практика его применения, в том числе на уровне государственной политики, варьировали от страны к стране (в Германии — «аризация», в Румынии — «румынизация»¹ и т. д.), однако, как отмечают авторы, «местные общества с удовлетворением воспринимали общие признаки механизма “перехвата” <...> и перераспределения еврейской собственности в пользу арийцев»². Грабеж и легкое обогащение за счет собственности уничтоженных евреев стали одним из главных факторов антисемитской политики на государственном уровне и на уровне поведения членов местных сообществ не только в Германии, но и на территории всех оккупированных ею государств.

Золото и другое еврейское имущество уходило в руки арийцев и других неевреев не только из лагерей смерти, откуда оно транспортировалось эсэсовцами эшелонами³. Евреев убивали и грабили в селах и городах по всей Европе. И в этих убийствах и грабежах активно участвовало местное нееврейское население.

В книге «Золотая жатва» приводятся примеры участия польского населения в убийствах и грабежах евреев⁴. В этом смысле «Золотая жатва» является продолжением книги «Соседи», в которой Ян Томаш Гросс на примере польского городка Едвабне поднимает тему участия в Холокосте местного населения оккупированных нацистами стран. Поднимает тему «другого» Холокоста, массового убийства евреев местными жителями, имевшего место на всей территории Восточной Европы.

¹ Про политику румынизации рекомендую книгу профессора Владимира Солоняра: *Solonari V. Purifying the Nation: Population Exchange and Ethnic Cleansing in Nazi-Allied Romania*. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009.

² См. с. 24.

³ Авторы книги (с. 21) напоминают, что «ценности, изъятые у жертв, отправленных в концлагеря во время войны, доставил в Рейхсбанк “гауптштурмфюрер СС Бруно Мельмер в 76 транспортах, начиная с августа 1942 и до конца 1944 года. В них входили ценные предметы, а также зубопротезный материал, отнятый у депортированных или снятый с трупов убитых”».

⁴ «Шмальцовники» (или «топильщики»), «канадари», «копатели», «дантисты» — только несколько терминов, указывающих на обстоятельства и метод лишения местным населением евреев имущества при жизни и после их смерти.

Эту книгу невозможно читать спокойно. Она не изобилует эпизодами зверств против евреев, в ней, как признают сами авторы, нет новых, неопубликованных до сих пор фактов, однако чувство, возникающее при чтении этой книги, — это потрясение. Охватывает ужас (снова и снова) от осознания того факта, что во время Холокоста у евреев в Европе практически не было союзников. Шанс на спасение могли дать только контакты и взаимодействие с местным населением — с соседями, односельчанами, соотечественниками и др. С местным населением, которое в истреблении евреев увидело, наряду с оккупантами, и для себя возможность улучшить легко и быстро свое материальное положение.

Как отмечают авторы книги, «евреи — с точки зрения тех, кто сталкивался с ними во время оккупации (и даже еще позже, как это видно на снимке) — отождествлялись с вещами. А ведь человек — это нередуцируемый объект, сам себе цель, и любая инструментализация отношений между людьми — это злоупотребление. В отношении евреев во время Второй мировой войны процесс обезчеловечения достигает своего апогея»¹. Евреи были исключены из числа людей. Живые евреи для «соседей» стали «покойниками в отпуске»². Жили, пока это было экономически выгодно тем, кто «спасал». Заканчивались деньги — заканчивался «отпуск», т. е. жизнь.

Убивать и грабить евреев стало «морально», это стало социально санкционированным действием. И этим занимались не только так называемые «отбросы общества», убивали и грабили в том числе «столпы» местных сообществ. Убивали и грабили открыто, что делало соучастниками всех. Это было социальной катастрофой, поразившей местные сообщества, как пишет автор, на десятилетия вперед.

Помогавших бескорыстно, — и это, наверное, потрясает больше всего, — было очень мало. Факт помощи скрывался не только во время войны, когда это было смертельно опасно, но и после. Скрывался даже факт получения почетного звания «Праведника мира». Люди

¹ См. с. 85.

² См. с. 76.

боялись, что никто не поверит в бескорыстие помощи — настолько массовым и «естественным», с точки зрения местных сообществ, был феномен обогащения за счет «покойников в отпуске».

Что случилось с нееврейским населением Европы, каким образом зверские массовые убийства и безудержный грабеж евреев могли стать «общественной нормой», почему стало возможно такое массовое выпадение из человечества такого огромного количества людей? — вот, по-моему, вопросы, на которые пытается ответить новая книга Яна Томаша Гросса «Золотая жатва».

История Бессарабии¹ периода Второй мировой войны — еще один пример замалчиваемого Холокоста. В советское время истребление евреев растворилось в более широко сформулированной теме злодеяний немецко-фашистских оккупантов против советских граждан. В период после объявления независимости Республики Молдова Холокост просто замалчивали. В крайних проявлениях — отрицали. Правда же в том, что Бессарабия была еще одной европейской территорией, на которой разворачивалась драма Холокоста. Истребление евреев, в особенности в сельской местности, началось с самых первых дней оккупации Бессарабии.

Приказ об уничтожении части евреев Бессарабии и Буковины и о депортации остальных был отдан Ионом Антонеску по собственной инициативе без какого-либо давления со стороны немцев. Для выполнения этой задачи он выбрал жандармерию и армию, в задачи входило и создание специальных команд, которые, опережая армию, «создавали в селах неблагоприятную для евреев атмосферу для того, чтобы население само желало бы избавиться от “иудейского элемента” средствами, наиболее соответствующими обстоятельствам»².

¹ До начала XIX в. Бессарабией называлась южная часть междуречья Прута и Днестра — Буджак, юг восточной части Молдавского княжества. После присоединения к Российской империи в 1812 г. восточная часть Молдавии получила название Бессарабская область, а с 1873 г. Бессарабская губерния. В межвоенный период, с 1918 по 1940 г. входила в состав Румынии. В настоящий момент территория Бессарабии входит в состав Украины и Молдавии.

² Raport final / Comisia Internațională pentru studierea Holocaustului în România; președinte comisie: Elie Wiesel; ed. T. Friling, R. Ioanid, M. E. Ionescu. Iași: Polirom, 2004. P. 126.

Приказы, полученные румынской жандармерией еще до начала военных действий на территории СССР, о «зачистке территории» в Бессарабии и Северной Буковине не оставляют места для интерпретаций. Специальные приказы от 18 и 19 июня 1941 г. предусматривали разворачивание в этих двух провинциях легионов жандармов. Генерал Константин (Пики) Василиу, генеральный инспектор Жандармерии, дал в г. Роман офицерам следующие инструкции: «Первая мера, которую надо предпринять — это зачистка территории. Под зачисткой территории подразумевается: уничтожение на месте всех евреев, находящихся в сельской местности; закрытие в гетто всех городских евреев; арест всех “подозрительных”, партийных активистов, тех, кто занимал ответственные посты при советской власти и их конвоирование в расположение легиона»¹. Как вспоминал позже один из жандармов, командир Оргеевского жандармского легиона говорил своим подчиненным, что необходимо убивать всех евреев, от младенцев до беспомощных стариков, поскольку все они угроза для румынской нации².

Историк Владимир Солонарь говорит о более или менее общем сценарии атак на евреев: «Первые убийства совершали румынские военные и жандармерия с участием местных экстремистов (как правило, бывших членов фашистских партий) и оппортунистов. Затем главную роль начинали играть местные жители, которые выявляли, собирали и эскортировали евреев к месту казни. Они же иногда принимали участие в расстрелах, “добивании” раненых и грабеже мертвых тел. Надо отметить, что советских активистов неевреев румынские власти, зачастую, несмотря на требование односельчан, как правило, оставляли в живых, осуждая на различные тюремные сроки или каторжные работы»³.

¹ Ibid. P. 129–130.

² Ibid. P. 130.

³ *Solonari V. Purifying the Nation. P. 170–171.* Но, случалось, всё шло и по другому сценарию. В селе Гирово, Каларашского района, жители, не дожидаясь прихода румынских войск, взяли под стражу односельчан-евреев и организовали их охрану «поулично» — в один день евреев охраняли жители одной улицы, на следующий — другой. Так в селах, как правило, организуется выпас коров. Жители организовали охрану евреев так, как им было сподручней. Никому

У евреев, не успевших эвакуироваться до прихода румынских войск и жандармов, шансов на спасение было очень мало. Спасение могло прийти только от соседей (односельчан) христиан, но случаев помощи со стороны неевреев в Бессарабии было очень мало¹.

В своей книге Владимир Солонарь приводит пример, когда местное христианское население открыто встало на защиту своих односельчан-евреев. Единственный пример. И это случилось не в Бессарабии, а в буковинском селе Въртекуць, где люди стали на колени перед румынскими жандармами, ведущими 12 семей местных евреев на расстрел за окраину села, умоляя карателей отпустить односельчан. Жандармы всех освободили².

Этот случай указывает на то, что в случае активной защиты со стороны христиан сотни и тысячи жизней невинных людей могли быть спасены. Румынские войска и жандармы в Бессарабии и Буковине не считали себя оккупантами и не могли не прислушаться к мнению местного христианского населения.

Но защиты практически не было, было активное и массовое участие в убийствах и грабежах³. Большинство таких случаев хорошо изучено и задокументировано.

В селе Чепелеуцы, Бричанского района, Бельцского уезда были убиты свыше 190 местных евреев и беженцев из других населенных пунктов. В убийствах участвовали 14 местных жителей, имена которых были установлены. Среди убийц были и две женщины, проявившие особую жестокость в отношении своих жертв: «Корорарь, жена Корорарь Василия Ивановича, добывала раненых граждан свинцовым нарукавником... Рокимчук Евгения с еще не умерших от ран выбывала золотые зубы изо рта, обрезала пальцы с золотыми кольцами»⁴.

из евреев не удалось убежать. По приходу румынских войск все евреи села Гирова были расстреляны. Некоторые местные жители участвовали в грабежах, изнасилованиях и расстрелах.

¹ Всего в Молдавии, согласно сайту Яд ва-Шем, 79 «Праведников мира» по 39 случаям спасения.

² *Solonari V. Purifying the Nation*. P. 193–194.

³ Не все в этом участвовали, но все об этом знали и не вмешивались.

⁴ Национальный архив Республики Молдова. Ф. 1026. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 2 об.

В селе Цыганешты после того, как местные жители помогли жандармам идентифицировать и собрать евреев села, которых сразу же повели на край села для казни, некоторые вызвались участвовать в расстреле. После расстрела участвовавшим в нем местным жителям разрешили взять одежду убитых¹.

В Хынчештах после того, как румынские военные согнали евреев города к месту расстрела, один солдат, сославшись на плохое самочувствие, отказался стрелять. Тут же двое местных жителей высказали желание участвовать в казни. Они же после расстрела добивали раненых «контрольными выстрелами»².

В Думбравенах, крупнейшем еврейском поселении на севере Бессарабии, после появления там румынских войск, местное нееврейское население, поддержанное крестьянами соседних сел Дубно, Вэдены и Парканы, начало массовые расправы над евреями. Погромщики разграбили все дома, растащили всё имущество, включая мебель, угнали домашний скот. На всем протяжении погрома, который длился несколько дней, «соседи» зверски избивали и расстреливали евреев³.

По похожему сценарию случился погром в местечке Згурица. Ефим Френкель, выживший в этой резне, вспоминал: «Молдаване начали забирать всё, начали насиловать, молдаване начали бить людей, молдаване отрезали голову еврею косой»⁴.

Погромы, убийства и грабежи проходили на всей территории Бессарабии и Северной Буковины: Кишинев, Бельцы, Единцы, Оргеев, Бричаны, Кагул, Котовск (сегодня — Хынчешты), Ниспорены, Пепены, Скулены, Татарешты, Черновцы, Херца, Хотин, Чудей, Сторожинец, Ропча, Иорданешты, Петровцы, Панка, Бросковцы, Липканы, Стэнешты, Жадова Веке, Костешты, Хлиница, Будинешты и т. д. В этом участвовали не только «отбросы общества». Диана Думитру, анализируя материалы расследования преступлений

¹ *Dumitru D.* The State, Antisemitism, and Collaboration in the Holocaust. The Borderlands of Romania and the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 145.

² *Ibid.* P. 145–146.

³ *Ibid.* P. 147.

⁴ *Ibid.* P. 149.

и личности обвиняемых в них, дает обобщенный образ тех из местных, кто убивал и грабил евреев: «С небольшими исключениями, это были этнические молдаване, мужчины в возрасте от 30 до 40 лет (иногда от 20 до 30), женатые, имеющие детей. Большинство — так называемые середняки, <...> почти половина — грамотные...» и т. д.¹ И здесь мы видим то, что Гросс в своей книге называет «социально приемлемыми действиями», «овеществлением», т. е. исключением евреев из числа людей.

Те, кто не были убиты в первые дни и недели войны, были согнаны во временные концентрационные лагеря, а в городах — в гетто². До конца 1941 г. практически все евреи Бессарабии, не погибшие в ходе погромов, расстрелов, от голода, холода, болезней и истязаний, были депортированы за реку Днестр, в Транснистрию³, вновь созданную провинцию под управлением румынской администрации со столицей в Одессе. В «маршах смерти» (пешие переходы из Бессарабии в Транснистрию) погибли очень многие — от болезней, голода и лишений. Большое число евреев во время депортации было убито местными жителями, которые выкупали их у конвоиров, выводили из колонны и тут же убивали (или просили конвоиров их застрелить) для того, чтобы снять с них понравившуюся одежду и обувь (более ценные вещи, как правило, доставались военным). Выкуп людей из конвоируемой колонны для убийства ради одежды — это, похоже, наш неповторимый бессарабский вклад в Холокост.

В лагерях Транснистрии выжили очень немногие.

В Северной Буковине массовые депортации евреев в Транснистрию также имели место, однако ситуация развивалась несколько

¹ Ibid. P. 156–157.

² По истории Кишиневского гетто рекомендую недавно вышедшую на румынском языке книгу: *Shapiro P. A. Ghetoul din Chişinău, 1941–1942*. Bucureşti: Curtea Veche, 2016.

³ В январе 1942 г. в Кишиневском гетто оставалось около 300 евреев. В мае 1942 г. депортации возобновились, и к концу июля 1942 г. еще 231 человек был депортирован. В начале августа 1942 в Кишиневском гетто всё еще оставались 183 человека, 178 из которых имели разрешение оставаться, а 5 ожидали депортации. По всей провинции оставалось еще 125 евреев — все с разрешением (*Solonari V. Purifying the Nation*. P. 21).

иначе¹. По настоянию мэра г. Черновцы, Траяна Поповича², тысячи евреев были оставлены в Черновцах (частью и в других населенных пунктах провинции) для, как аргументировал мэр, обеспечения бесперебойного функционирования городского хозяйства и экономики провинции в целом. «Экономическая полезность» евреев спасла тысячи от депортации и от неминуемой смерти в лагерях Транснистрии³.

Евреев других румынских провинций спасло изменение ситуации на восточном фронте. После Сталинградской битвы Антонеску отказался от плана «зачистки территории» по всей Румынии. Полное уничтожение евреев ему удалось только в «провинциях-моделях»⁴ — Бессарабии и Северной Буковине.

«Перехват» еврейского имущества в Румынии (в том числе в Бессарабии и в Северной Буковине) шел по тем же схемам и сценариям, что и в других регионах Европы, оказавшихся под властью нацистских (своих либо чужих) режимов. Всё начиналось с дискриминационного законодательства, выдавливания евреев

¹ К 7 сентября 1942 г. в провинции всё еще проживало 19080 евреев. До 13 октября 1942 г., когда депортации были «приостановлены», а фактически прекращены, из Северной Буковины были депортированы еще около тысячи евреев. Таким образом, в провинции оставалось жить 17963 евреев.

² О том, как он, поддержанный всем муниципалитетом г. Черновцы, сопротивлялся стигматизации и депортации евреев, Траян Попович рассказал в своих мемуарах, опубликованных в 1945 г. В 1989 г. институтом Яд ва-Шем ему было присвоено звание «Праведник мира».

³ Владимир Солонарь в своей книге приводит сведения, указывающие на то, что идея не высылать сразу всех евреев во избежание экономического коллапса принадлежит германскому консулу в Черновцах Фрицу Гебхарду, и именно мнение этого представителя немецкой администрации стало решающим для Иона Антонеску, согласившегося с идеей не высылать сразу всех черновицких евреев за Днестр (Ibid. P. 215).

⁴ После тестирования политики «зачистки территории», процесса «румынизации», изменения этнического состава населения путем избавления от национальных меньшинств, в первую очередь евреев в Бессарабии и Северной Буковине, которых Ион Антонеску считал «провинциями-моделями», те же процессы должны были произойти и на остальной территории Румынии.

из экономики, образования, торговли — изо всех публичных сфер жизни¹. А заканчивалось массовым убийством, отрезанием пальцев с золотыми кольцами, вырыванием золотых зубов у еще не умерших от ран и убитых².

Забирали жизнь за одежду, за вещь. Евреи в Бессарабии стали в глазах своих «соседей» носителями вещей. Не людьми. И эта новая социальная «норма» была принята подавляющим большинством.

Молдавия — восточноевропейская страна, где о Холокосте, о роли Румынии, об участии в нем местного (в основном молдавского) населения предпочитают не говорить. Школьная учебная программа по преподаванию темы Холокоста в Бессарабии (несколько часов) либо игнорируется, либо профанируется. Системного научного исследования темы нет, и государством такого рода

¹ В Румынии это имело свое название — «Румынизация еврейской собственности». «Румынизация» по Антонеску предусматривала очищение Румынии от представителей национальных меньшинств (в первую очередь евреев) и передачу «освобожденной» собственности в руки этнических румын. В Черновцах, например, любой этнический румын мог за бесценно получить бывший еврейский магазин или предприятие. Многие «добропорядочные румыны» бросали свои другие дела и ехали в «Румынскую Калифорнию», как называли Черновцы в те годы, в надежде разбогатеть за счет грабежа и эксплуатации бывшего еврейского имущества. В Бессарабии, например, политика ограбления («румынизации» еврейского имущества) имела не только катастрофические последствия для евреев, но и очень плачевные для остального населения. Была парализована мелкая и средняя торговля в городах и селах, расположенных вдоль главных дорог провинции (такая же ситуация была в Буковине и Молдавии), упало производство, снизилась собираемость налогов и платежей в бюджет. В 1942 г. доходная часть бюджета Бессарабии составляла 1 902 446 902 леев, из которых 1 602 500 000 леев поступили из Бухареста. (Ibid. P. 223–225).

² Местные грабили и убивали в первые дни погромов, разграбляли имущество евреев, оставшееся после их депортации и во время их депортации за Днестр. При депортации выживших евреев в Транснистрию, во время так называемых пеших «маршей смерти», местные крестьяне выкупали у конвоиров из колонны «хорошо одетых» евреев, которых убивали (сами или жандармы оказывали «услугу») только для того, чтобы забрать их одежду (*Carp M. Cartea neagră*. 2nd iss. T. 3. București, 1996. P. 40).

исследования не стимулируются¹. Нет и продуманной, целенаправленной государственной политики сохранения памяти жертв Холокоста.

26 июля 2016 г. Парламент Республики Молдова принял Декларацию об одобрении Итогового доклада Международной комиссии по изучению Холокоста под председательством Эли Визеля, а 22 мая 2017 г. — правительство утвердило План действий по превращению в жизнь упомянутой Декларации. Необходимо, однако, отметить, что эти два документа были приняты в результате сильного давления со стороны международного сообщества, что указывает на отсутствие у молдавского руководства политической воли к выработке и внедрению государственной политики по изучению Холокоста и сохранению памяти его жертв. Очевидно, изменения к лучшему в этом плане будут возможны только при сохранении упомянутого давления со стороны зарубежных партнеров нашей страны.

Официальный Кишинев проводит историческую политику, суть которой (но для Польши) лучше всех сформулировал известный историк Анджей Новак: «Либо Вестерплатте, либо Едвабне»². Другими словами, либо нация сохраняет память, гордится героическими моментами собственной истории, либо кается в собственном участии в Холокосте, признаёт свою ответственность за преступления, совершенные в прошлом. В молдавской версии это звучит так: «Либо Сибирь, либо Холокост», где под Сибирью подразумеваются репрессии советской власти против граждан МССР (СССР).

¹ Исключением являются цитируемые здесь книги Владимира Солоняра (2009) и Дианы Думитру (2016), которые были опубликованы в США и в Молдавии почти неизвестны. Другой работой является монография Paul A. Shapiro “Ghetoul din Chişinău — 1941–1942”, изданная в Бухаресте в 2016 г., презентация которой состоялась в январе 2017 г. в Кишиневе. Другие исследования появляются благодаря энтузиазму представителей еврейских общин Молдавии и других стран, членами которых являются выходцы из Бессарабии (Молдавии).

² Вестерплатте — полуостров на польском побережье Балтийского моря под Гданьском, где в период с 1 по 7 сентября 1939 г. гарнизон польского Военно-транзитного склада героически удерживал оборону против немецких войск. Является символом героического сопротивления поляков нацистам.

«И Сибирь, и Холокост» — такой подход пока не получается применить. Препятствуют этому и моменты, связанные с процессом формирования современной идентичности молдаван, в котором «румынизации» (в современной интерпретации) отведена особая роль.

Иногда встречаться с собственным прошлым страшно. Страшно брать на себя ответственность за то, что случилось когда-то с нацией, к которой ты принадлежишь. Но это неизбежно надо делать. «То, что важно для индивидов, важно и для сообществ. Подавленные воспоминания опасны, ибо, вырываясь на поверхность, они могут разрушить то, что является здоровым, обесценить то, что является благородным, профанировать то, что является великим. Нация, как и индивид, может найти много способов для встречи и знакомства с собственным прошлым. И ни одного для его игнорирования»¹.

Книга Яна Томаша Гросса и Ирены Грудзиньской-Гросс «Золотая жатва», выходящая и на русском языке, дает, как мне кажется, многим возможность встретиться и познакомиться с собственным прошлым, с прошлым наций, к которым они принадлежат. Дает возможность стать ответственным за всё, что имело место в истории твоего народа.

¹ Из Вступительного слова Эли Визеля, председателя Международной Комиссии по изучению Холокоста в Румынии, произнесенного на презентации окончательной версии Доклада по Холокосту в Румынии. *Raport final*. P. 15.

Научное издание

Ян Томаш Гросс
при участии Ирены Грудзиньской-Гросс

ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

О том, что происходило вокруг истребления евреев

Перевод с польского *Л. Мосионжник*

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 09.08.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,5. Заказ № 867
Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

